

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»

На правах рукописи

Полончук Руслан Андреевич

**Перспективы развития российско-китайского
военно-технического сотрудничества**

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных
отношений, глобального и регионального развития

Научный руководитель:

Киселев Сергей Георгиевич
доктор философских наук, профессор

Москва – 2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования военно-технического сотрудничества России и Китая	24
1.1 Модели военно-технического сотрудничества	24
1.2 Эволюция теоретических взглядов политического руководства КНР на организацию ВТС с зарубежными странами	51
Глава 2. Модель военно-технического сотрудничества России и Китая в первой четверти XXI века: политические аспекты	68
2.1 Факторы, определяющие российско-китайское ВТС	68
2.2 Современное состояние ВТС России и Китая	94
Глава 3. Приоритетные направления развития военно- технического сотрудничества России и Китая в XXI веке	113
3.1 Проблемные вопросы российско-китайского ВТС	113
3.2 Направления развития ВТС России и Китая	131
Заключение	156
Библиография	161

Введение

Актуальность темы исследования. В обстановке непрерывно усложняющихся международных отношений необходимо заблаговременно выявлять появляющиеся вызовы и угрозы. Организация и контроль указанной деятельности представляются аспиранту невозможными без изучения и учета в повседневной деятельности современного состояния и основных направлений развития военно-технического сотрудничества (ВТС) России с иностранными государствами. Крайне важным с этой точки зрения является сотрудничество России с Китаем, охарактеризованные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года как «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия».

В современных условиях особый интерес представляет система ВТС Китайской Народной Республики (КНР). Для отечественных специалистов такое положение дел определено беспрецедентным усилением восточного соседа как в экономическом, так и в геополитическом и военном плане. Особое внимание российских и зарубежных политологов обращено на российско-китайское военное сотрудничество, которое позволило в значительной степени трансформировать международные отношения в Северо-Восточной Азии (СВА), а также защитить национальные интересы России.

Вместе с развитием российско-китайских добрососедских отношений, разграничением пограничной полосы в 1990-е годы¹, подписанием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве² значительно развилось и ВТС, которое стало одной из основ стабильного поступательного развития двух

¹ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Принята Президентом России Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 21 марта 2006 года в г. Пекин. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3710/print> (дата обращения 03.12.2020).

² Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Подписан Президентом России Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 21 марта 2006 года в г. Пекин. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3710/print> (дата обращения 03.12.2020). В марте 2021 г. договор был пролонгирован на 20 лет.

стран. Экспорт вооружений в Китай обеспечил не только выживание отечественной оборонной промышленности, но и сохранение глобальной конкурентоспособности, а затем помог развить дружественные отношения с КНР уже в военно-политической сфере.

Итогом развития российско-китайского ВТС, охватившего практически все сферы производства вооружений и военной техники (ВВТ) в интересах сил общего назначения, стало масштабное перевооружение китайской армии. В дальнейшем ВТС трансформировалось из основы двусторонних отношений в один из совокупных элементов сотрудничества. В связи с нелегальным копированием российского вооружения и постоянным возрастанием конкуренции со стороны китайского оборонно-промышленного комплекса (ОПК) на рынках третьих стран, российское руководство стало больше внимания уделять оценке рисков поставки военной техники. Однако, с 2010-х гг. происходит постепенное восстановление объемов ВТС, поскольку руководство КНР было вынуждено признать зависимость от России по ряду критически важных компонентов¹.

Получило развитие и собственно военное сотрудничество двух стран, в котором с 2010-х годов ВТС заняло привычное место. Непрерывно диверсифицируются мероприятия российско-китайского военного сотрудничества: совместные учения проводятся на территории обеих стран, за их пределами и в удаленных акваториях Мирового океана. Получило развитие сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Военно-политическое взаимодействие получило наивысшее развитие при отстаивании общих позиций в ООН.

Вместе с тем изменение баланса сил в современном мире, нестабильная военно-политическая обстановка, «торговые войны» США и КНР, растущая военная мощь Китая, санкционное давление со стороны стран НАТО и

¹ Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России: Монография / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 350.

другие угрожающие факторы в перспективе способны негативно повлиять на состояние российско-китайского военного сотрудничества, создав вызовы национальным интересам России.

Таким образом, актуальность диссертационного исследования обусловлена, с одной стороны, теоретической, а с другой, и практической значимостью проблемы обеспечения национальной безопасности РФ за счет развития военно-технического сотрудничества с КНР в условиях непредсказуемых изменений международной обстановки.

Степень научной разработанности проблемы. Для всестороннего освещения темы диссертационного исследования аспирантом были изучены доступные открытые источники информации, которые, исходя из принципов системного подхода, были систематизированы следующим образом:

1. Находящиеся под пристальным вниманием отечественных и зарубежных исследователей проблемы обеспечения национальной безопасности. Теория национальной безопасности нашла отражение в работах отечественных и зарубежных ученых и политологов: В.А. Баришпольца, А.А. Бартоша, В. Бузан, Зб. Бжезинского, Г. Моргентау, Дж. Най, Р. Кохэна, Г. Киссинджера, И.М. Попова, Д.В. Тренина¹.

2. Необходимость изучения соответствующими специалистами данной области на стыке таких наук, как: юриспруденция, экономика, социология,

¹ Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Тематический блок «Национальная безопасность». Геополитика и безопасность. Энциклопедический словарь-справочник. / Под общ. ред. В.А. Баришпольца. М.: МГОФ «Знание», 2014. 832 с.; Бартош А.А. Серая зона: театр гибридной войны. М.: Горячая линия-Телеком, 2021. 308 с.; Buzan B. Strategic Studies: Military Technology and International Relations. Macmillan International Institute for Strategy Studies, 1987. 437 p.; Бжезинский Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. 262 с.; Morgentau H. Politics Among Nations: The Struggles for Power and Peace. NY: Knopf, 1948. 325 p.; Nye J. Power and Interdependence. Boston: Little, Brown and Co, 1977. 270 p.; Cohen R., Wilson A. Superpowers in the Economic Decline: U.S. Strategy for the Transcendury Era. NY: Crane Russak, 1990. 265 p. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Науч. изд. центр «Ладомир»: ТОО «ВРС», 1997. 847 с.; Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. 832 с.; Тренин Д.В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Дмитрий Тренин. М.: Альпина Пабlishер, 2021. 471 с.

политология, философия – определила актуальность темы исследования. Существенный вклад в ее изучение внесли такие ученые, как Д.В. Гордиенко, С.Н. Гриняев, В.С. Буянов, С.Г. Киселев, А.Н. Михайленко, А.И. Муравых, А.А. Прохожев, А.В. Шевченко, Р.А. Явчуновская, Т.А. Яшкова¹.

3. Вопросы методологии, теоретические основы разработки моделей, моделирование в интересах политологических исследований в своих работах осветили О.В. Епахина, Г.Г. Малинецкий, Б.Я. Советов, Ю.П. Сурмин, В.Н. Цыгичко².

Применительно к исследованию проблем военно-технического сотрудничества в системе международных отношений стоит отметить работу Е.Ю. Хрусталева³, посвященную разработке когнитивных моделей стратегического управления оборонно-промышленным комплексом. В дальнейшем ученый продолжил исследование в направлении анализа

¹ Гордиенко Д.В. Оценка уровня безопасности стран Северо-восточной и Центральной Азии: Монография / Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. М., 2013. 88 с.; Гриняев С.Н., Мараев П.Л., Медведев Д.А. Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат / Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина. М.: АНО ЦСОиП, 2021. 172 с.; Буянов В.С. Внешнеполитическая деятельность и международная безопасность России: учебное пособие. М.: Дело, 2017. 344 с.; Киселев С.Г. Россия и евразийское пространство: векторы развития: коллективная монография / С.Г. Киселев, Т.А. Яшкова, И.Б. Кабыткина др. М.: МАКС Пресс, 2017. 358 с.; Михайленко А.Н. Антинаркотическая безопасность в системе развития: учебное пособие / А.Н. Михайленко, А.В. Кожухов. М.: РГ-Пресс, 2019. 216 с.; Муравых А.И. Основы национальной безопасности и устойчивого развития: учебное пособие / А.И. Муравых, Е.Г. Никитенко. М.: МАКС Пресс, 2017. 216 с.; Прохожев А.А. Национальная идеология и национальная безопасность России: монография. М.: ОАО МПК, 2013. 168 с.; Шевченко А.В. Место и роль государственности в системе ценностей российского офицера / А.В. Шевченко, Е.В. Смирнов // Известия. Балашиха: ВА РВСН им. Петра Великого, 2017. С. 178-183; Явчуновская Р.А., Яшкова Т.А. Политика модернизации в региональном измерении современного мира: монография. М.: МАКС Пресс, 2012. 182 с.

² Епахина О.В. Математические методы обработки и анализа социологических данных: учебное пособие / Ярославский университет. Ярославль: ЯрГУ, 2007. 132 с.; Малинецкий Г.Г. Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ: Исследование исторических, военных, социально-экономических и политических процессов. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.; Советов Б.Я., Яковлев С.А. Моделирование систем: учебник для вузов. М.: Высшая школа, 2001. 343 с.; Сурмин Е.П. Теория систем и системный анализ: учебное пособие. К.: МАУП, 2003. 368 с.; Цыгичко В.Н. Модели в системе принятия военно-стратегических решений в СССР. М.: «Империум Пресс», 2005. 96 с.

³ Модели и методы инновационной экономики: Сборник научных трудов. Выпуск 7 / Под ред. К.А. Багриновского и Е.Ю. Хрусталева. М.: ЦЭМИ РАН, МАОН, 2015. 189 с.

моделей и методов применительно к инновационной экономике в XXI веке¹. Нельзя обойти работу авторского коллектива под руководством А.И. Подберезкина², в которой авторы построили модель, в которой на основе математической статистики, а также оригинального программного инструментария выявили взаимосвязь между военно-экономической мощностью государства и качеством человеческого капитала.

4. Военная политика государства исследовалась отечественными политологами и военными специалистами в интересах определения уровня военной опасности. Значительный вклад в ее развитие внесли Н.И. Балахонцев, Т.А. Ганиев, М.А. Гареев, С.М. Задонский, В.В. Круглов, А.Е. Снесарев, Н.В. Огарков, С.Л. Печуров, А.А. Свечин, М.В. Фрунзе, Б.М. Шапошников, В. Шлыков³.

5. Проблемные вопросы развития КНР на современном этапе изложены в работах отечественных синологов: А.В. Болятко, Н.Н. Вавилова, А.В. Виноградова, А.Д. Воскресенского, Ю.М. Галенович, А.В. Ломанова, А.А. Маслова, А.В. Островского⁴.

¹ Хрусталева Е.Ю. Когнитивные модели стратегического управления оборонно-промышленным комплексом // Вооружение и экономика. 2011. № 1. С. 105-120.

² Рабочие материалы по научному проекту «Развитие национального человеческого капитала на предприятиях оборонно-промышленного комплекса как фактор повышения обороноспособности России» / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др.; отв. редактор А.И. Подберезкин. М.: ИМЭМО, 2020. 425 с.

³ Балахонцев Н.И. Зарубежные методы оценки потенциала стран // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 11. С. 101-104; Ганиев Т.А., Задонский С.М. Военная мощь Турецкой Республики. Том II. М.: ИБВ, 2018. 360 с.; Гареев М.А. Национальные интересы и военная безопасность России. М., 1994. 320 с.; Задонский С.М. Военная мощь Турецкой Республики. Том I. М.: ИБВ, 2018. 366 с.; Круглов В.В., Суптель А.И. Военная футурология. М.: Военная академия им. Петра Великого, 2001. 256 с.; Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Ломоносовъ, 2013. 283 с.; Огарков Н.В. История учения о безопасности. М.: Воениздат, 1985. 310 с.; Печуров С.Л. Англо-саксонская модель военной реформы: история и современность. М.: Издательство Московского университета, 2015. 192 с.; Свечин А.А. Стратегия. М.: Госвоениздат, 1926. 265 с.; Фрунзе М.В. Сочинения. М.: Госиздат, 1927. 136 с.; Шапошников Б.М. Военно-научные труды. 2-е издание. М.: Воениздат, 1982. 289 с.; Шлыков В.В. НАТО и совместное производство вооружений: Дисс... канд. эконом. н. М.: ИМЭМО АН СССР, 1970. 235 с.

⁴ Болятко А. Обеспечение национальной безопасности Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 33-45; Вавилов Н.Н. Некоронованные короли красного Китая. М.: Концептуал, 2019. 200 с.; Виноградов А.В. Модель развития и модернизационные проекты Китая. Восходящие страны-гиганты БРИКС: роль в мировой политике, стратегии модернизации.

6. Проблемами национальной безопасности Китая занимались Ю.В. Ведерников, А.П. Девятков, М.В. Казанин, П.Б. Каменнов, В.Б. Кашин, А.А. Кокошин, А.Я. Маначинский, А.С. Небренчин, К.Л. Сыроежкин, Т.А. Тутнова, А.А. Храмчихин, К.В. Чуприн, А.В. Шлындов¹.

7. В связи с необходимостью развития ВТС с зарубежными странами, в ряде трудов китайских ученых уделено значительное внимание изучению вызовов и угроз национальной безопасности КНР, а также особенностей формирования китайской военной доктрины: Ли Дапэн Цяо Лян и Ван Сянсу². Особый интерес для исследования ВТС КНР представляют диссертации китайских

Сборник научных трудов. М.: МГИМО, 2012. С. 309-318; Воскресенский А.Д. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Аналитико-консультативный центр «Стратегические изыскания», 2019. 736 с.; Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая: Монография. М.: НП ИД «Русская панорама», 2016. 1176 с.; Ломанов А.В. Китайская рациональность в современном мире // Философские науки. 2018. № 7. С. 24-37; Маслов А.А. Китай 2020: пандемия, экономика и глобальные альтернативы / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: РИПОЛ классик, 2020. 368 с.; Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. 496 с.

¹ Ведерников Ю.В. Красный дракон: современные военно-морские силы Китайской Народной Республики. М., 2007. 256 с.; Девятков А.П. Практическое китаеведение: базовый учебник. М.: Восточная книга, 2007. 544 с.; Казанин М.В. Национальная безопасность КНР: теоретическая основа и практика обеспечения: монография. М.: МАКС Пресс, 2014. 168 с.; Каменнов П.Б. КНР: военная политика в начале XXI века: монография / П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2019. 248 с.; Кашин П.Б. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР / М.С. Барабанов, В.Б. Кашин, К.В. Макиенко; Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований. М., 2013. 272 с.; Кокошин А.А. Военная реформа в КНР 2015-2020 гг.: оборонные, внешнеполитические и внутриполитические аспекты. 2-е изд., расш. и доп. М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2016. 46 с.; Маначинский А.Я., Дудчак А.В. Военный потенциал Китая. М., 2015. 180 с.; Небренчин А.С., Небренчин С.М. КНР – сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2017. 116 с.; Сыроежкин К.Л. Китай: военная безопасность: монография. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2008. 268 с.; Тутнова Т.А. Ракетно-космическая деятельность КНР: возрастающая роль в международных отношениях / Отв. ред. Н.П. Ромашкина; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. 220 с.; Храмчихин А.А. Дракон проснулся?: внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. 2-е изд. / А. Храмчихин. М.: Ключ-С, 2015. 192 с.; Чуприн К.В. Военная мощь Поднебесной: Вооруженные силы КНР: справочник / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 2006. 840 с.; Шлындов А.В. Вооруженные силы Китайской Народной Республики: монография. М.: ИДВ РАН, 2019. 184 с.

² Ли Дапэн. Вэйлай чжи чжань: Цюань вэйцин цюечжань [«Будущая война: применение высокоточного оружия на всех театрах военных действий»] Бэйцзин: Шиши чубаньшэ, 2015. 303 с.; Qiao Liang, Wang Xiansu Unrestricted warfare // Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, 1999. 228 p.

исследователей, защищенные в Академии военных наук КНР: Сю Куй, Тан Лин, Чэн Юнхун, Лю Мохуа¹.

8. В ходе исследования были изучены труды американских специалистов, посвященные военно-технической политике КНР, а также особенностям модернизационных процессов в китайской армии: Д. Дж. Бласко, Э. Кордесмана, К. МакКоули, С. Малвенона².

9. Среди отечественных и зарубежных коллективных работ научно-исследовательских центров по проблематике исследования стоит отметить труды Института Дальнего Востока РАН³, ИМЭМО РАН⁴, Центра анализа стратегий и технологий⁵, RAND Corporation⁶, информационно-аналитического центра ВМС США Center for Naval Analyses (CNA)⁷, японского «мозгового центра» NIDS⁸.

¹ Сю Куй. Гофан дунюань чжаньлюэ гуйхуа лунь [Теория стратегического планирования мобилизации в интересах национальной обороны]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014. 276 р.; Тан Лин. Сяндай цзюньши чжаньлюэ цзюэцэ яньцзю [Принятие стратегических решений в современной военной стратегии]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014. 282 р.; Чэн Юнхун. Мэйго чжаньлюэ кунцзянь куочжань яньцзю [Расширение присутствия США в космической сфере]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014. 310 р.; Лю Мохуа. Мэйго ванлю кунцзяньчжань сысян яньцзю [Концепции деятельности США в космическом и кибернетическом пространстве]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014. 282 р.

² Dennis J. Blasko. The Chinese Army Today: Tradition and Transformation for the 21st Century (Asian Security Studies) 2nd Edition. Routledge, 2020. 228 p.; Anthony H. Cordesman China's New 2019 Defense White Paper // Center For Strategic International Studies / Working Draft, 2019. 60 p.; Kevin McCauley. Modernization of PLA Logistics: Joint Logistics Support Force. Jamestown Foundation. Washington. 2020. 19 p.; James C. Mulvenon. People's Liberation Army as Organization. RAND. Arlington, 2002. P. 274-270.

³ Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока . Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли. 2008. 624 с.

⁴ Евдотьева М.Г., Крамник И.А., Стефанович Д.В. Военно-техническое сотрудничество стран Юго-Восточной Азии / Отв. ред. Евдотьева М.Г. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 147 с.

⁵ Mikhail Baranov. Shooting Star: China's military machine in the 21st century: f report by the Centre for Analyses of Strategies and Technologies (CAST). Moscow, 2012.170 p.

⁶ China's Incomplete Military Transformation, Assessing the Weakness of the People's Liberation Army / RAND National Security Research Division, 2017. 312 p.

⁷ Kania E.B., Costello J. Quantum Hegemony? China's Ambitions and the Challenge to U.S. Innovation Leadership. Avail- ableat: https://s3.amazonaws.com/les.cnas.org/documents/CNASReport-Quantum-Tech_FINAL.pdf?mtime=20180912133406 (accessed 21.03.2020).

⁸ NIDS China Security Report 2020/ The Expanding Scope of PLA Activities and The PLA Strategy / The National Institute for Defence Studies, 2020. 300 p.

Среди диссертационных работ отметим труд А.Б. Перцева¹, где исследователь изучил направления оптимизации российско-китайского стратегического сотрудничества в интересах национальной безопасности РФ. Отметим труд М.В. Казанина², где проанализированы вызовы интересам России, определяемые новой концепцией национальной безопасности КНР. Вместе с тем, проведенный автором анализ доступной литературы показал отсутствие диссертационных работ, освещающих политические аспекты российско-китайского военно-технического сотрудничества.

В итоге следует отметить, что проблема взаимодействия двух стран в военно-технической сфере не была решена на теоретическом уровне, поскольку непрерывно находится в сфере научной дискуссии российских и китайских политологов. С учетом теоретико-методологической стороны конфликтной ситуации, определение перспектив развития российско-китайского ВТС представляется необходимой для преодоления сателлизации России в условиях беспрецедентных санкций со стороны стран НАТО.

Проблемная ситуация заключается в том, что традиционные подходы к российско-китайскому ВТС все меньше соответствуют характеру двусторонних отношений. В случае прекращения ВТС между РФ и КНР возможна постепенная военно-политическая, а затем и технологическая сателлизация России. Необходимо в кратчайшие сроки найти способы ликвидации данного отклонения, которое при определенных условиях может снизить политическое влияние России на мировом рынке вооружений.

Гипотеза исследования: наряду с расширением географии экспорта российского оружия, необходимо изыскать возможности развития российско-китайской промышленной кооперации в области продукции

¹ Перцев А.Б. Российско-китайские отношения и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации: Автореф. дисс... канд. полит. н. М., 2011. 24 с.

² Казанин М.В. Вызовы интересам России в контексте реализации концепции национальной безопасности Китайской Народной Республики: Дисс... канд. полит. н. М.: РАНХиГС, 2013. 228 с.

военного назначения. Наиболее рациональным способом реализации ВТС России и Китая в будущем является проведение совместной разработки и финансирования НИОКР, что позволит развить отечественную оборонную промышленность и улучшить позиции России на мировом рынке вооружений.

Объектом диссертационного исследования выступает российско-китайское военно-техническое сотрудничество.

Предметом исследования является противоречие между национальными интересами России и глубиной военно-технического сотрудничества с Китаем в ближайшем будущем, выражающееся в возможной военно-политической и технологической сателлизации России, девальвации интегрального военно-технологического паритета с ведущими зарубежными странами и погружении в мировую технологическую периферию.

Цель диссертационного исследования заключается в определении перспектив развития российско-китайского военно-технического сотрудничества, а также предложений, способствующих реализации национальных интересов России в военно-политической и военно-технической сферах.

Для достижения цели исследования аспирантом были определены следующие **задачи**:

1. Проанализировать существующие модели военно-технического сотрудничества.
2. Выявить особенности эволюции теоретических взглядов политического руководства КНР на организацию военно-технического сотрудничества с зарубежными странами.
3. Рассмотреть факторы, определяющие российско-китайское военно-техническое сотрудничество.
4. Охарактеризовать современное состояние российско-китайского военно-технического сотрудничества.
5. Определить проблемные вопросы российско-китайского ВТС.

6. Оценить направления развития российско-китайского военнотехнического сотрудничества с учетом интересов России в военнотехнической области.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1949 г. (год основания КНР) по настоящее время.

Теоретическая база исследования. Российско-китайское военнотехническое сотрудничество непрерывно диверсифицируется, в связи с этим аспирант столкнулся с необходимостью задействования широкого спектра политологических теорий. Так, учитывая постоянно растущую междисциплинарность научных исследований, в работе была использована теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона¹, которая развивается на стыке двух направлений – теории регионального пространства А.Б. Каримовой² и геополитической регионалистики В.В. Карякина³.

С помощью этой теории С.Г. Киселев⁴ объясняет геополитические сдвиги, которые проявляются в стратегиях глобальных держав в зависимости от складывающейся международной обстановки. Применение данных теорий потребовалось в связи с тем, что, начиная с 2014 года, наблюдается неопределенность международных отношений, которая соответствующим образом влияет на такую в целом политизированную сферу, как ВТС.

В диссертации нашли продолжение элитологические теории, в части касающейся закономерностей поведенческих реакций руководителей китайского государства при организации ВТС страны, выявленных на основе принципа субэтнических региональных групп. Так, российский китаевед

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: Издательство АСТ, 2022. 640 с.

² Каримова А.Б. Битва пространств. Теория регионального пространства. Техники регионостроительства: Монография. М: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2020. 225 с.

³ Карякин В.В. Геополитическая регионалистика: Монография. М.: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2018. 223 с.

⁴ Киселев С.Г. Вызовы безопасности России в условиях геополитических и геочивилизационных сдвигов // Новые угрозы национальной безопасности Российской Федерации: материалы научно-практической конференции кафедры национальной безопасности РАГС при Президенте РФ 02.10.2008 г. М., 2009.

Н.Н. Вавилов¹ считает, что вектор направленности российско-китайского военно-технического сотрудничества, в целом, зависит от личных отношений руководителей двух стран. В свою очередь, Н.В. Карпиленя подтверждает данный тезис, выделяя определяющую роль элит с точки зрения обеспечения обороноспособности государств-союзников².

При работе над диссертацией автор при выявлении конкуренции РФ и КНР на рынках вооружений опирался на концептуальные идеи отечественных и зарубежных политологов, посвященные обеспечению национальной безопасности и международным отношениям на разных уровнях: государственном (Дж. Най³, В. Бузан⁴, Г. Моргентау⁵); теории национальной (А.А. Кокошин⁶, А.В. Ломанов⁷, А.А. Прохожев⁸), глобальной (В.С. Буянов⁹, Г. Киссинджер¹⁰, А.Е. Снесарев¹¹) и региональной безопасности (А.В. Болятко¹², Ю.М. Галенович¹³, С.Л. Печуров¹⁴).

По причине отсутствия актуальных комплексных трудов, посвященных российско-китайскому ВТС, автор посчитал необходимым обратиться к

¹ Вавилов Н.Н. Китайская власть. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 664 с.

² Карпиленя Н.В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства: монография. М.: ИД «Архонт», 2020. 426 с.

³ Nye J. Power and Interdependence. Boston: Little, Brown and Co, 1977. 270 p.

⁴ Buzan B. Strategic Studies: Military Technology and International Relations. Macmillan International Institute for Strategy Studies, 1987. 437 p.

⁵ Morgentau H. Politics Among Nations: The Struggles for Power and Peace. NY: Knopf, 1948. 325 p.

⁶ Кокошин А.А. К прогнозированию отношений КНР и США // Проблемы прогнозирования. 2014. № 6. С. 71.

⁷ Ломанов А.В. Китайская рациональность в современном мире // Философские науки. 2018. № 7. С. 24-37.

⁸ Прохожев А.А. Национальная идеология и национальная безопасность России: монография. М.: ОАО МПК, 2013. 168 с.

⁹ Буянов В.С. Внешнеполитическая деятельность и международная безопасность России: учебное пособие. М.: Дело, 2017. 344 с.

¹⁰ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Науч. изд. центр «Ладомир»: ТОО «ВРС», 1997. 847 с.

¹¹ Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Ломоносовъ, 2013. С. 36.

¹² Болятко А.В. Обеспечение национальной безопасности Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 33-45.

¹³ Галенович Ю.М. Войны нового Китая и его дипломатическая служба. М.: Восточная книга, 2012. 640 с.

¹⁴ Печуров С.Л. Англо-саксонская модель военной реформы: история и современность. М.: Издательство Московского университета, 2015. 192 с.

работам, составляющим основу теории стратегической разведки, позволяющей проводить информационно-аналитическую работу в условиях ограниченной информационной базы. Так, в работе Р. Хилсмэна¹ были рассмотрены политические аспекты влияния стратегической разведки на лиц, принимающих решения. В. Плэтт² в своем исследовании на основе методологии общественных и естественных наук разработал принципы и методы информационной работы стратегической разведки, которые также нашли продолжение в психологии разведанализа, теоретические основы которой разработал Ричард Дж. Хоер³.

Учитывая необходимость прогнозирования перспективных направлений развития российско-китайского ВТС, в диссертации были применены интеграционные теории, в частности теория военного потенциала государства (К. Кнорр⁴, А.П. Показеев⁵), а также ставшую базисом методологии мировой торговли оружием теорию рынков вооружений (К.В. Макиенко⁶).

Методологическую основу диссертации составили методологические подходы, примененные в ходе исследования модели, методы и частные методики. В работе комплексно применены системный, структурно-функциональный, синергетический и идентитарный подходы. Насущная потребность обращения к системному подходу была определена тем, что российско-китайское ВТС не развивается изолированно, а подвергается влиянию совокупности политических, социальных, экономических,

¹ Хилсмэн Р. Стратегическая разведка и политические решения / Пер. с англ. К.П. Сониной и О.Е. Зильберберга (Roger Hilsman, Strategic Intelligence and National Decisions, Glencoe, 1956). М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 192 с.

² Плэтт В. Информационная работа стратегической разведки. Основные принципы / Пер. с англ. Е.Б. Пескова. Под ред. А.Ф. Федорова. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 320 с.

³ Richard J. Heuer, Jr. Psychology of Intelligence Analysis // Center for the Study of Intelligence, 1999. 214 p.

⁴ Кнорр К. Военный потенциал государств. М.: Воениздат, 1960. 394 с.

⁵ Показеев А.П. Военный потенциал штатов США: от шт. Айдахо до шт. Юта (Основные элементы военного потенциала на территории Соединенных Штатов Америки). М.: Перо, 2016. 507 с.

⁶ Макиенко К.В. Мировой рынок вооружений: структура, тенденции, вызовы. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018. 312 с.

информационных и военных факторов. По этой причине аспиранту пришлось, рассматривая российско-китайское ВТС, выходить за его рамки, анализировать ВТС КНР с другими странами.

Необходимость обращения к структурно-функциональному подходу была продиктована тем, что, по мнению диссертанта, было необходимо оценить отдельные направления российско-китайского сотрудничества в военно-политической сфере, оказывающим влияние на отношения двух стран. К таким направлениям, по нашему мнению, можно отнести проведение на регулярной основе совместных российско-китайских консультаций на уровне министров обороны, военных и антитеррористических учений, совместных патрулей воздушного и морского пространства в АТР и на Ближнем Востоке.

В диссертационном исследовании также использован синергетический подход. По мнению автора, именно он позволяет объективно исследовать области на стыке геополитики, военного дела и экономики. По мнению А.Е. Снесарева¹, этот подход характеризуется широтой постановки проблемы и многовариантностью подхода к ее решению. Ученый обращал внимание на взаимосвязь политических и военных явлений, которая помогает исследователю утвердиться в понимании, что система политических взглядов и интересов определяет цели и характер военной стратегии любого государства.

Значительным подспорьем для работы стало изучение моделей, примененных в области политологических исследований: динамическая модель сопричастности на примере обеспечения безопасности в Центральной Азии², политологическая модель двусторонних отношений³, адаптивная модель гуманитарной политики⁴, модель формирования международных

¹ Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Ломоносовъ, 2013.

² Гулина Е.В. Российско-китайские отношения по обеспечению безопасности в Центральной Азии: динамическая модель сопричастности: Дисс... канд. полит. н. М., 2019.

³ Кожухов А.В. Политическая модель современных российско-афганских отношений. Дисс... канд. полит. н. М., 2019.

⁴ Шафинская Н.В. Адаптивная модель реализации гуманитарной политики Российской Федерации в Социалистической Республике Вьетнам: Дисс... канд. полит. н. М., 2021.

транспортных коридоров в условиях нового мироустройства¹, модель гармонизации стратегии и тактики двусторонних отношений².

Комплексный и междисциплинарный характер исследования предопределил использование аспирантом статистического, исторического методов, а также метода системного анализа в целях выявления теоретических основ изучения российско-китайского военно-технического сотрудничества. Соискатель считает, что благодаря их использованию можно получить более объективные выводы. При определении угрожающих факторов для ВТС РФ и КНР соискатель применял сравнительный анализ, метод анализа документов, факторный анализ. При разработке предложений и рекомендаций по устранению вызовов военно-техническому сотрудничеству РФ и КНР исследователь применил методы выборочного опроса общественного мнения, опроса экспертов в сфере ВТС, экстраполяции устойчивых тенденций.

Диссертация выполнена на основе принципа историзма, с использованием историко-генетического метода³, суть которого сводится к последовательному обнаружению свойств, функций, изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет, в наибольшей степени приблизиться к реальной истории объекта⁴.

Помимо этого, при проведении исследования был использован историко-сравнительный метод. На основании хронологии развития отношений между КНР и РФ были рассмотрены периоды развития военно-технического сотрудничества двух стран⁵.

¹ Бирюков П.Э. Международные транспортные коридоры в условиях формирования нового мироустройства: Дисс... канд. полит. н. М., 2021.

² Умеров Д.А. Модель гармонизации стратегии и тактики современных российско-таджикских отношений: Дисс... канд. полит. н. М., 2021.

³ Полончук Р.А. Шашок Л.А. Ближневосточная политика Китайской Народной Республики. М.: АНО ЦСОиП, 2021. 168 с.

⁴ Калимонов И.К. Основы научных исследований (зарубежная история): практикум. Казань: КГУ, 2006.

⁵ Пахомова М.А. Политика Китая в странах Арабского Востока (1978-2012 гг.): Дисс... канд. истор. н. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2013.

В работе использовался метод case study, при помощи которого была реконструирована эволюция формирования ВТС России и Китая в сфере сухопутной, авиационной (в том числе и систем ПВО), военно-морской техники¹.

В диссертации использовались методики, позволяющие в достаточной степени устранить недостаток базы исследования. Так, в целях определения перспектив развития российско-китайского ВТС, использовалась методика форсайта, применяемая в рамках военной футурологии², и сближающая прогнозируемые события в будущем с активными действиями заинтересованных субъектов в настоящем. Она включает различные научные методы, например метод Дельфи, проектирование тенденций, мозговой штурм и методы, обеспечивающие доказательность результатов исследований.

Также автор опирался на методики, применяемые для оценки конкретных направлений развития ВТС. Так, исследовалась общедоступная часть методики, применяемой Стокгольмским институтом проблем мира³, позволяющая проводить всеобъемлющие подсчеты трансферов вооружений в глобальной системе военно-технического сотрудничества. При рассмотрении вопросов, связанных с экспортом военно-морской техники из России в Китай, аспирантом также использовалась методика расчета достаточного количества корабельного состава флота⁴.

Таким образом, результаты анализа доступной аспиранту научной литературы по проблематике современного российско-китайского ВТС

¹ Пахомова М.А. Политика Китая в странах Арабского Востока (1978-2012 гг.): Дисс... канд. истор. н. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2013.

² Круглов В.В., Суптель А.И. Военная футурология. М.: Военная академия им. Петра Великого, 2001. 256 с.

³ Ежегодник СИПРИ 2019: вооружения, разоружение и международная безопасность / Пер. с англ. ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 893 с.

⁴ Полончук Р.А. Роль и место военно-морских сил НОАК в обеспечении национальной безопасности Китая: Монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2019. 106 с.

позволяет сделать вывод о том, что данная тема является объектом пристального внимания со стороны научного сообщества. Вместе с тем политические аспекты прогнозирования этих отношений изучены, в целом, недостаточно.

Эмпирическую базу исследования составили различные первичные источники информации. В первую группу источников вошли информационные ресурсы российского, китайского и американского оборонных ведомств, открытые доклады государственных научно-исследовательских институтов, осуществляющих мониторинг военно-технического сотрудничества России. Особое внимание было уделено анализу отчетных документов ФСВТС и ежегодных отчетов государственной корпорации «Ростех».

Во вторую группу вошли отчетные документы съездов Коммунистической партии Китая (КПК), документы пресс-канцелярии Госсовета, Центрального военного совета (ЦВС) и министерства обороны (МО) КНР. Их изучение представляется аспиранту необходимым для детального анализа военно-доктринальных взглядов руководства КНР на организацию ВТС, вопросов трансформации военно-технического сотрудничества КНР в XXI веке.

В третью группу вошли труды российских и зарубежных синологических организаций: ИСАА МГУ, РИСИ, КИСИ (Казахстан), центр Project 2049 (США), позволяющие выявить основы сотрудничества китайской армии с ВС РФ в военно-технической сфере.

В четвертую группу источников вошли работы, выполненные отечественными «мозговыми центрами», освещающими тематику ВТС России с иностранными государствами: «Центр анализа стратегий и технологий», «Центр мировой торговли оружием», маркетинговое агентство «New Defense Order», «Центр стратегических оценок и прогнозов».

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Предложена политическая модель ВТС России и Китая, основывающаяся на реализации теории рынков вооружений в условиях двусторонних международных отношений. В качестве основы предлагается использовать веберовскую идеально-типическую модель поведения импортера на рынке вооружений и мотивационной типологии рынков вооружений. Модель обладает интеграционными свойствами и может использоваться для исследования ВТС России с другими странами, чей рынок вооружений формировался под влиянием эмбарго и ограничений (Израиль, Иран, Пакистан, Венесуэла, КНДР и др.).

2. На основе принятой в исследовании методологии выявлены наиболее существенные установки, формирующие теоретические взгляды политического руководства КНР на организацию ВТС. К ним можно отнести следующие: гарантированное обеспечение безопасности китайского государства в мирное и военное время за счет реализации комплекса внешнеполитических стратегий; возможность противостоять превосходящему по силам и средствам противнику за счет инноваций в военном деле; ускоренная модернизация китайской армии за счет ВТС с зарубежными странами; возможность задействования вооруженных сил в интересах решения задач небоевого характера.

3. В диссертации получила развитие методология политических исследований путем применения имеющегося инструментария к новому предмету исследования. В частности, определено, что для решения наиболее проблемных вопросов российско-китайского ВТС целесообразно использовать методы case studies, SWOT-анализ и методику подсчета трансферов вооружений SIPRI. Для выявления перспектив ВТС России и Китая наиболее эффективными являются метод форсайта и методика расчета достаточного количества вооружения.

4. В русскоязычный политологический оборот аспирантом введены малоизученные источники на китайском языке, раскрывающие актуальные составляющие военно-технического сотрудничества РФ и КНР.

Положения, выносимые на защиту:

1. Выявлено, что несмотря на наличие нескольких моделей ВТС, наиболее распространенной является типология, основанная на мотивации импортера вооружения. В ее состав входят зависимая, коррупционная, блокадная, рационально-прагматическая и политическая модели. Ни одна из них по отдельности не подходит России в ее военно-техническом сотрудничестве с Китаем, поскольку специфика рынка вооружений КНР определяет их комплексное использование. Целесообразно выстроить политическую модель российско-китайского ВТС на основе веберовской идеально-типической модели поведения импортера на рынке вооружений и мотивационной типологии рынков вооружений.

2. В китайских военно-доктринальных документах все большее внимание уделяется увеличению роли ВТС как способа влияния на сложившийся баланс сил в регионе Северо-Восточной Азии. Положения китайской военной доктрины сформировались в 80-е гг. XX века, и, несмотря на изменения международной обстановки и положения страны в системе международных отношений, остаются в неизменном виде уже четвертое десятилетие. Китай из импортера становится экспортером широкой номенклатуры вооружений в страны со слабо развитой военной промышленностью.

3. Результаты исследования факторов, влияющих на российско-китайское ВТС, показали, что приближение военной инфраструктуры США с использованием территорий Японии и Республики Корея к границам РФ, возможная дестабилизация обстановки между отдельными государствами СВА, обострение региональной и глобальной стабильности являются основными факторами активизации российско-китайского ВТС. К другим причинам можно также отнести наращивание воинских контингентов вооруженных сил США на территориях Республики Корея, Японии и в акваториях Тихого океана в целях политического и военного давления на Россию. Одним из направлений стратегии России по нейтрализации данных

угрозообразующих факторов может быть изменение баланса сил в сторону КНР путем интенсификации военно-технического сотрудничества.

4. Исследование российско-китайского ВТС на современном этапе развития с использованием предложенной модели позволяет сделать вывод о снижении роли данного вида сотрудничества в отношениях двух стран. Начиная с 2013 года, наблюдается процесс «замещения» собственно военным сотрудничеством привычного места ВТС в российско-китайских отношениях. ВТС РФ и КНР прошло несколько этапов: от экспорта советских систем вооружения в Китай до выполнения индивидуальных разработок и заказов по спецпроектам китайского ОПК; от сотрудничества китайских инженеров с российскими конструкторскими бюро до поставок высокотехнологичных систем вооружений в интересах китайской ПВО/ПРО.

5. Несмотря на, в целом, позитивный сценарий развития российско-китайского ВТС, опыт сотрудничества с Китаем позволяет говорить о наличии вызовов интересам России. В перспективе уровень технологической независимости России может падать, а в обозримом будущем страна окажется неспособной поддерживать широкий спектр технологий, в том числе важных с военно-технической точки зрения. Вполне реальные факторы негативного сценария также указывают на то, что уже в настоящее время ОПК КНР в состоянии удовлетворять потребности национальных вооруженных сил в вооружениях, в целом ликвидировав отставание в развитии технологической базы. Так, перспективы ВТС с КНР могут быть связаны, главным образом, с проведением совместных НИОКР и с программами совместного производства.

6. Рассмотрение перспектив развития российско-китайского ВТС показало наличие обоюдных интересов российской и китайской стороны к продолжению и диверсификации сотрудничества. В рамках исследуемой политической модели двустороннего ВТС наиболее перспективным направлением сотрудничества являются совместные НИОКР в высокотехнологичных областях: создание систем ПВО/ПРО, истребителей 5/6-го поколений, подводных кораблей и космических аппаратов. Наличие значительного количества направлений совместной деятельности позволит, с

одной стороны, обеспечить заказами предприятия отечественного ОПК, а с другой – сместить баланс сил в СВА в сторону Китая, тем самым решив задачу стратегического сдерживания США.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что исследование может быть рассмотрено в качестве вклада в развитие политологии в части, касающейся разработки теоретической базы выстраивания военно-технического сотрудничества между странами. В работе исследователь, используя методы научного познания, систематизировал существенный объем информации по проблемам трансформации подходов руководства РФ и КНР к обеспечению военно-технического сотрудничества. В работе предлагается усовершенствованная автором модель военно-технического сотрудничества с учетом особенностей рынка вооружений Китая. В методологическом плане аспирантом предложены наиболее целесообразные методы и методики исследования перспектив развития военно-технического сотрудничества России и Китая.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что полученные в результате исследования выводы и обобщения могут быть использованы российскими государственными внешнеполитическими, внешнеэкономическими и другими ведомствами в планировании мероприятий военно-технического сотрудничества с КНР. Выводы исследования и выработанные рекомендации могут быть полезны для отечественных специалистов с точки зрения интереса, который представляет китайский подход к организации ВТС. Возможно использование результатов работы при составлении курсов лекций по национальной безопасности, международным отношениям, стратегическим исследованиям, регионоведению и истории российско-китайских отношений.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации содержатся в десяти научных статьях, опубликованных в рецензируемых ВАК России журналах «Этносоциум и международная культура», «Информационные войны», «Проблемы Дальнего Востока».

Отдельные положения диссертации были представлены в ходе ежегодных Научных Снесаревских чтений (РАНХиГС), а также при

соискании премии имени русского военного ученого, геополитика А.Е. Снесарева в 2020 г. Полученные в ходе диссертационного исследования научные результаты были доложены соискателем в ходе следующих международных конференций: «Моисеевские чтения», г. Москва 2019 г.; «Россия и Мир», г. Москва (РАНХиГС), 2019 г.; «Стратегическое управление в сфере национальной безопасности: вызовы и риски пространственного развития России» (РАНХиГС), 2019 г.; VII конференция «Восточная перспектива», г. Москва (ВШЭ), 2020 г.; конференция «Россия и США: состояние и перспективы сотрудничества со странами Африканского континента», г. Москва (Институт Африки РАН), 2020 г.; конференция «Практическое прогнозирование как инструмент развития промышленности, законодательства, управления», г. Москва (международный форум «АРМИЯ-2020»), 2020 г.

В целях апробации результатов диссертационного исследования аспирантом принято участие в публикации четырех научных монографий, публикации статей в периодических изданиях, освещающих тематику ВТС («Военно-промышленный курьер», «Независимое военное обозрение», «Арсенал отечества», «Новый оборонный заказ. Стратегии», «Экспорт вооружений»).

Структура работы определена целью и частными задачами исследования. Работа включает введение, три главы, шесть подразделов, заключение, список использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ

1.1 Модели военно-технического сотрудничества¹

Важнейшим направлением государственной деятельности является работа в сфере национальной безопасности, которая связана не только с обеспечением нормальных условий для развития страны, но и с достижением жизненно важных интересов, связанных с условиями самого существования государства.

Согласно трактовке, приведенной в справочнике «Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь», военная безопасность – это «военная составляющая государственной безопасности, которая обеспечивается состоянием вооруженных сил и других институтов общества, поддерживающих оборонную мощь государства на необходимом (достаточном) уровне для установления благоприятных взаимоотношений с другими государствами и исключения конфронтации с использованием аргумента применения силы»², а концептуальной основой обеспечения военной безопасности являются военные доктрины или иные аналогичные документы. Именно в этих документах рассматриваются инструменты реализации военной безопасности, одним из которых и является военно-техническое сотрудничество.

Военно-техническое сотрудничество – деятельность в сфере международных отношений, реализация которой затрагивает и плоскость экономического взаимодействия государств. Поэтому для того, чтобы проанализировать тенденции развития ВТС, необходимо иметь, в том числе, представление, какое место оно занимает в экономическом взаимодействии стран.

¹ На основе этого параграфа автором опубликована научная статья: Полончук Р.А. Методы исследования и прогнозирования оборонного потенциала и его элементов // Этносоциум и международная культура. 2020. № 12. С. 42-51.

² Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / Под общ. ред. Д.О. Рогозина. М.: «Вече», 2011. С. 42.

Проведя исследование доступной литературы, диссертант отдает себе отчет в том, что глубокий анализ экономической составляющей ВТС требует специальных комплексных знаний в области государственной внешнеэкономической и военно-технической политики, в вопросах конъюнктуры и тенденций мирового рынка вооружений, понимания особенностей продвижения ПВН на экспорт и других сопутствующих частных вопросов. Автор понимает также, что ВТС – эта особая сфера отношений, предмет которой может составлять государственную и коммерческую тайну. Это, безусловно, накладывает определенные ограничения на исследовательские возможности. Однако цель исследования заключается в выявлении общих закономерностей ВТС России и Китая, а формулировка исследовательской задачи, которая решается в текущей части работы, подразумевает поиск ответа на вопрос, насколько важным компонентом двустороннего торгово-экономического взаимодействия является ВТС. В целях получения ответа на этот вопрос соискатель дает общую характеристику двустороннего взаимодействия Китая и России, уделяя внимание таким показателям, как основные сферы экспорта и импорта, а также общий объем товарооборота.

Под военно-техническим сотрудничеством понимается «деятельность в сфере международных отношений, связанная с вывозом и ввозом, в том числе поставкой или закупкой, продукции военного назначения, а также с ее разработкой и производством».¹ Такое определение приводит со ссылкой на «Информационные материалы по вопросам ВТС Российской Федерации с иностранными государствами» военно-технический словарь «Война и мир в терминах и определениях» под редакцией Д.О. Рогозина Это, однако, не означает, что все рассматриваемые нами страны вкладывают одинаковый смысл в деятельность, описываемую термином «ВТС». При существовании в целом единого подхода к трактовке этого определения в зависимости от

¹ Война и мир в терминах и определениях. Военно-технический словарь / Под общ. ред. Д.О. Рогозина. М.: «Вече»: «Оружие и технологии»; «Редкие земли», 2016. С. 201.

сложившегося в каждой отдельной стране опыта в указанной сфере понимание ВТС может обретать нюансы. Стоит также добавить, что и понятие «ПВН» может трактоваться по-разному, что, в целом, увеличивает возможности расширения трактовки самого понятия ВТС.

Кроме того, рассматриваемое явление может определяться различной терминологией. В этом случае показательны выводы В.В. Кудашкина о том, что термин «военно-техническое сотрудничество» имеет российское происхождение, и, например, в китайских законодательных и нормативно-правовых актах этот феномен обозначается термином «экспорт военной продукции»¹. Вместе с тем, в Русско-китайском тематическом словаре-справочнике в области торгово-экономического и военно-технического сотрудничества В.А. Заморина в качестве альтернативного варианта предложен термин-калька с русского языка (军技合作)², что дает основания предположить выработку совместного подхода для гармонизации сотрудничества в военно-технической области.

Так как мы проводим исследование ВТС Китая в интересах, прежде всего, Российской Федерации, а также для удобства проведения исследования, в качестве рабочего определения ВТС мы будем использовать определение, приведенное выше по Военно-техническому словарю под редакцией Д.О. Рогозина

Отмечается, что государства в ходе ВТС стремятся реализовать экономические, политические и оборонные цели³. Набор этих целей в каждом отдельном случае индивидуален. Прежде всего, укажем, какие

¹ Кудашкин В.В. Государственное регулирование торговли продукцией военного назначения с иностранными государствами: Монография. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.

² Заморин В.А. Русско-китайский словарь-справочник в области торгово-экономического и военно-технического сотрудничества 俄汉经贸和军技合作分类词典. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство ВКН, 2016. С. 12.

³ Война и мир в терминах и определениях. Военно-технический словарь / Под общ. ред. Д.О. Рогозина. М.: «Вече»: «Оружие и технологии»; «Редкие земли», 2016. С. 202.

основные интересы преследует Китай, реализуя военно-техническое сотрудничество.

Во-первых, это возможность получить доступ к передовым военным технологиям и технологиям двойного назначения. Этот доступ может быть обеспечен как путем закупок продукции военного назначения, так и путем ее совместной разработки и производства. На сегодняшний день мы можем говорить, что Китай предпочитает второй способ, в то время как еще 10-15 лет назад для китайского военно-промышленного комплекса, ввиду его невысокой развитости, наиболее вероятным, а порой – единственно возможным – являлся закупочный путь.

Во-вторых, военно-техническое сотрудничество для Китая является одной из мер обеспечения безопасности. Здесь важно отметить, что в сфере безопасности для Китая (разумеется, в рамках нашего исследования) есть два основных аспекта: безопасность границ и приграничных районов, а также безопасность торговых путей в границах транспортных коридоров Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Реализуя эти интересы, Пекин использует инструмент военно-технического сотрудничества для оказания технической и материальной помощи странам, а также для участия в инфраструктурных проектах для нужд национальных вооруженных сил.

В-третьих, Пекин рассматривает военно-техническое сотрудничество как источник доходов. И здесь речь может идти либо о продаже собственной военной техники и вооружений, а также другой продукции военного назначения (например, производственных технологий), либо о совместных с зарубежными партнерами проектов, которые могут быть коммерциализированы.

В условиях развития в стране рыночных механизмов, особое внимание уделяется внедрению в оборонное строительство достижений науки и техники, совершенствованию разработки, производства и освоения современных ВВТ. Совершенствуется система заказов ВВТ и система

приобретения ВВТ на конкурсной основе. Внедряется в практику охватывающая все заинтересованные организации система создания и эксплуатации ВВТ в течение всего продолжения ее жизненного цикла. Это, по мнению китайских стратегов, должно привести к повышению уровня эффективности системы вооружения НОАК. Кроме того, совершенствуются законы и положения, регулирующие управленческую работу по созданию новых образцов ВВТ.

Анализ китайских источников показывает, что решающую роль в укреплении военно-технического сотрудничества КНР с зарубежными странами играет ее дипломатический корпус (МИД КНР)¹. Он представляет государство за границей через свои зарубежные представительства, отвечает за официальные дипломатические отношения с иностранными государствам². Однако китайский МИД не является единственным дипломатическим органом³. Высший эшелон китайских руководителей (как собственно партийных, государственных, так и военных) непрерывно осуществляет дипломатические функции во время визитов за рубеж. Также создан разветвленный аппарат Министерства внешней торговли, осуществляющий экономические связи КНР, в которых ВТС играет немалую роль⁴.

Военно-дипломатическую службу официальный Пекин организует на основе принципов взаимной выгоды и равенства. КНР выступает за расширение связей военных ведомств, которые не были бы направлены против третьих стран⁵. В Китае такая специфическая деятельность, как военная

¹ См.: Козыкина, Н.В. Особенности дипломатии современного Китая: учеб. пособие / Н. В. Козыкина, К. Г. Муратшина; науч. ред. В.И. Михайленко; М-во образования и науки РФ. Урал. федерал. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017.

² Закон КНР об аккредитованных за рубежом дипломатических работниках. Принят на 11-м съезде ПК ВСНП одиннадцатого созыва (31.11.2009 г.).

³ См.: Свешников А.А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников. М.: ИДВ РАН, 1999.

⁴ См.: Галенович Ю.М. Войны нового Китая и его дипломатическая служба. М.: Восточная книга, 2012.

⁵ Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН (28 сентября 2015 г., Нью-Йорк) [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.chinaembassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm> (дата обращения 26.01.2019).

дипломатия, подчинена нуждам государственной внешней политики¹ и содействует созданию эффективных механизмов коллективной безопасности, тем самым формирует мирную среду для дальнейшего мирного развития².

МО КНР регулярно направляет за рубеж делегации военно-технических экспертов. В свою очередь, на регулярной основе МО КНР принимает военно-технические делегации иностранных армий. Сферами делегационного обмена являются: научные исследования, военное образование, проведение учений, управление войсками, организация медицинской службы и др. Другим направлением военного сотрудничества является проведение выставок и военно-технических форумов, на которых иностранным заказчикам демонстрируется продукция китайского оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

Кадры для выполнения указанных задач готовит Институт международных отношений НОАК (г. Нанкин). В нем осуществляется подготовка сотрудников для работы в аппаратах военных атташе и под дипломатическим прикрытием. Слушатели изучают иностранные языки, специальные дисциплины, вооруженные силы иностранных государств, страноведение и др.

Подготовка переводчиков-референтов, владеющих иностранными языками в интересах НОАК осуществляется в Институте иностранных языков НОАК (г. Лоян), который готовит лингвистов, проводит исследования в сфере лингвистического обеспечения военной деятельности и международной политики. Становление научно-исследовательских и педагогических кадров происходит в магистратуре и докторантуре по направлениям: зарубежная литература, международные отношения, военно-техническое сотрудничество.

¹ См.: Корабельное знание. Пекин: Изд-во Китайской кораблестроительной промышленной корпорации. 2017. № 9. С. 34-39.

² См.: Корабельное знание. Пекин: Изд-во Китайской кораблестроительной промышленной корпорации. 2017. № 8. С. 98.

Таким образом, дипломатическая служба КНР принимает непосредственное участие в развитии контактов с зарубежными странами. Кроме МИД КНР, значительные усилия в этой области предпринимают высший эшелон китайских руководителей, Министерство внешней торговли, а также военное ведомство.

Особо стоит выделить роль «мозговых центров» в освещении вопросов современного состояния и перспектив развития военно-технического сотрудничества и рынков вооружений. Так, военно-техническое направление не стало исключением для китайских стратегических исследований¹. Выработкой рекомендаций китайскому руководству по выстраиванию политического курса в отношении иностранных государств непрерывно занимается сеть национальных научных и аналитических организаций².

Ведущей академической научно-исследовательской организацией (НИО) КНР в области общественных наук (обеспечение социального развития общества и повышения обороноспособности страны) является Академия общественных наук (АОН) КНР. На основе научных разработок АОН готовятся рекомендации для партийных и государственных органов по выработке мероприятий внутренней и внешней политики³.

Институт проблем обороны, входящий в состав Университета национальной обороны НОАК, призван содействовать обмену военными кадрами с зарубежными странами и предоставлять высшее военное образование военнослужащим (в некоторых случаях и гражданским лицам). Институт также проводит исследования по совершенствованию ВТС, оказывает консультирование при принятии решений военно-политическим руководством. Общее число сотрудников института насчитывает около 120 человек⁴.

¹ См.: Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2013.

² См.: Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры Китая: Справочник. М.: РИСИ, 2012.

³ Там же.

⁴ См.: Веб-сайт ИПО УНО НОАК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdsndu.org/> (дата обращения 19.09.2020).

Институт международных стратегических исследований НОАК является информационно-аналитическим подразделением объединенного штаба ЦВС. Институт осуществляет анализ и обобщение информации, подготовку информационно-аналитических документов для ВПР КНР и командования НОАК¹.

Каждые десять дней выпускается бюллетень «Обстановка в иностранных армиях» (США, страны НАТО, Ближний Восток, Африка и Латинская Америка) для старшего офицерского состава, ежеквартально публикуется журнал «Стратегические международные исследования», регулярно организуются конференции и семинары по проблематике ВТС².

Количество государственных и частных «мозговых центров» в КНР непрерывно увеличивается. В КНР насчитывается более 2500 подобных организаций, занимающихся политическими исследованиями.

По мнению китайского руководства, деятельность КНР на мировых рынках вооружений должна быть освещена национальными новостными и информационно-аналитическими изданиями. Это обусловлено необходимостью проводить информирование среди китайского населения, повышения политической грамотности и обоснования китайского проекта «Один пояс, один путь».

«Чжунго цзюньван» («Китайская военная сеть») – военный новостной портал Китая, единственный официальный интернет-ресурс НОАК. Основание портала было одобрено Центральным военным советом Коммунистической партии Китая. Издание публикует статьи про военные учения, новые виды вооружения, новости, касающиеся обороны, военной стратегии государства и другие. На портале можно найти заметки про историю военных конфликтов на Ближнем Востоке, освещение текущей ситуации в Сирии, Ливии, Ираке, Афганистане и др. Для привлечения

¹ Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010-2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 4. С. 6-22.

² Веб-сайт [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_170c38ad60102yz7o.html (дата обращения 19.09.2020).

большей аудитории портал также публикует заметки о внутривнутриполитических и международных событиях, не связанных с военной службой¹.

Таким образом, в современных условиях постепенно возрастает роль военно-технического сотрудничества в системе международных отношений. В них ВТС выступает в качестве двух основных форм деятельности: основы взаимоотношений стран-партнеров; «офсетом» (дополнением) к уже достаточно развитым отношениям в политической, экономической и военной области.

На современном этапе остаются нерешенными проблемные вопросы исследования политического аспекта военно-технического сотрудничества иностранных государств. Это объясняется ограниченным числом профильных организаций (например, в РФ это ГУ МВС, ФСВТС, АО «Рособоронэкспорт» и др.) и довольно закрытым характером информации взаимоотношений государств в данной области. Вместе с тем постепенно увеличивается количество «мозговых центров», в задачи которых входит мониторинг, оценка и моделирование перспективного состояния ВТС различных участников рынков вооружений. Отдельным направлением исследований данных организаций является изучение влияния ВТС отдельных импортеров и экспортеров вооружений на военно-политическую обстановку в мире.

Анализ научных публикаций позволяет обоснованно утверждать, что современная международная обстановка обладает высокой динамичностью, достаточно сложным и неустойчивым характером². На нее оказывают влияние кризисы глобального и регионального масштабов, связанные с конкуренцией между «центрами силы». Конфликтный потенциал нарастает в зонах традиционных российских интересов, при этом возникают новые

¹ Вэб-сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.81.cn/> (дата обращения 19.09.2020).

² Харитонов Е.М. Роль прогнозных исследований в деятельности по достижению целей в области устойчивого развития ООН. Анализ и прогноз // Международная экономика и международная политика . 2019. № 2. С. 12-22.

вызовы и угрозы, которые негативно влияют на национальную безопасность России¹.

Р. Хилсман в своей работе «Стратегическая разведка и политические решения» (1956 г.) исследовал проблемные вопросы информационно-исследовательской работы американской стратегической разведки и ее влияние на определение вектора политики государства. Р. Хилсмен излагает свое видение на разведку работников государственного аппарата Соединенных Штатов Америки. Автор считает, что принятие политических решений представляет собой преимущественно рациональный процесс, «политика представляет компромисс между конкурирующими целями или несовместимую совокупность альтернативных средств достижения одной цели»².

В рамках теории оборонного потенциала государства С.Л. Печуров сформировал научную школу исследования англо-саксонской модели военного строительства, а в ее рамках – отдельных направлений: формирования военно-профессиональной среды в англо-саксонских государствах, анализа особенностей военных реформ³, разведывательного и иного обеспечения в рамках вооруженных сил данных государств, изучения проблем становления и развития военно-политических союзов англо-саксонских субъектов международных отношений, коалиционного применения их вооруженных сил⁴ и др.

Российский китаевед Н.Н. Вавилов считает, что при оценке военной политики КНР, прежде всего стоит уделить внимание изучению внутренней политики, лидеров основных группировок, властных кланов, устремления

¹ Балуевский Ю.Н. Теоретические и методологические основы формирования военной доктрины Российской Федерации // Военная мысль. 2007. № 3. С. 14-21.

² См.: Хилсман Р. Стратегическая разведка и политические решения / Пер. с англ. К.П. Сониной и О.Е. Зильберберга. (Roger Hilsman, Strategic Intelligence and National Decisions, Glencoe, 1956). М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

³ См.: Печуров С.Л. Англо-саксонская модель военной реформы: история и современность. М.: Издательство Московского университета, 2015.

⁴ См.: Печуров С.Л. Англо-саксонская модель коалиционной войны. История и современность. М.: РОО «Информационная цивилизация – XXI век», 2008.

военной элиты, а также их взаимоотношения и влияние принятых решений на векторы государственной стратегии¹. Развивая свои исследования, автор предлагает рассматривать изучение военно-политического курса КНР с точки зрения внутривнутриполитической борьбы основных субэтнических военно-политических групп и их ориентации на западные политические элиты. Н.Н. Вавилов указывает на необходимость изучения культурных кодов и политических стратегий древней китайской цивилизации, которые должны входить в совокупность инструментов создания экспертной оценки².

Анализ китайских источников позволяет утверждать, что суть используемого КНР дипломатического инструмента для упрощения организации и проведения мероприятий нейтральной политики заключается во внедрении принципов дипломатии, а не в формировании альянсов³. Китайские политологи считают, что «в альянсе более сильная сторона опасается, что может быть втянута в конфликты более слабой стороны, в то время как более слабая сторона боится того, что ее бросят в трудной ситуации»⁴.

Стратегическое сотрудничество, основанное на взаимной выгоде, устраняет эти опасения, уменьшая количество обязательств с обеих сторон. Так, «обе стороны соглашаются сотрудничать в областях общих интересов, одновременно управляя областями потенциальной конкуренции. Работая над общими интересами, партнеры ориентированы на цели, а не на угрозы, и предлагают пути по улучшению отношений в других вопросах»⁵.

Так называемые в китайской политологической науке «стратегические партнерства» имеют широкий спектр иерархических отношений, начиная от «дружеского кооперативного партнерства» до «всеобъемлющего

¹ См.: Вавилов Н.Н. Некоронованные короли красного Китая. М.: Концептуал, 2019.

² См.: Вавилов Н.Н. Китайская власть. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021.

³ См.: Jonathan Fulton, «Friends with Benefits: China's Partnership Diplomacy in the Gulf», Project on Middle East Political Science Studies 32, 2019. P. 75.

⁴ См.: Glen Snyder, «The Security Dilemma in Alliance Politics», World Politics 36, 4 (2015). P. 121.

⁵ См.: Georg Strüver. «China's Partnership Diplomacy: International Alignment Based on Interests or Ideology», Chinese Journal of International Politics 10, 1 (2017). P. 32-37.

стратегического партнерства» (термины, принятые в дипломатической переписке МИД КНР). Каждый уровень взаимодействия имеет свои приоритеты, но немногие из них по своей сути касаются только формальных обязательств.

Наивысшим уровнем является залог полного стремления к сотрудничеству и развитию, но он не привязывает ни одну из сторон к потенциально дорогостоящим политическим мерам по обеспечению безопасности¹.

Анализ официальных материалов МИД КНР позволяет сформировать иерархию существующих видов партнерств (с китайской точки зрения), применяемых КНР к зарубежным странам, их виды и присущие им приоритеты (таблица 1).

Таблица 1

Иерархия видов партнерства, применяемая КНР к зарубежным странам²

Вид партнерства	Приоритеты
«Всеобъемлющее стратегическое партнерство»	полный спектр сотрудничества в отношениях с государством на региональном и глобальном уровнях
«Стратегическое партнерство»	тесные отношения с государством на региональном и глобальном уровнях, включая военную сферу
«Всеобъемлющее кооперативное партнерство»	высокий уровень делегационного обмена и контактов на разных уровнях, наличие некоторых общих интересов
«Кооперативное партнерство»	кооперация в некоторых областях, основанием партнерства выступает взаимное уважение
«Дружественное кооперативное партнерство»	основанная на торговле кооперация

В отношениях с иностранными государствами официальный Пекин не придерживается какого-то одного вида, а планомерно использует сразу несколько видов «партнерства», которые, по сути, представляют сотрудничество в привычном для отечественных специалистов смысле. Что характерно, такой подход не втянул КНР в региональное соперничество. Так, например, в январе 2016 года председатель КНР Си Цзиньпин отправился на Ближний Восток, первоначально посетив Саудовскую Аравию, где лидеры

¹ Quick Guide to China's Diplomatic Levels, South China Morning Post, January 20, 2016. P. 12.

² Pang Xun, Liu Lida, Ma Stephanie. China's Networking Strategy for Seeking Great Power Status. The Chinese Journal of International Politics, 2017, vol. 10, no. 1. P. 1-29.

двух стран подписали соглашение о «всеобъемлющем стратегическом партнерстве»¹. Затем он вылетел в Тегеран и заключил аналогичное соглашение с правительством Ирана².

Китайские аналитики полагают, что следует отличать партнерские отношения от союзов и сотрудничества. Для заключения союза между его участниками, как правило, подписывается договор, обладающий юридической силой в области международного права, в котором определяются обязательства и цели объединения государств. Данные отношения не имеют этих признаков: для их установления главы государств подписывают меморандум или коммюнике³, у них нет четких обязательств и ограничивающих условий, но присутствует определенная гибкость взаимодействия⁴.

Таким образом, «Сотрудничество» по сравнению с «партнерскими отношениями» меньше по масштабу и уже по числу сфер взаимодействия⁵.

Китай развивал иерархию взаимоотношений с другими странами посредством государственных визитов, предлагая возможность улучшить существующие отношения⁶. Учитывая этот факт, можно обосновано ожидать, что государства, которые еще не имеют соглашений о сотрудничестве с Китаем, подпишут соглашения среднего уровня во время государственных визитов или многосторонних форумов, например Форума «Один пояс, один

¹ KSA, China Agree on Strategic Partnership», Arab News, January 21, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arabnews.com/saudi-arabia/news/868276>. (дата обращения 02.10.2021).

² Епихина Р.А. Роль электроэнергетики во внешнеэкономической экспансии КНР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12(6). С. 188-202.

³ Сишо чжунго дуйвай хобань гуаньси: чжаньлюэ сецзо вэй цзуйгао цэнцзи. [Китайское внешнеполитическое партнерство: стратегическое сотрудничество на высшем уровне]. URL: <http://finance.sina.com.cn/china/20141124/024420898324.shtml> (дата обращения 29.08.2020).

⁴ Дай Вэйлай. Чжунгодэ «цзебань вайцзяо» чжаньлюэ: тэчжэн, юанью цзи луцзин. [Стратегия китайской «дипломатии создания партнерств»: особенности, причины и пути] // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2015. № 10. С. 30.

⁵ Бедарева Н.И. Дипломатия партнерства КНР: уровни партнерских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 114-125.

⁶ Feng Zhongping and Huang Jing, «China's Strategic Partnership Diplomacy: Engaging with a Changing World», European Strategic Partnership Observatory, working paper 8 (2014), 9. P. 129.

путь». Вместе с тем, стоит отметить неравнозначность понятий «сотрудничество» и «партнерство» для отечественной политологической науки. Исходя из долговременных целей, для российской внешней политики «сотрудничество» является приоритетным ориентиром.

Как отмечает Ю.В. Курносов, методы исследования элементов военной политики государства, в том числе и ВТС, предусматривают одновременное использование общих и специальных методов исследования. Ожидаемым результатом их использования, как предполагает автор, станет накопление массива информации, касающегося военной политики страны, получение на его основе теоретического описания предмета исследования и прогноза его развития (см. таблицу 2)¹.

Таблица 2

**Методы исследования, используемые при изучении
военной политики государства²**

	Метод исследования	Ожидаемый результат
Общие методы	Изучение источников	Формирование и изучение массива данных о вооружении, военной и специальной технике страны
	Сравнение	Сопоставление фактографических данных о тактико-технических характеристиках существующих и планируемых к принятию на вооружение образцов вооружения и военной техники
	Анализ	Уточнение роли, места и задач вооруженных сил в системе обеспечения национальной безопасности страны
Специальные методы	Метод пороговых значений	Определение критических количественных показателей исходных данных и планирование их использования при проведении математических расчетов
	Метод математического моделирования	Проведение расчетов и получение числовых значений выбранных показателей оценки военной политики
	Метод исследования операций	Количественно-качественная оценка военной политики, анализ результатов расчетов

Анализ научной литературы о перспективах развития военно-технического сотрудничества показывает, что в настоящее время создание современных вооруженных сил и средств для ведения вооруженной борьбы на суше, море, в воздушном, космическом и киберпространстве, боевая учеба и поддержание ВС в постоянной боевой готовности оказались под силу только высокоразвитым в промышленном отношении государствам,

¹ См.: Курносов Ю.В. Аналитика и разведка. Размышления профессионала. 4-е изд. М.: ООО «РИТМ», 2020.

² Там же.

обладающим мощным экономическим потенциалом и высоким уровнем развития науки и техники. При прогнозировании развития военнотехнического сотрудничества зарубежных стран, считается необходимым учитывать некоторые специфические особенности развития ВВТ.

Первой характерной чертой развития ВТС являются многообразие и сложность ВВТ, включающего кроме традиционных вооружений (кораблей, торпедного, минного, трального оружия, глубинных бомб и др.) элементы военной техники, характерные для конкретных видов ВС. Изменения потребностей государства в ВВТ должны учитываться при прогнозировании развития ВТС иностранных государств¹.

Второй особенностью развития ВТС являются длительные сроки жизни образцов ВВТ. Эта особенность позволяет прогнозировать развитие ВТС на долгосрочный период за счет комплексной оценки факторов, влияющих на их развитие, задач, вытекающих из оценки развития международной обстановки, научно-технических и экономических возможностей государства².

Третьей особенностью развития ВТС является необходимость неоднократной модернизации ВВТ за время эксплуатации. Некоторые образцы ВВТ способны выдерживать за период своей жизни одну-две существенные реконструкции, проводимые на базе основных устройств³.

Четвертой особенностью развития ВТС являются сложность, огромная протяженность и чрезвычайная неустойчивость среды, в которой ВВТ приходится выполнять свои боевые и повседневные задачи. Эффективное применение ВВТ возможно в случае его проектирования не только в соответствии с требованиями технических наук, связанных с

¹ См.: Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014.

² См.: Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018.

³ См.: Карякин В.В., Козин В.П. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века: монография. М.: Граница, 2014.

соответствующими видами оружия и боевой техники, но и наук, связанных с изучением среды его применения¹.

Перечисленные особенности усложняют процесс прогнозирования развития ВТС иностранных государств, поэтому особую роль, в связи с этим, приобретают научные методы прогнозирования.

Прогнозирование в военном деле – это определение перспективных вероятностных данных о возможных направлениях и тенденциях развития ВС, ВВТ и военного искусства как в исследуемой стране (коалиции стран), так и у вероятного противника, о ходе и исходе вооруженной борьбы и войны в целом². Это определение полностью относится и к военно-техническому сотрудничеству, как составной части наращивания военной мощи страны.

Анализ зарубежной и отечественной литературы позволил выявить ряд методов прогнозирования, с помощью которых определяются долгосрочные тенденции развития и использования ВВТ. Эти методы основываются на выявлении и изучении тенденций в развитии процессов, явлений и на известной «инерции» этих тенденций, позволяющей предсказать состояние прогнозируемых объектов в будущем. В данной работе в целях исследования рассмотрены основные методы, объединенные по отдельным признакам в несколько групп (см. рис. 1).

Проведенное исследование показало, что, осуществляя прогнозирование, нельзя механически проецировать прошлые и современные тенденции на будущее. Более надежным инструментом для оценки состояния объектов в будущем являются методы прогностики. С помощью этих методов производятся целенаправленная подготовка исходных данных, фиксирование информации в определенном порядке, преобразование и анализ в интересах разработки достоверных прогнозов.

¹ Полончук Р.А. Роль и место военно-морских сил НОАК в обеспечении национальной безопасности Китая: Монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2019. С. 24.

² См.: Война и мир в терминах и определениях. Военно-технический словарь. Книга вторая. Нормативно-правовая основа и официальная военно-техническая и военно-экономическая терминология / Под общ. ред. Д.О. Рогозина. М.: Вече; Оружие и технологии, 2017.

Все методы прогнозтики принято делить на следующие три группы: эвристические, аналитические, статистические.

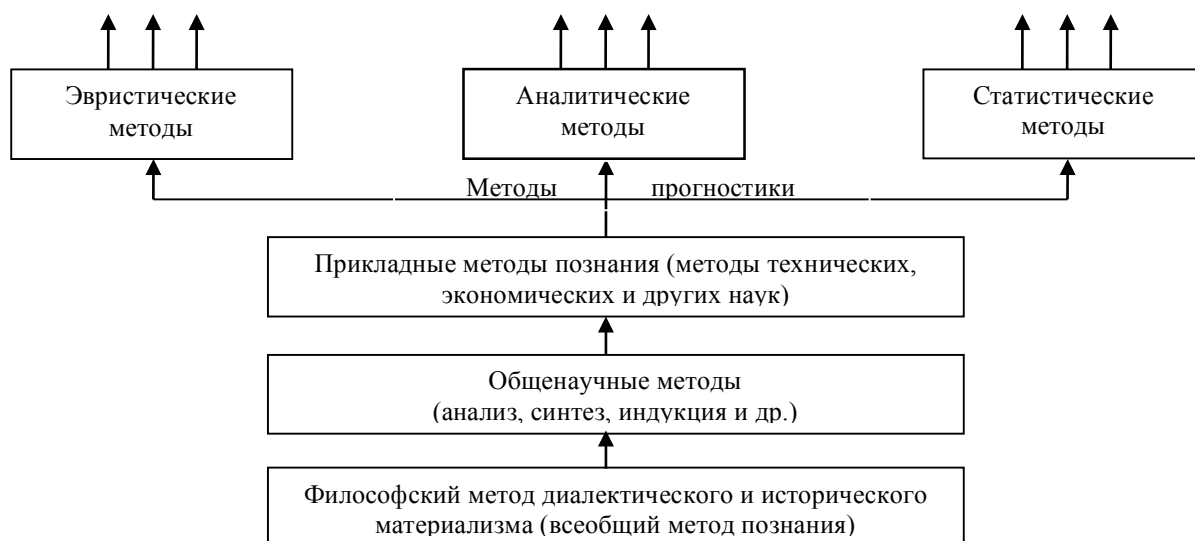


Рис. 1. Взаимосвязь и подчинение методов прогнозтики и других методов¹

Основой эвристических методов является экспертный опрос. Получение квалифицированных экспертных оценок по каждой проблеме будущего существенно зависит от способностей не только экспертов, но и организаторов опроса. Эвристические методы применяются тогда, когда объект прогноза полностью либо частично не поддается формализации в силу ряда причин. Нередко к этим методам обращаются также в случаях дефицита времени, они широко применяются при оценке перспективных систем вооружения флота.

Аналитические методы применяются в случаях, когда известны общие закономерности развития явления, его общая структура, важнейшие аналитически выраженные связи, т.е. когда исследуемый процесс поддается формализации. Связи могут быть выражены алгебраическими, дифференциальными и интегральными уравнениями и их системами, неравенствами, номограммами, построениями типа матриц, сетевых графиков, морфологических структур, а также компоновочных и других графических схем и др. Эти методы широко применяются при

¹ Полончук Р.А. Роль и место военно-морских сил НОАК в обеспечении национальной безопасности Китая: Монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2019. С. 48.

моделировании процессов боевых действий на море и математическом обосновании морских программ вооружения.

Статистические методы прогнозирования применяются, когда об объекте прогноза и его развитии имеются достаточные статистические сведения, выявленные на основе ретроспективного анализа. В этих случаях тенденции развития параметров объекта можно экстраполировать в будущее на определенный промежуток времени. По своей природе и благодаря развитому математическому аппарату результаты статистического моделирования являются весьма убедительными, однако их целесообразно использовать главным образом для исследований эволюционных процессов.

Статистический анализ продолжительности этапов жизненных циклов кораблей и систем корабельного оружия дает основание утверждать, что если за прогнозируемый период военно-политическая ситуация не претерпевает радикальных изменений, то основные закономерности, определяющие развитие ВМС вероятного противника, существенно не изменятся. Это значит, что на весь период можно экстраполировать такие временные показатели, как сроки нахождения кораблей в строю и корабельного оружия в эксплуатации, сроки постройки головного корабля нового типа и максимальные сроки постройки серии кораблей по одному проекту, сроки разработки новых образцов корабельного оружия и сроки внедрения новых технических решений. Используя выявленные временные показатели, можно прогнозировать сроки замены одного вида боевых средств другим, выполняющим аналогичные боевые задачи.

Результаты военного прогнозирования определяют принятие стратегических решений по перспективным планам и программам развития российских вооружений. Прогнозы являются основой для разработки этих программных документов. Таким образом, прогнозирование и планирование тесно взаимосвязаны. При этом прогнозирование, как правило, предшествует планированию и создает для него научно-информационный задел, а результаты прогнозов используются для повышения научного уровня планирования.

Одним из наиболее востребованных методов исследования в области международных отношений в настоящее время является ивент-анализ (анализ событийных данных). Задачей ивент-анализа является представление взаимодействия между субъектами международных отношений в формализованном виде в рамках определенной шкалы (как правило, отражающей состояние конфликтности процессов).

Результаты анализа могут быть использованы в исследовании как источник информации для построения гипотез, проверки данных, а также могут быть источником дополнительных сведений об изучаемом объекте.

При прогнозировании требуется определить функциональную зависимость – модель прогнозирования. Цель ее создания состоит в получении такой модели, для которой среднее абсолютное отклонение истинного значения от прогнозируемого стремится к минимальному для заданного горизонта.

После того, как модель прогнозирования определена, требуется вычислить будущие значения временного ряда, а также их доверительный интервал.

Достоинства и недостатки моделей представлены в таблице 3. В ряде работ указано¹, что наиболее распространенными моделями прогнозирования являются авторегрессионные, а также нейросетевые модели. Для прогнозирования временных рядов самыми популярными являются авторегрессионные модели², конкуренцию которым составляют модели на основе искусственных нейронных сетей.

¹ Collantes-Duarte J., Rivas-Echeverriat F. Time Series Forecasting using ARIMA, Neural Networks and Neo Fuzzy Neurons // WSEAS International Conference on Neural Networks and Applications, Switzerland, 2002. P. 9-12; Alfares H.K., Nazeeruddin M. Electric load forecasting: literature survey and classification of methods // International Journal of Systems Science. 2002, Vol 33. P. 23-34; Hinman J., Hickey E. Modeling and forecasting sort term electricity load using regression analysis // Journal of Institute for Regulatory Policy Studies. P. 12-124.

² Gheyas I.A., Smith L.S. A Neural Network Approach to Time Series Forecasting // Proceedings of the World Congress on Engineering, London, 2009, Vol. 2. P. 64-66.

Таблица 3

Сравнение моделей прогнозирования¹

Модель и метод	Достоинства	Недостатки
Регрессионные модели и методы	простота, гибкость, прозрачность моделирования; единообразие анализа и проектирования	сложность определения функциональной зависимости; трудоемкость нахождения коэффициентов зависимости; отсутствие возможности моделирования нелинейных процессов (для нелинейной регрессии)
Авторегрессионные модели и методы	простота, прозрачность моделирования; единообразие анализа и проектирования; множество примеров применения	трудоемкость и ресурсоемкость идентификации моделей; невозможность моделирования нелинейностей; низкая адаптивность
Модели и методы экспоненциального сглаживания	простота моделирования; единообразие анализа и проектирования	недостаточная гибкость; узкая применимость моделей
Нейросетевые модели и методы	нелинейность моделей; масштабируемость, высокая адаптивность; единообразие анализа и проектирования	отсутствие прозрачности; сложность выбора архитектуры; жесткие требования к обучающей выборке; сложность выбора алгоритма обучения
Модели и методы на базе цепей Маркова	простота моделирования; единообразие анализа и проектирования	невозможность моделирования процессов с длинной памятью; узкая применимость моделей
Модели на базе классификационно-регрессионных деревьев	масштабируемость; быстрота и простота процесса обучения; возможность учитывать категориальные переменные	неоднозначность алгоритма построения дерева

Одной из современных тенденций в области создания моделей прогнозирования является создание комбинированных моделей и методов. Подобный подход дает возможность компенсировать недостатки одних моделей при помощи других и направлен на повышение точности прогнозирования как одного из главных критериев эффективности модели.

Применение комбинированных моделей является направлением, которое при корректном подходе позволяет повысить точность

¹ Составлено автором на основе: Collantes-Duarte J., Rivas-Echeverriat F. Time Series Forecasting using ARIMA, Neural Networks and Neo Fuzzy Neurons // WSEAS International Conference on Neural Networks and Applications, Switzerland, 2002. P. 9-12; Alfares H.K., Nazeeruddin M. Electric load forecasting: literature survey and classification of methods // International Journal of Systems Science. 2002, Vol 33. P. 23-34; Hinman J., Hickey E. Modeling and forecasting sort term electricity load using regression analysis // Journal of Institute for Regulatory Policy Studies. P. 123-124; Gheyas I.A., Smith L.S. A Neural Network Approach to Time Series Forecasting // Proceedings of the World Congress on Engineering, London, 2009, Vol. 2. P. 64- 66.

прогнозирования. Главным недостатком комбинированных моделей является сложность и ресурсоемкость их разработки: нужно разработать модели таким образом, чтобы компенсировать недостатки каждой из них, не потеряв достоинств.

При этом некоторые отечественные специалисты предлагают следующие методы прогноза китайских закупок ВВТ в России. Например, А.А. Храмчихин в своей статье¹ выделяет метод аналогии (с СССР) в целях прогноза новых закупок в области военно-воздушных сил и средств противовоздушной обороны (ПВО). Автор исходит из предположения, что конечным результатом китайского экспорта должен стать выход НОАК на советские показатели по количеству истребителей четвертого поколения и эквивалентное (с учетом разницы в площади территории) количество систем ПВО большой дальности.

Ю.В. Ведерников² обращает внимание на метод экстраполяции для прогноза закупок авиационной техники в интересах ВМС. Ученый предполагает, что ВМС НОАК будут наращивать усилия по ликвидации слабых мест в сфере ПВО/ПРО, а также закупать системы информационного обеспечения имеющихся ударных средств. Конечной целью этих закупок является гарантированное нанесение больших потерь враждебным флотам в Тайваньском проливе и возможность временной блокады острова. В данном случае автор отказывается от проведения аналогии с СССР, поскольку Китай в настоящее время технологически не готов к воспроизводству советской океанской стратегии. Тем самым он политически ставит задачу добиться возможности демонстрации флага лишь в районе Тайваня, Южно-Китайском море и восточной части Индийского океана.

Прогнозируя возможные новые закупки КНР российской авиационной техники, К.В. Чуприн³ обращает внимание на необходимость исходить из

¹ Храмчихин А.А. Готов ли Восточный округ стоять насмерть? // Независимое военное обозрение, 17.12.2020. С. 5.

² См.: Ведерников Ю.В. Красный дракон: современные военно-морские силы Китайской Народной Республики. М., 2007.

³ См.: Чуприн К.В. Военная мощь Поднебесной: Вооруженные силы КНР: Справочник / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 2006.

допущения, что конечной целью данных мероприятий должно стать достижение ВВС НОАК численности парка тяжелых истребителей четвертого поколения, которая, по меньшей мере, будет соответствовать российским показателям конца XX века. В качестве оптимального варианта компоновки группировка истребителей ВВС НОАК должна быть сопоставима с уровнем СССР 1990 г.

А.В. Шлындов¹ провел анализ закупок вооружений и военной техники в интересах ВМС НОАК. При подготовке научного исследования использовались методы экспертных оценок и экстраполяции устойчивых тенденций. Автор приходит к выводу, что, благодаря импорту произведенной в СССР/РФ военно-морской техники, Китай смог изменить баланс сил в свою пользу не только в Северо-Восточной Азии. Однако данное исследование было направлено, в основном, на рассмотрение проблемы комплектования и подготовки кадров.

Составители издания «Россия-Китай: Вехи военно-технического сотрудничества» использовали в своем исследовании историко-сравнительный метод². Так, на основании хронологии развития отношений между СССР/РФ и КНР были рассмотрены периоды развития российско-китайского военно-технического сотрудничества. Несмотря на комплексный характер исследования, избранный авторами подход в интересах нашего исследования не может быть применим, поскольку не позволяет реализовать прогностические задачи исследования.

Представляется возможным согласиться с С.М. Небренчиным, который обращает внимание на непрерывное реформирование системы закупок ВВТ в Китае. На предприятиях китайского ОПК развивается институт военных представителей, совершенствуется система сертификации качества, повышается эффективность использования средств при разработке и производстве ВВТ. Перспективы российско-китайского сотрудничества С.М. Небренчин связывает с национальными интересами двух стран.

¹ См.: Шлындов А.В. Вооруженные силы Китайской Народной Республики: монография. М.: ИДВ РАН, 2019.

² См.: Россия-Китай: Вехи военно-технического сотрудничества: Книга-альбом. М.: «АО Рособоронэкспорт», 2019.

Одновременно Москва обязана выстраивать взаимовыгодные отношения с другими ведущими государствами мира, международными структурами и ключевыми трансконтинентальными корпорациями¹.

К.В. Макиенко утверждает, что в основе содержательного анализа торговли ВВТ, подразумевающего описание ее региональной и номенклатурной структуры, а также выполнение прогнозной функции, находится выработка системной типологии рынков. По мнению специалиста, в сфере рынков вооружений эта задача остается до конца нерешенной². Ученый в своих работах описал типы потребностей и мотиваций импортеров вооружений. Под типом он подразумевает веберовскую идеально-типическую модель поведения импортера на рынке вооружений. Предложенная автором модель предполагает, что в деятельности любого импортера сочетаются несколько типов, и можно говорить лишь о преобладании того или иного мотива. По мнению К.В. Макиенко, по типам потребностей все рынки можно разделить на регулярные³ и окказиональные⁴.

Ученый утверждает, что если понятие «потребность» отражает объективную ситуацию, то мотивация вносит элементы субъективности, т. е. отражает корпоративные и/или индивидуальные интересы и восприятия. Основное поле для разнообразия этих мотиваций возникает на регулярном рынке. Окказиональный рынок менее подвержен влиянию субъективных факторов и дает простор для принятия решений на рациональной и формализованной основе. Поэтому предлагаемые автором пять мотиваций

¹ См.: Небренчин А.С., Небренчин С.М. КНР – сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы / Центр стратегических оценок и прогнозов. М.: АНО ЦСОиП, 2017.

² Макиенко К.В. Типы рынков вооружений // Экспорт вооружений. Специальный выпуск. 2021. С. 45-48.

³ Регулярные закупки осуществляются для плановой замены морально и/или физически устаревших вооружений. Возникновение спроса на регулярном сегменте рынка прогнозируемо на основании информации о времени предыдущих закупок, жизненном цикле подлежащего замене поколения вооружений и состоянии платежеспособности страны.

⁴ Окказиональные закупки производятся в случае вовлеченности импортера в вооруженный конфликт или при наличии угрозы возникновения конфликта. На окказиональном рынке значение имеет способность экспортера осуществить поставку в чрезвычайно сжатые сроки. В этом секторе доминируют относительно простые и недорогие системы ВВТ.

импортеров (коррупционная¹, зависимая², политическая³, блокадная⁴, рационально-прагматическая модели⁵) относятся главным образом к регулярному рынку. Структура принятия решения на окказиональных рынках теоретически должна быть близка к пятому (рационально-прагматическому) типу регулярной мотивации (см. таблицу 4).

К.В. Макиенко обоснованно утверждает, что Россия обладает наилучшим сочетанием позиций на политических рынках, ориентированных пророссийски (например, китайском), обладает объективными, но нереализованными преимуществами на некоторых коррупционных и блокадных рынках. Свое утверждение он реализовал в предложенной модели российско-китайского ВТС, актуальной для периода 1992-2002 гг. (см. таблицу 5).

Представляется возможным согласиться с К.В. Макиенко в том, что позиционирование Китая на рынке вооружений исторически сложилось под влиянием эмбарго, которое было введено странами НАТО после подавления студенческих беспорядков в Пекине в 1989 г.

¹ При решении о закупке ВВТ доминируют корпоративная или личная финансовая заинтересованность высокопоставленных представителей иерархии страны-импортера. Данная модель наиболее ярко выражена в странах мусульманского культурного ареала и Латинской Америки.

² ВВТ выступают как промежуточный товар, призванный замаскировать истинный предмет торговли. Под видом ВВТ де-факто закупаются гарантии безопасности страны-производителя оружия. Данная модель наиболее характерна для капиталоизбыточных стран, которые в силу демографических и культурных особенностей не в состоянии самостоятельно обеспечить внешнюю военную безопасность.

³ Принятие решения на импорт ВВТ обусловлено военно-политической ориентацией страны-покупателя. Наиболее характерна для стран Восточной Европы, Великобритании, Малайзии. Военно-политическая модель отличается от зависимой отсутствием реальной угрозы безопасности для импортера.

⁴ Государства, ВС которых испытывают острую потребность в обновлении или модернизации парка своего ВВТ, находятся в ситуации юридической или фактической блокады. К числу таких стран относится прежде всего Ирак. Элементы блокады в отношении поставок современных конвенциональных ВВТ присутствуют также в случае с Ливией, Сирией и Ираном. Особый случай представляет собой Тайвань.

⁵ Принятие решения на импорт ВВТ происходит с учетом стоимости образца вооружения, его эффективности, а также адекватности потребностям национальных вооруженных сил. Процесс принятия решения по данной модели наиболее ярко выражен в государствах с некоррупцированной и компетентной бюрократией: в Западной Европе, Китае, в определенной степени – в Индии.

Таблица 4

Формализованное описание мотивационной типологии рынков вооружений¹

Ключевая характеристика	Наиболее яркие примеры импортеров	Центральный элемент стратегии импортера	Экспортер, имеющий объективные преимущества в рамках типа	Центральный элемент стратегии России	Ключевая характеристика
1. Зависимая модель	Арабские монархии Персидского залива, Израиль, Южная Корея, Тайвань, Япония	Предоставление формальных или неформальных гарантий безопасности, размещение на территории импортера ВС экспортера	США, Великобритания, Франция	Предоставление фантомных военных гарантий, предоставление политических гарантий (политическое влияние на вероятного агрессора), позиционирование как менее качественной, но более дешевой альтернативы американской монополии на военно-политические гарантии	Закупка ВВТ – лишь элемент импорта комплексной услуги – военной безопасности
2. Коррупционная модель	Мусульманские страны, Индия, Греция, ЮВА, Латинская Америка	Идентификация посредника, увеличение комиссионных	Россия, Франция	Идентификация посредника, увеличение комиссионных	Ориентация на удовлетворение корпоративных или частных финансовых интересов
3. Блокадная модель	Ирак, Иран, Ливия, Сирия, Пакистан	Большинство экспортеров на рынке не работают	КНР, КНДР, Украина, Белоруссия	Резэкспорт, работа по серым схемам	Формальный признак – существование международных или национальных эмбарго. Стремление импортера получить каналы доступа к необходимым ему системам ВВТ
4. Рационально-прагматическая модель	Западная Европа, ЦВЕ, Чили, Бразилия, КНР	Снижение стоимости продукта, повышение его ТТХ, создание промышленных альянсов, привлекательные офсетные программы и передача технологий	США Франция	Скорейшая реструктуризация ОПК, увеличение ассигнований на НИОКР, переход к мелкосерийным закупкам ВВТ, создание промышленных альянсов с Индией, предложение западноевропейским, южнокорейским, бразильским и малазийским фирмам войти в капитал российских компаний ОПК	Выбор на основе рациональных, часто формализованных критериев. Важнейшие – соотношение цена – качество продукта и конкурентоспособность офсетных и лицензионных программ
5. Политическая модель	ЦВЕ, КНР, Индия, Малайзия	Повышение конкурентоспособности и attractiveness социально-политической и культурной модели	Западный мир	Сохранение политической и культурной субъектности	Геополитическая и/или цивилизационная ориентация импортера

¹ Макиенко К.В. Типы рынков вооружений // Экспорт вооружений. Специальный выпуск. 2021. С. 45-48.

Таблица 5

Китайский рынок вооружений: сочетание признаков различных типов рынков ВВТ с использованием предложенной типологии¹

Тип-модель	Политическая	Рационально-прагматическая	Коррупционная	Блокадная	Зависимая
Присутствие признака	доминирующий	сильно выраженный	ощутимое присутствие	Присутствие элементов (эмбарго США на поставки израильских радаров, например РЛС Falcon)	отсутствует
Динамика признака	стабильный	стабильный	признаки нарастания	теоретически должен нарастать по мере обострения американо-китайских отношений	стабильный
Влияние на российскую позицию	положительное	положительное	положительное	положительное	—

В результате прекращения поставок западных систем ВВТ и агрегатов КНР резко активизировала военно-техническое сотрудничество с СССР, а затем и Россией. В предложенной модели элементы блокадной мотивации существуют до сих пор, наиболее серьезным проявлением этой проблемы стал полный запрет США на поставку КНР радаров типа «Falcon» для установки на самолетах ДРЛО. Франция теоретически могла бы представить альтернативу российским поставкам с технологической точки зрения, однако она не имеет доступа на китайский рынок вооружений по причине слишком тесных военно-и научно-технических связей с Тайванем. Поэтому в отношении периода 1992–2002 гг. К.В. Макиенко говорит о том, что Россия – безальтернативный, основной военно-технический партнер КНР².

Согласимся с автором в том, что в то же время российское ВВТ вполне адекватно насущным потребностям Китая по технологическому и ценовому уровню. В данном аспекте ориентация КНР на сотрудничество с РФ обладает вполне рациональной и прагматической основой. Поскольку основой военно-технической политики Пекина является стратегическая установка на

¹ См.: Макиенко К.В. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992–2002 годах: достижения, тенденции, перспективы. М.: Гендальф, 2002.

² Там же. С. 56.

оппонирование военно-политическому доминированию США в регионе АТР, это также дает основания определить данный тип рынка как политический¹.

Однако мировой рынок вооружений представляет большое количество государственных и негосударственных субъектов, организующих систему, находящуюся под воздействием большого числа факторов². Поэтому состояние российско-китайского ВТС необходимо отслеживать с учетом данных факторов.

Авторская позиция заключается в том, что большинство из доступных автору разработок в данной сфере были созданы в 80-е и 90-е годы XX века, поэтому, несомненно, необходимы дополнения и уточнения научно-методического аппарата. Изученные автором модели по теме исследования требуют значительного объема исходных данных, которые не могут быть получены из открытых источников в условиях ограниченной и постоянно меняющейся информационной базы.

Авторы отдельных работ осуществили попытки проанализировать тенденции ВТС Китая с зарубежными странами. Однако их исследования не позволили сделать научно-обоснованный вывод о состоянии и перспективах развития российско-китайского ВТС в первой четверти XXI века. Это связано с тем, что изучение данными авторами Китая (в части касающейся армии и китайского ОПК) проводилось исключительно на основе материалов, размещенных в СМИ, которые, как правило, не содержат ни объективных сведений о китайской военной мощи, ни о конкретных показателях численного состава, ни информации о формах и способах применения НОАК в первой четверти XXI века.

Вместе с тем, К.В. Макиенко была предложена модель военно-технического сотрудничества РФ и КНР, в основу которой легла разработанная им типология рынков вооружений. Данная модель применялась для описания российско-китайского ВТС периода 1992-2002 гг., но может быть применена и для оценки текущего этапа ВТС двух стран.

¹ Там же. С. 57.

² См.: Макиенко К.В. Мировой рынок вооружений: структура, тенденции, вызовы. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018.

Вместе с тем она не учитывает геополитические изменения, произошедшие в первой четверти XXI века. Другим недостатком является отсутствие в ней прогностической функции, необходимой для оценки и моделирования российско-китайского ВТС в условиях неопределенного будущего.

1.2 Эволюция теоретических взглядов политического руководства КНР на организацию ВТС с зарубежными странами¹

Учитывая сложившуюся в Северо-Восточной Азии обстановку, политическое руководство Китая проводит непрерывную работу по совершенствованию военно-доктринального базиса в интересах национальных вооруженных сил. Учитывая существующие вызовы и угрозы национальной безопасности, а также обретение статуса мощной региональной державы в XXI веке, руководством КНР был разработан комплекс военно-политических стратегий. Характеристика их становления представлена в таблице 6.

В связи с низкой вероятностью развязывания в ближайшей и среднесрочной перспективе крупномасштабной войны с участием Китая основой взглядов руководства КНР на применение вооруженных сил являются «стратегия активной обороны» и «концепция локальной войны».

Под «стратегией активной обороны» понимается: ведение стратегической обороны на заранее подготовленных рубежах с целью сорвать стратегическое наступление противника, предотвратить его прорыв вглубь территории страны и обеспечить своевременный перевод государства на режим военного времени; создание стратегического равновесия; переход в стратегическое контрнаступление.

Вместе с тем указанный подход не исключает решительных наступательных действий в начальный период войны. Их основными целями считаются упреждение противника в поражении ключевых элементов боевых

¹ На основе этого параграфа автором опубликована научная статья: Полончук Р.А., Шашок Л.А. Трансформация теоретических взглядов политического руководства КНР на обеспечение военной безопасности в условиях современных вызовов и угроз // Этносоциум и международная культура. 2021. № 4. С. 76-87.

систем и лишение его военно-технического превосходства над вооруженными силами КНР.

Таблица 6

**Эволюция военно-политических стратегий, разработанных в КНР
в конце XX в. – первой четверти XXI в.¹**

Наименование стратегии	Период действия	Содержание стратегии
«народная война»	1939–1979 гг.	войсковая операция оборонительного характера, основной подход – выиграть войну «количеством»
«народная война в современных условиях»	1979–1985 гг.	ограниченный вооруженный конфликт на периферии страны, нанесение превентивного удара по силам противника
«ограниченный вооруженный конфликт»	1985–1991 гг.	неприменение ядерного оружия, использование ограниченного воинского контингента
«ограниченный вооруженный конфликт в условиях применения высоких технологий»	1991–2004 гг.	неприменение ядерного оружия, использование ограниченного воинского контингента (главным образом специального назначения), закупка и создание высокотехнологичного вооружения
«три войны»	2003 г. по н.в.	«медиа война» («война за общественное мнение»), «психологическая война» (дезинформация, операции влияния), «юридическая война» (применение правовых актов международного уровня в целях достижения конечных целей войны)
«ограниченный вооруженный конфликт в условиях информатизации»	2005 г. по н.в.	проведение информационных и специальных операций, использование противоспутникового и лазерного оружия
«активная оборона»	2005 г. по н.в.	неприменение ядерного оружия, использование высокомобильных группировок войск

Учитывая военно-политическую активность США, руководство КНР с 1996 года начало реализовывать стратегию асимметричного «регионального блокирования»². В качестве вероятного противника в ней рассматриваются США и их союзники (Япония, Республика Корея, Филиппины, Тайвань, Малайзия и Австралия). Основная цель – не допустить блокирования морских линий снабжения КНР. Приоритеты стратегии выстроены следующим образом: постройка авианосцев; ввод в строй новых десантных кораблей; наращивание количества палубных истребителей и вертолетов; увеличение количества современных подводных лодок³.

Важнейшим элементом военной политики КНР является ядерная стратегия, которая до начала 90-х гг. прошлого века включала идею

¹ Составлено автором на основе China Military Power: Modernizing a Force to Fight and Win (Washington, DC: Defense Intelligence Agency, 2019), P. 63-82; Military Balance 2018. London: International Institute of Strategic Studies, 2018.

² Болятко А. Обеспечение национальной безопасности Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 33-45.

³ Chinese Cruise Missile Developments // Joint Force Quarterly. 2014. P. 100.

применения ядерного оружия в случае крупномасштабного вооруженного противостояния с противником, однако после событий в районе Персидского залива доктрина стала меняться в сторону возможности применения неядерных боеприпасов с ракетных носителей¹. Составные части стратегии ядерного сдерживания КНР следующие: демонстрация «угрозы ответного ядерного удара» для обеспечения внутри- и внешнеполитической безопасности²; защита от ракетного удара сил противника путем проведения тщательной подготовки противовоздушной обороны, маскировки потенциальных целей³; использование ядерных ракетных ударов как меры ответных действий⁴; сочетание как централизованного управления, так и рассредоточенного базирования подчиненных сил и средств⁵.

Ядерное оружие расценивается Пекином, прежде всего, как инструмент повышения роли и значимости Китая в международных делах, усиления его влияния на военно-политическую обстановку в мире, а также, как стратегическое средство «сдерживания любых противников от попыток военно-силового давления на КНР». В связи с этим китайское руководство считает, что страна должна обладать эффективными ядерными стратегическими наступательными силами, включающими в себя наземный, воздушный и морской компонент.

Официально выступая за всеобщее запрещение и полное уничтожение ядерного оружия, Пекин фактически не допускает принятия на себя каких-либо конкретных обязательств, ограничивающих развитие ядерного потенциала КНР. В Китае выделяют ряд факторов, препятствующих его

¹ См.: Галенович Ю.М. Наказы Цзян Цзэминя: Принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М.: Муравей, 2003. 351 с.

² См.: Казанин М.В. Национальная безопасность КНР: теоретическая основа и практика обеспечения: Монография. М.: МАКС Пресс, 2014. 168 с.

³ Dennis M. Gormley, Andrew S. Erickson, Jingdong Yuan. A Potent Vector. Assessing Chinese Cruise Missile Developments // Joint Force Quarterly. Issue 75. 4th quarter. 2014. P. 100.

⁴ NIDS China Security Report 2016/ The Expanding Scope of PLA Activities and The PLA Strategy / The National Institute for Defence Studies, 2016.

⁵ См.: Тутнова Т.А. Ракетно-космическая деятельность КНР: возрастающая роль в международных отношениях / Отв. ред. Н.П. Ромашкина; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. 220 с.

подключению к ядерному разоружению. В их числе – развертывание Вашингтоном и его союзниками глобальной системы ПРО, а также недостаточный, по китайским оценкам, уровень сокращения ядерных боезарядов и их носителей США и Россией. Считается, что скрывание истинного состояния ядерного потенциала КНР способствует решению НОАК задач стратегического сдерживания.

Достоверно известно, что к факторам, активизирующим военное строительство в КНР, китайские военные специалисты и политологи относят следующие: включение территории восточного Китая и его акваторий в зону ответственности объединенного командования ВС США в Тихоокеанской зоне; выход США в 2002 г. из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) от 1972 г.; создание США элементов системы ПРО с привлечением Японии и Южной Кореи; развитие американскими военными стратегами теории и практики воздушно-морских операций¹.

В соответствии со статьей 29 Конституции КНР 2004 г., вооруженные силы принадлежат гражданам Китая. Нормативно-правовым документом закреплено, что к задачам национальных ВС относятся: обеспечение национальной безопасности, противодействие внешней агрессии, защита родины, охрана людей. Государство обеспечивает модернизацию ВС для усиления возможностей по защите национальных интересов Китая².

Закон о национальной обороне (в редакции от 2015 г.) дает исследователям общее представление об основном направлении применения ВС КНР – «защите Родины от агрессии». Решение о применении НОАК в случае агрессии является исключительным правом Центрального военного совета (ЦВС). Механизм перехода национальных вооруженных сил к конкретным действиям регламентируется планами соответствующих штабов,

¹ Казанин М.В., Абдрахманова А.Р. Развитие системы противоракетной обороны КНР как элемента обеспечения национальной безопасности // Этносоциум и международная культура. 2021. № 1. С. 75-94.

² Конституция КНР [中华人民共和国宪法] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2004.

однако их содержание по причине закрытого характера такого рода информации является недоступным¹.

В соответствии с Законом о территориальной целостности (принят в 2005 г.), объявление Тайванем независимости может быть расценено китайским руководством в качестве угрозы национальной безопасности. В законе содержатся нормы и принципы юридического характера, которых государственное и военное руководство Китая будет придерживаться в ходе подобной проблемной ситуации. В документе заявлена возможность применения КНР военной силы. В законе отмечено, что проблема Тайваня является исключительно внутренним делом КНР и ее решение не подлежит вмешательству со стороны «внешних сил». Это дает китайским лицам, принимающим решения, значительное пространство для субъективного толкования ситуации с учетом политической конъюнктуры конкретного исторического момента².

Основным военно-доктринальным документом КНР является издание Направления военной стратегии ЦВС, который обновляется примерно раз в десятилетие. Для общественности он засекречен, однако по решению ЦВС могут публиковаться его отдельные выдержки и положения. В документе описываются основные угрозы, с которыми сталкивается китайское государство, излагаются взгляды руководства страны на характер современных войн, военных конфликтов, тенденции в развитии военного искусства, определяются ближнесрочные и долговременные цели военного строительства³.

За историю КНР Директивы по военной стратегии (другой перевод анализируемого документа) выпускались девять раз по итогам расширенного заседания ЦВС. В прошлом эти документы не размещались публично, однако,

¹ См.: Закон о национальной обороне [中华人民共和国国防法] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2015.

² См.: Закон о территориальной целостности [反分裂国家法] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2005.

³ См.: Joel Wuthnow System Overload: Can China's Military Be Distracted in a War over Taiwan? // National Defense University Press Washington, D.C. June 2020.

начиная с 1998 г., Пресс-канцелярия Минобороны КНР начала публикацию Белых книг по национальной обороне, где излагаются текущие приоритеты военной политики в адаптированном для общественности виде¹.

В Белой книге «Национальная оборона КНР в 2008 г.» заявлено о расширении сфер национальных интересов в мире: «Развитие Китая не может быть отделено от изменений в мире. Благополучность и стабильность в мире нельзя отделить от развития Китая»². В соответствии с Белой книгой «Национальная оборона КНР в 2010 г.», китайское правительство намерено создать «с некоторыми дружественными странами» межправительственные структуры, курирующие вопросы международного военного и военнотехнического сотрудничества. В военно-доктринальном документе особое внимание уделено углублению «добрососедской дружбы и прагматичного сотрудничества» с зарубежными странами³.

В 2013 г. Пресс-канцелярия Минобороны КНР обнародовала Белую книгу «Диверсификация применения вооруженных сил Китая»⁴. В военно-доктринальном документе изложены тезисы, в полной мере отражающие внешнеполитические приоритеты официального Пекина: трансформация региональной обороны в «трансрегиональную мобильность» и расширение спектра национальных интересов Китая по мере его интегрирования в мировую экономику. В данном документе особо подчеркнута возрастающая роль военно-морского компонента НОАК в обеспечении национальных интересов официального Пекина, также обнародованы меры по модернизации национальной обороны КНР: создание авианосного флота полностью национального производства, ускоренное развитие боевой

¹ См.: Chen Zhou, «Expert Explains White Paper on Chinese Military Strategy» [专家解读中国的军事战略白皮书], National Defense [国防], no. 6 (2015), P. 16-20.

² Белая книга «Национальная оборона в 2008 году» [2008 年中国的国防] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2008.

³ Белая книга «Национальная оборона в 2010 году» [2010 年中国的国防] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2010.

⁴ Белая книга по национальной обороне «Диверсификация применения Вооруженных сил Китая» [中国武装力量的多样化运用] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2013.

авиации, совершенствование механизированных подразделений и сил специальных операций НОАК.

В нормативно-доктринальном документе «Китайская военная стратегия» (2015 г.) внимание акцентируется на том, что «в новый исторический период армия Китая должна эффективно решать возложенные задачи по защите мира в различных регионах; активно расширять сотрудничество в области военной безопасности с другими странами». Особо подчеркнуто, что «для выполнения своих обязательств Китай будет поддерживать мирные инициативы под эгидой ООН, пользоваться правом в Совете Безопасности (СБ) ООН, разрешать конфликты мирными способами, содействовать защите региональной безопасности. Укрепляя национальную мощь, ВС КНР будут еще активнее участвовать в миротворческих операциях и организации помощи в рамках международных организаций»¹.

Изложенные положения получили дальнейшее развитие в Белой книге по национальной обороне «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (2017 г.), где были раскрыты официальные взгляды китайского руководства на подходы к сотрудничеству с иностранными государствами, в том числе и в военной сфере. Документом определена необходимость взаимодействия с другими государствами в рамках миротворческой деятельности в составе контингентов ООН, обращено внимание на главенство роли многостороннего международного сотрудничества при нормализации обстановки в «горячих точках»².

В 2019 г. была обнародована Белая книга по национальной обороне «Национальная оборона КНР в новую эпоху». Новая редакция Белой книги была издана с целью снять постоянно усиливающуюся обеспокоенность

¹ Белая книга по национальной обороне «Китайская военная стратегия» [中国的军事战略] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2015.

² Белая книга по национальной обороне «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [中国的亚太安全合作政策] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2017.

международного сообщества в отношении темпов военного строительства КНР за счет демонстрации его «транспарентности» и «миролюбивого характера». В издании также отмечена решимость официального Пекина защищать национальные интересы страны с опорой на свои вооруженные силы¹.

В военно-доктринальном документе сказано об осложнении текущей военно-политической обстановки и нарастании вызовов и угроз безопасности КНР. К ним официальный Пекин относит деятельность США по наращиванию военного превосходства в АТР; попытки США вмешаться в урегулирование территориальных проблем Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, Тайваня, а также тибетского и уйгурского сепаратизма; увеличение расходов Японии на оборону; нестабильность на границах КНР, нерешенность территориальных претензий с государствами-соседями.

Также подчеркивается возрастающая роль НОАК в обеспечении интересов Пекина за пределами национальной территории, в космическом и кибернетическом пространстве. Внимание обращается на повышение возможностей китайских ВС по проведению операций за пределами страны, формированию военно-морских сил, действующих в акваториях океанской зоны, созданию сети пунктов материально-технического обеспечения в иностранных государствах в интересах ВМС НОАК².

Китайские руководители еще раз подтвердили неизменность своих стратегических взглядов на применение ядерного оружия, которые заключаются в невозможности его применения первыми и в одностороннем порядке против неядерных стран. Однако официальный Пекин отвергает саму возможность присоединения и ратификации договоров ведущих ядерных стран, поскольку это может ограничить потенциал стратегического сдерживания китайского государства.

¹ Национальная оборона КНР в новую эпоху [新时代的中国国防] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2019.

² Современные военно-морские силы Китая [现代解放军海军]. Пекин, 2018.

Для опровержения идеи об «излишней милитаризации» Китая в данном издании Белой книги подробно освещены вопросы военной экономики национальных ВС. Акцент сделан на целесообразности строительства национальной обороны и экономики¹, а также на низкой доле военного бюджета с точки зрения валового внутреннего продукта и государственных расходов в сравнении с другими развитыми в военном отношении странами².

Новым положением рассматриваемой Белой книги стала увязка задач военного строительства КНР с реализацией концепции «Сообщество единой судьбы человечества» (СЕСЧ), выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином в 2012 г. В документе подчеркивается, что, продвигая СЕСЧ, мощные в военном отношении вооруженные силы Китая становятся «надежной опорой» и гарантом новой архитектуры глобальной безопасности.

Проведение Россией реформы национальных ВС рассматривается в документе как фактор, обостряющий геополитическое соперничество. РФ признается главным политическим партнером, с которым считается целесообразно поддерживать беспрецедентно высокий уровень взаимодействия в военной сфере. Однако, официальный Пекин подчеркивает, что отказывается от вступления в какой-либо военный/военно-политический блок.

Данный документ преследует цель заявить о КНР как о стране, которая в условиях глобальных вызовов и угроз способна решать внешнеполитические проблемы силовыми методами. Отметим, что Белые книги публикуются на фоне возрастания конфликтного потенциала между КНР и США в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море (см. таблицу 7).

¹ В последние несколько лет расходы на оборону ежегодно увеличивались в среднем на 9,4 % при сопоставимом росте ВВП на 9,0% и государственных расходов – 10,4%.

² Начиная с 2012 г. соотношение военных расходов с ВВП в среднем составляет: в КНР – 1,3%, в США – 3,5%, в РФ – 4,4%.

Участие Китая в миротворческих операциях в рамках мандата ООН регламентируется документом под названием «Правила выполнения миротворческих миссий НОАК»¹, утвержденным ЦВС КНР в 2012 г.

В соответствии с конституцией страны и принципами Устава ООН, китайские военнослужащие выполняют задачи в составе миротворческих контингентов в Конго, Либерии, Ливане, Мали, Мозамбике, Южном Судане. Они выполняют обязанности наблюдателей, полиции, участвуют в ремонте дорог, обезвреживании мин, оказывают медицинскую помощь².

Таблица 7

Угрозы национальной безопасности КНР, отмеченные в Белых книгах по национальной обороне с 1998 по 2019 гг.³

	Нестабильность в Южной Азии	Нестабильность в Афганистане	Усиление союзников США	Нестабильность на Корейском полуострове	Стремление Тайваня к независимости	Стремление Синьцзяна и Тибета к независимости	Территориальные споры в ЮКМ	Милитаризация Японии	Провокации в ЮКМ	Укрепление союзников Австралии
1998	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2000	–	–	+	+	+	–	–	+	+	–
2002	+	+	+	+	+	–	–	–	–	–
2004	–	–	+	+	+	–	–	+	–	–
2006	–	+	+	+	+	–	–	+	–	–
2008	–	–	+	–	+	+	–	–	–	–
2010	–	+	+	+	+	+	–	–	–	–
2013	–	–	+	–	+	+	+	–	–	–
2015	–	–	+	+	+	+	–	+	+	–
2017	–	–	+	+	+	+	–	+	–	–
2019	–	–	+	+	+	+	–	+	–	+

Кроме непосредственного выполнения своих основных функций, китайские миротворцы решают задачи по защите интересов КНР за пределами национальной территории. С декабря 2008 г. на постоянной основе Китай направляет отряды кораблей национальных ВМС в Аденский залив и территориальные воды Сомали для охраны навигации. С 2017 г.

¹ См.: Правила выполнения миротворческих миссий НОАК [解放军维持和平规定] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2012.

² Кузнецов Р.А. Роль Китая в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций // Зарубежное военное обозрение. 2019. № 9. С. 16-20.

³ Составлено автором на основе Белых книг по национальной обороне КНР 1998-2019 гг.

китайские военнослужащие выполняют задачи по охране и обороне пункта материально-технического обеспечения китайских ВМС в Джибути¹.

В Китае разработана нормативно-правовая база применения подразделений НОАК для выполнения задач небоевого характера: поддержание внутривластной стабильности, противодействие терроризму, ликвидация стихийных бедствий, техногенных катастроф. В соответствии с законом КНР «О реагировании на чрезвычайные ситуации» (2007), воинские формирования задействуются в интересах проведения первоочередных аварийно-спасательных и других неотложных работ.

К нормативно-правовым актам, регулирующим деятельность в данной области, можно отнести законодательные акты «О мобилизации» (2010), «О Народной вооруженной милиции» (2009), положения «Об участии вооруженных сил КНР в ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф» (2005), «Об экстренном управлении войсками при возникновении чрезвычайных происшествий» (2010), директивы ЦВС КНР и постановления Госсовета КНР. Под чрезвычайной ситуацией китайские специалисты понимают стихийные бедствия, аварии, явления медико-санитарного и социального характера, которые повлекли за собой значительный общественный ущерб и требуют принятия экстренных мер². Порядок участия НОАК в данных ситуациях предусматривает привлечение «соразмерных нанесенному ущербу сил и средств» для выполнения «неотложных и аварийно-спасательных работ».

Анализ нормативно-правовой базы применения НОАК говорит о том, что, придерживаясь оборонной политики, подчиненной стратегии развития и обеспечения безопасности, китайское руководство может применять военную силу в соответствии с принципом «активной обороны» исключительно для защиты суверенитета и территориальной целостности государства. Нападение возможно только в ответ на нападение. Однако

¹ Казанин М.В. Военное присутствие КНР в Джибути: геополитические причины и перспективы // Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск 52). М., 2018. С. 86-97.

² Закон о реагировании на чрезвычайные ситуации // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2007.

руководство Китая, используя понятие «активная оборона», способно истолковать в качестве нападения любую угрозу национальным интересам и оправдать применение своей военной силы.

В Китае публикуется открытая военно-теоретическая литература, специализированные журналы и издания, анализ которых дает возможность понять логику развития военной мысли в данной стране. К наиболее авторитетным и в то же время доступным публикациям в сфере исследований военного дела можно назвать издания «Наука об операциях»¹ (2006 г.), а также «Наука о военной стратегии»² (2013 г.). Авторы изданий отмечают, что военная политика КНР направлена на формирование условий, способствующих реализации планов развития страны, целью которых является «великое возрождение китайской нации» и превращение Китая к 2049 году в «модернизированное социалистическое государство», способное оказывать влияние на глобальные и региональные процессы с задействованием силовых методов.

Для исследователей китайской военной доктрины особый интерес представляют работы китайских ученых, опубликованные в серии «Лучшие докторские диссертации Академии военных наук КНР». Так, в диссертации полковника Сю Куй «Теория стратегического планирования мобилизации в интересах национальной обороны»³ рассмотрены основные аспекты стратегического планирования мобилизации, выявлена необходимость совершенствования стратегического планирования, исходя из вызовов национальной безопасности КНР на современном этапе.

Старший полковник Тан Лин в диссертации «Принятие стратегических решений в современной военной стратегии»⁴ рассмотрел эволюцию модели принятия политических и военно-стратегических решений в КНР и других

¹ См.: Чжан Юлян. Наука об операциях [战役学/张玉良]. Пекин, Изд-во Университета обороны, 2006.

² См.: Наука о военной стратегии [战略学]. Пекин: Издательство Академии военных наук, 2013.

³ См.: Сю Куй. Гофан дунюань чжаньлюэ гуйхуа лунь [Теория стратегического планирования мобилизации в интересах национальной обороны]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014.

⁴ См.: Тан Лин. Сяндай цзюньши чжаньлюэ цзюэцэ яньцзю [Принятие стратегических решений в современной военной стратегии]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014.

странах, отметив, что важнейшую роль на подготовительном этапе принятия решений играет заблаговременное изучение и оценка военных возможностей зарубежных стран. Автором предложено диверсифицировать структуру китайских организаций, отвечающих за мониторинг военно-политической ситуации в мире.

Важное место занимают работы, посвященные изучению ведения боевых действий в новых операционных средах. Например, полковник Чэн Юнхун в монографии «Расширение присутствия США в космической сфере»¹ проанализировал перспективы использования космического пространства в военных целях, выявил тенденции наращивания военного потенциала США в ракетно-космической сфере. В работе полковника Лю Мохуа «Концепции деятельности США в космическом и кибернетическом пространстве»² выявлены тенденции расширения сфер вооруженной борьбы и влияние данного процесса на военно-политическую обстановку в мире. Авторы также отмечают необходимость развития компонентов вооруженных сил КНР, ответственных за ведение военных действий в кибернетическом пространстве.

Широкое распространение получила монография «Неограниченная война»³, в которой старшие офицеры НОАК Цяо Лян и Ван Сянсу изложили китайскую концепцию гибридной войны⁴. Основное содержание издания заключается в том, что китайская нация может победить технологически превосходящего противника (например, США) с помощью различных средств. Вместо прямого военного противостояния, авторы предлагают другие средства, такие как политическая война, которая включает использование юридических инструментов и экономических средств в качестве рычага давления на противника в обход прямых военных действий. Авторы издания обращают внимание на то, что наиболее авторитетным источником, концептуализирующим китайский опыт в области достижения

¹ См.: Чэн Юнхун. Мэйго чжаньлюэ кунцзянь куочжань яньцзю [Расширение присутствия США в космической сфере]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014.

² См.: Лю Мохуа. Мэйго ванло кунцзяньчжань сысян яньцзю [Концепции деятельности США в космическом и кибернетическом пространстве]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014.

³ См.: Unrestricted warfare // Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, February 1999.

⁴ См.: Бартош А.А. Гибридная война: учебное пособие. Москва: КНОРУС, 2021.

победы невоенными способами, является трактат Сунь-Цзы «Искусство войны»¹, где искусство полководца рассматривается в качестве возможности достичь победы в войне без применения военной силы.

Старший полковник НОАК Ли Дапэн в своей монографии «Будущая война: применение высокоточного оружия на всех театрах военных действий»², продолжая идеи Сунь-Цзы, акцентировал внимание на том, что в мировой политике на первое место становятся невоенные способы разрешения вооруженных конфликтов – терроризм и радикализм. По оценке автора, усиление информационного потенциала государств будет происходить как на силовом уровне, так и на информационном, за счет использования возможностей сети Интернет и искусственного интеллекта (ИИ).

Важным этапом в развитии китайской военной мысли следует считать публикацию в 2011 г. монографии «Основы стратегической коммуникации»³. Авторы издания Би Яньтао и Ван Цзиньлинь раскрывают содержание нового инструмента воздействия на потенциального противника – стратегической коммуникации, представляющей проецирование государством в сознание национальных и зарубежных целевых аудиторий стратегических ценностей, интересов и целей. Доктор наук Цзунъюй Чжоу считает, что информационные и психологические операции уже стали частью современной войны против «трех сил зла»: терроризма, сепаратизма и экстремизма. Источником угроз остаются действия определенных кругов Тайваня, не желающих признать себя частью «единого Китая», а также попытки отделения от КНР территорий Тибета и Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР)⁴.

В КНР организован выпуск более 20 специализированных периодических изданий, освещающих вопросы военно-политического и

¹ Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве / Пер. с кит., предисловие и коммент. Н.И. Конрада. М.: АСТ: АСТРЕЛЬ: СПб.: Terra Fantastica, 2011.

² См.: Ли Дапэн. Вэйлай чжи чжань: Цюань вэйцин цюечжань [Будущая война: применение высокоточного оружия на всех театрах военных действий]. Бэйцзин: Шиши чубаньшэ, 2015.

³ См.: Би Яньтао, Ван Цзиньлинь. Основы стратегической коммуникации [战略传播纲要]. Пекин, Издательство политической литературы, 2011.

⁴ Казанин М.В. Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов. М.: Институт Ближнего Востока, 2017. С. 139.

военно-технического характера для широкого круга читателей. Более 50% из них являются дочерними предприятиями ведущих компаний ОПК КНР. Вместе с тем действуют меры по ограничению их распространения в КНР: оформление подписки возможно в почтовом отделении при совпадении адреса проживания гражданина КНР с местом его рождения, через газетные киоски или подписку в почтовом отделении, а также через китайские интернет-магазины при наличии соответствующего разрешения. Большинство изданий не имеют электронных версий, что обусловлено политикой ограничения доступа к материалам.

Авторская позиция заключается в том, что изучение деятельности китайского руководства на текущем этапе свидетельствует о возрастании тенденции к решению внешнеполитических задач с позиции «сильного государства». Особое внимание уделяется обеспечению готовности к отстаиванию расширяющихся национальных интересов с задействованием вооруженных сил. Дальнейшее наращивание темпов военного строительства Китая, по мнению китайского командования, возможно за счет военного и военно-технического сотрудничества с иностранными государствами.

Таким образом, анализ эволюции теоретических взглядов руководства Китая на обеспечение военной безопасности показывает, что, несмотря на декларативное отражение в нормативно-правовых актах вполне конкретных условий, определяющих применение вооруженных сил, не всегда представляется возможным четко определить границы перехода к их применению. Подобный подход к правовому регулированию в полной мере соответствует прагматичной позиции руководства КНР: появляется возможность получить одобрение мирового сообщества за счет развития правовых механизмов в Китае и сохранить за собой возможность применить национальные вооруженные силы с учетом условий конкретной обстановки¹.

¹ Эволюция теоретических взглядов политического руководства РФ на организацию ВТС с зарубежными странами в данном параграфе не рассматривается в связи с требованиями Приказа Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 28.09.2021 № 379 «Об утверждении Перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранным государством, его государственными органами, международной или иностранной организацией,

Выводы по первой главе

Анализ доступной автору литературы позволяет утверждать, что роль военно-технического сотрудничества в системе международных отношений непрерывно возрастает. Оно выступает в качестве основы взаимоотношений стран-партнеров или дополнением к уже достаточно развитым отношениям в политической, экономической и военной области. Остаются нерешенными проблемные вопросы исследования политического аспекта военно-технического сотрудничества иностранных государств. Это объясняется закрытым характером информации о взаимоотношениях государств в данной области. Постепенно увеличивается количество «мозговых центров», в задачи которых входит мониторинг, оценка и моделирование перспективных состояний ВТС различных участников рынков вооружений. Изучение моделей военно-технического сотрудничества показало, что в зарубежных странах существуют достаточно развитые теоретические разработки для исследования военно-технического сотрудничества, которые также применяются в борьбе за геополитическое лидерство. Однако, ведущие в данном отношении аналитические организации не раскрывают общественности особенности применяемой методологии, предоставляя только готовые результаты.

Для определения направлений развития российско-китайского военно-технического сотрудничества необходимо использование методов прогностики. Исследование показало, что в методическом плане основным инструментом получения прогнозной информации в сфере ВТС является экстраполяция, базирующаяся на одном из возможных источников информации о прошлом и текущем состоянии объекта прогнозирования. Анализ эволюции теоретических взглядов политического руководства КНР на обеспечение военной безопасности показывает, что на формирование и реализацию военно-политического курса Китая влияет стремление лидеров КНР повысить роль Пекина в создании новой многополярной мировой

архитектуры. Основным фактором в подходе Китая к обеспечению национальной безопасности является оценка руководством страны сложившейся военно-политической обстановки в мире и в регионе, в соответствии с которой Пекин в современных условиях сталкивается с беспрецедентными рисками и угрозами. В первой четверти XXI века в китайской военной стратегии увеличивается роль военного и военно-технического сотрудничества как способов повлиять на сложившийся баланс сил с Северо-Восточной Азией.

ГЛАВА 2. МОДЕЛЬ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

2.1 Факторы, определяющие российско-китайское ВТС¹

Структура международных отношений продолжает непрерывно усложняться. В результате глобализации происходит смещение мирового потенциала силы в Северо-Восточную Азию (СВА)². В международных отношениях между государствами СВА не снижается роль силы. Как отметил Министр обороны РФ генерал армии С.К. Шойгу на конференции по международной безопасности в мае 2014 года³, региональная нестабильность может быть выгодна отдельным государствам. Применительно к СВА таким государством являются США, которые используют нестабильность для переформатирования действующей системы региональной безопасности. Основным аргумент, используемый ими при этом, – ракетно-ядерная программа КНДР⁴.

Следует отметить, что формулировки опасностей и угроз, содержащиеся в Военной доктрине, носят общий характер и применимы ко всем регионам РФ. Однако на восточном направлении они имеют свое особое проявление.

Национальная безопасность России на данном направлении обеспечивается защищенностью от угрозообразующих факторов: экономической, государственной, общественной, информационной, экологической, транспортной, энергетической. Проведенное исследование

¹ На основе этого параграфа автором опубликована научная статья: Полончук Р.А. Основные внешние вызовы и угрозы Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Этносоциум и международная культура. 2020. № 11. С. 57-66.

² См.: Прохоренко И.Л., Алешин А.А. К вопросу оценки внешнеполитического потенциала государств в прогнозных исследованиях. Анализ и прогноз // Международная экономика и международная политика. 2019. № 3. С. 12-22.

³ См.: Храмчихин А.А. Дракон проснулся?: внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. 2-е изд. М.: Ключ-С, 2015.

⁴ См.: Показеев А.П. Военный потенциал штатов США: от шт. Айдахо до шт. Юта (основные элементы военного потенциала на территории США). М.: Перо, 2016.

показывает, что основными внешними военными опасностями России в СВА являются следующие:

1. Приближение военной инфраструктуры США с использованием территорий Японии и Республики Корея к границам Российской Федерации. В 1951 г. США заключили с Японией «Договор о гарантиях безопасности», создавший военно-политический союз двух государств. Этот Договор фактически закрепил за США право держать сухопутные войска (СВ), военно-воздушные силы (ВВС) и военно-морские силы (ВМС) на территории Японии «с целью обеспечения ее обороны, а также мира и безопасности в СВА». В 1960 г. договор был заменен «Договором о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности» между США и Японией¹.

В 2015 г. США и Япония подписали договор «Об основных принципах японско-американского сотрудничества в области обороны», что создает юридическую основу для закрепления отношений США и Японии на качественно новом уровне, способствует повышению возможностей вооруженных сил по взаимодействию как в условиях мирного времени, так и в случае возникновения регионального вооруженного конфликта².

По сути дела, японо-американский военно-политический союз является тихоокеанским аналогом евроатлантического блока НАТО, и, по оценкам специалистов, есть реальные предпосылки для его расширения³. В целом гипотетический военно-политический союз США, Японии и Республики Корея превосходит КНР по объему имеющихся финансовых ресурсов (см. таблицу 8).

2. Возможная дестабилизация обстановки между отдельными государствами Северо-Восточной Азии, обострение региональной и

¹ Покатилов. В.В. Военно-доктринальные взгляды государственного и военного руководства США и их факторный анализ: учебное пособие / Под науч. ред. А.Е. Саканцева. М.: Проспект, 2020. 416 с.

² Политические конфликты и кризисы в условиях глобальных трансформаций современной миросистемы: Монография / Под ред. А.В. Бредихина. М.: АНО ЦЭМИ, 2018. 120 с.

³ Ковалев С.И. Силы самообороны Японии: Информационно-справочное издание. М.: Международные отношения, 2016. 336 с.

глобальной стабильности¹. Главным источником этой военной опасности в СВА является неурегулированность обстановки на Корейском полуострове – между КНДР и Республикой Корея (РК)². Развернутые на полуострове вооруженные силы КНДР, с одной стороны, а также США и РК – с другой, не снижают активности в проведении мероприятий оперативной и боевой подготовки. При этом крупномасштабные военные учения, проводимые РК и США, представляют прямую военную угрозу КНДР.

Таблица 8

Военно-экономические показатели США, КНР, Японии и ЮК в 2020 г.³

Страна	ВВП (млрд. долл. США)	Военный бюджет (млрд. долл. США)	Военный бюджет (в процентах от ВВП)	Численность ВС, тыс. чел.	Военный бюджет, долл. на одного военнослужащего
США	16 200	600,4	3,7	1 492	1 896
Китай	9 020	112,2	1,24	2 333	83
Япония	5 150	51,0	0,99	247	401
РК	1 260	30,5	2,42	630	596

Руководство КНДР объективно оценивает тенденции в современном мире, когда были разрушены такие государства, как Югославия, Ливия, Сирия, Ирак, Афганистан в результате прямой агрессии со стороны коалиционных группировок войск, в которых главную роль играли США. При этом события на Украине, по мнению руководства КНДР, являются дополнительным доказательством существования «глобальной американской угрозы», которая может быть спроецирована на Корейский полуостров⁴.

Все это является причиной стремления руководства КНДР обладать ядерным оружием для защиты суверенитета, независимости и территориальной целостности государства, для сдерживания откровенно

¹ В данном параграфе аспирантом отдельно не рассматривались перспективы влияния организаций AUKUS и QUAD на баланс сил в АТР, поскольку в обозримой перспективе их деятельность происходит в рамках рассматриваемых факторов.

² См.: Карякин В.В. Геополитическая регионалистика: Монография. М.: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2018.

³ См.: Ци Хуайгао, Ли Кайшэн. Меняющаяся властная иерархия Северо-Восточной Азии и стратегические интересы Китая в 2020-е годы // Международная аналитика. 2020. Том 11. С. 45.

⁴ Белая книга по обороне (Republic of Korea Defense White Paper), 2018. Seoul, 2018.

враждебной политики США¹. Руководство России довольно критически относится к стремлению КНДР обладать ракетным и ядерным оружием, но выступает против жестких действий в отношении ее².

Таким образом, конфронтация между КНДР и РК сохраняется и может привести к военному конфликту в непосредственной близости от государственной границы России. При этом РК имеет с США бессрочный Договор о взаимной обороне от 1 октября 1953 г., узаконивший пребывание американских войск в южнокорейском государстве³. С другой стороны, Китай и КНДР еще в 1961 г. подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, в соответствии с которым КНР обязуется оказать военную и иную помощь КНДР. Кроме того, между КНДР и Россией 5 августа 2000 г. заключен «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве», которым не предусматривается предоставление КНДР военной помощи.

Остается нерешенной проблема окончательного объединения о. Тайвань с континентальной частью Китая. В отношениях с Тайванем руководство КНР преследует цель объединения китайской нации по принципу «одна страна – две системы», для чего осуществляет практические шаги по развитию всесторонних связей. Особую обеспокоенность Пекина вызывает нацеленность правящей на Тайване Демократической прогрессивной партии на активизацию взаимодействия с США, которым придается роль гаранта успешной реализации Тайбэем «свободного и суверенного» внешнеполитического курса (см. таблицу 9).

Подчеркивается, что Вашингтон готов развивать с Тайванем весь комплекс двусторонних связей, в том числе в военно-технической сфере. Рост оборонных расходов Тайваня соответствует региональной тенденции,

¹ См.: Криволапов О.О. Противоракетная оборона США: дискуссии и решения (2009-2019). М.: Издательство «Весь Мир», 2020.

² См.: Ладыгин Ф.И. Из истории контроля над вооружениями. Последует ли продолжение? М.: РМПИ, 2020.

³ Голубая книга по внешней политике РК 2018. [Электронный ресурс] URL: [http://www.Republic of Korea Ministry of National Defense \(English\).com.htm](http://www.Republic of Korea Ministry of National Defense (English).com.htm) (дата обращения 09.12.2020).

увеличившись на 3,4% в реальном выражении в период с 2018 г. по 2019 г. (см. таблицу 10).

Таблица 9

Трансферы вооружения и военной техники на Тайвань 2015-2020 гг.¹

Страна-экспортер	Страна импортер	Год размещения заказа	Номенклатура и объем поставки	Годы поставки	Полная стоимость продажи
США	Тайвань	2015	«Пэтриот» PAC-3, дивизион	2017	Не установлено
США	Тайвань	2017	Вертолеты AH-64E, 30 ед.	2018	Не установлено
США	Тайвань	2017	250 ракет ПЗРК FIM-92F, 108 прицелов Thermal Sight	2020–2026	223,56 млн. долл.
США	Тайвань	2020	Комплекты восстановления Patriot Advanced Capability-3	н/д	620 млн. долл.
США	Тайвань	2020	БПЛА MQ-9, материально-техническое обеспечение	2021	166,5 млн. долл.
США	Тайвань	2020	18 торпед Mk-48 Mod.6	2021	180 млн. долл.
США	Тайвань	2020	10 вертолетов MH-60R	2021–2022	907 млн. долл.

Тайвань располагает значительными для малого островного государства ВС, однако в случае возможного конфликта с материковым Китаем их будет объективно недостаточно. Тайваньское правительство прилагает усилия для развития собственного ОПК, однако он не способен удовлетворить все потребности ВС. Закупки вооружений у иностранных поставщиков затруднительны из-за нежелания стран, в том числе США, конфликтовать с правительством КНР. С 2000-х годов XXI века наметилось отставание Тайваньских ВС по количественным показателям.

3. Нарращивание воинских контингентов вооруженных сил США на территориях Республики Корея, Япония и акваториях Тихого океана в целях политического и военного давления на Россию. Численность регулярных войск Сил самообороны Японии (ССЯ) составляет около 270 000 чел., численность организованного резерва – свыше 69 000 чел. В условиях нарастания региональной напряженности, подразделения ВС США могут усилить ССЯ (см. таблицу 11).

¹ Полончук Р.А. Тайвань на рынке вооружений / Экспорт вооружений. 2020. № 4. С. 47-52.

Таблица 10

Баланс вооруженных сил в Тайваньском проливе¹

Сухопутные войска			
Рода и виды Сухопутных войск	Сухопутные войска КНР (всего)	Сухопутные войска КНР (в зоне пролива)	Сухопутные войска Тайваня
Личный состав	1 03 млн. чел.	412 000 чел.	88 000 чел.
Армии	13	5	3
Бригады пехотные (смешанные)	78	30 (6 амфибийных)	н/д
Механизированные пехотные бригады	н/д		3
Моторизированные пехотные бригады	н/д		4
Бронетанковые бригады	н/д		6
Бригады армейской авиации	15	5	2
Артиллерийские бригады	15	5	3
Бригады ВДВ	7	7	–
Бригады морской пехоты	8	4	3
Танки	6 300	н/д	800
Орудия артиллерии	6 300	н/д	1 100
Военно-воздушные силы			
ВВТ	ВВС КНР (всего)	ВВС КНР (в зоне пролива)	Военно-воздушные силы Тайваня
Истребители	1 500	600	400
Истребители бомбардировщики	450	250	–
Самолеты военно-транспортной авиации	400	20	30
Авиация Сил специальных операций	150	100	30
Военно-морские силы			
ВВТ	Военно-морские силы КНР (всего)	Военно-морские силы КНР (в зоне пролива)	Военно-морские силы Тайваня
Авианосцы	2	1	–
Крейсеры	1	–	–
Эсминцы	32	23	4
Фрегаты	49	37	22
Корветы	49	39	–
Амфибийные корабли	37	35	14
Дизель-электрические подводные лодки	46	32	22
Атомные подводные лодки	6	2	–
ПЛАРБ	4	4	–

Усилиями США в СВА созданы несколько военных альянсов. Союз США и Японии рассматривается американским военно-политическим руководством как основа региональной стабильности в СВА². Второй военный альянс представлен трехсторонним форматом: США–Япония–Республика Корея. Третий военный альянс в составе США, Японии и Австралии

¹ Составлено автором на основе Annual report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020. 200 p.

² См.: Журнал «Наука и техника оборонно-промышленного комплекса». Сычуань: Изд-во Научно-технического комитета провинции Шэньси. 2020.

формируется в целях создания Тихоокеанского сегмента американской глобальной системы противовоздушной обороны (ПРО). Значительные усилия направлены на формирование тройственного союза США–Япония–Индия. Отношения США на основе сотрудничества также осуществляются с Филиппинами, Таиландом, Сингапуром.

Таблица 11

Сравнение численности вооруженных сил основных стран региона в 2020 г.¹

Категория	США	Китай	Япония	РК	КНДР
Численность ВС	1 492 200	2 333 000	270 000	630 000	1 200 000
Сухопутные войска	586 700	1 700 000	151 050	495 000	1 020 000
ВМС	327 700	235 000	45 500	70 000	60 000
ВВС	337 250	398 000	47 100	65 000	120 000
Отдельные рода войск	240 550	100 000	3 500	12 000	Нет данных

4. Размещение элементов тихоокеанского сегмента глобальной системы ПРО США для дестабилизации военно-политической обстановки в регионе и нарушения сложившегося соотношения сил в ракетно-ядерной сфере. Размещение системы ПРО происходит в соответствии с американской концепцией «быстрого глобального удара»². Основным ее содержанием является подход, при котором стратегические неядерные системы высокоточного оружия размещаются в космическом пространстве³.

В состав огневых средств системы ПРО США в СВА входят: дивизион ПРО (противоракеты шахтного базирования на Аляске); батарея ПРО с противоракетами (штат Калифорния); корабли системы «Иджис-ПРО»⁴; зенитные ракетные дивизионы «Пэтриот» на о. Окинава⁵ (см. таблицу 12).

5. Территориальные претензии к Российской Федерации со стороны США и Японии, которая претендует на южнокурильские острова Итуруп,

¹ The Military Balance 2020 / International Institute for Strategic Studies. Abingdon: Taylor & Francis, 2020.

² См.: Журнал «Современное вооружение». Пекин: Изд-во Китайской оружейной корпорации. 2020.

³ См.: Веселов В.А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность. М.: ЛЕНАНД, 2018.

⁴ См.: Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2017.

⁵ См.: China's Incomplete Military Transformation, Assessing the Weakness of the People's Liberation Army / RAND National Security Research Division, 2017.

Кунашир, Шикотан, Хабомаи. Это единственная часть территории России (не считая Крыма), на которую официально и открыто предъявляет претензии другое государство – Япония. В Токио рассматривают присутствие на этих островах российских войск как «незаконную оккупацию японской территории»¹. Притязания Японии на эти острова поддерживают США, которые осуществляют постоянный контроль за данной конфликтной ситуацией, стремясь не допустить разрешения территориального спора в пользу России. Тем не менее, Япония на обозримую перспективу не планирует военных акций по отторжению спорных островов².

Таблица 12

Сравнение боевого состава вооруженных сил США, Китая и Японии³

Категория	США	Китай	Япония
Танки	5 838	6 840	777
Артиллерия	1 242	6 140	422
Минометы	2 483	2 586	1 085
Стратегические бомбардировщики	143	90	–
Истребители	1 258	1 505	340
Транспортные самолеты	431	327	65
Вертолеты	143	50	56
Подводные лодки	58	66	18
Авианосцы	10	1	–
Десантные корабли	30	85	4

Как отмечено в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве⁴ взаимные территориальные претензии между Россией и Китаем отсутствуют. Однако, между КНР, Вьетнамом, Филиппинами, Тайванем, Малайзией и Брунеем в Южно-Китайском море продолжаются нерешенные территориальные споры. Стороны претендуют на острова Спратли: 21 остров, 50 затопленных атоллов, 28 частично затопленных рифов. Кроме

¹ Anthony H. Cordesman China's New 2019 Defense White Paper // Center For Strategic International Studies / Working Draft, 2019.

² Стратегия национальной безопасности [Электронный ресурс] URL: [http:// www.Republic of Korea Ministry of National Defense \(English\).htm](http://www.Republic of Korea Ministry of National Defense (English).htm) (дата обращения 21.10.2020).

³ The Military Balance 2020 / International Institute for Strategic Studies. Abingdon: Taylor & Francis, 2020.

⁴ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Подписан Президентом России Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 21 марта 2006 года в г. Пекин. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3710/print> (дата обращения 03.12.2020).

этого, Китай и Вьетнам ведут жесткую борьбу за находящиеся к югу от острова Хайнань Парасельские острова.

КНР имеет значительное количество территориальных споров с сопредельными странами¹. Китайское правительство также предъявляет права на острова Сенкаку, несмотря на то что Япония контролирует их с окончания Второй мировой войны. Суверенитет Японии над островами признается другими государствами, включая США. Однако Китай требует признания его суверенитета над этими островами.

6. Использование США информационных технологий в интересах действий против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности РФ. По взглядам американских экспертов, к 2030 году существенно усложнится и обострится обстановка в киберпространстве².

В этой связи повысится роль киберопераций³. Экспертами отмечается, что ни одна из технологических сфер не вырастет в обозримой перспективе в своем значении так, как кибернетическая, а киберпространство, в отличие от настоящего времени, станет таким же пространством боевых действий, как наземное, морское, воздушное и околоземное космическое. К указанному сроку противоборство в нем, в комплексе с информационным, может потеснить физическое соперничество на ТВД⁴.

Особое внимание специалисты в области киберугроз уделяют прогнозу состава и возможностей киберсредств, способных вести сбор и анализ информации. Ожидается, что использование шпионских вирусов («троянов»),

¹ См.: Китайский гамбит: куда ты идешь, Поднебесная?: Монография / Под ред. А.В. Бредихина. М.: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2020.

² См.: Ганиев Т.А., Карякин В.В. Космическая политика мировых и региональных держав: Монография. М.: Архонт, 2020..

³ См.: China's Cyber Activities / U.S.-China Economic And Security Review Commission, 2014. P. 243-265.

⁴ См.: China's Use of Cyber Warfare: Espionage Meets Strategic Deterrence // Journal of Strategic Security, 2014. P. 1-26.

предназначенных для электронного шпионажа к 2030 г. будет снижено¹. На их место придут более эффективные макровирусы – специальные программы, написанные на макроязыках и встроенные в текстовые редакторы, электронные таблицы и другие системы обработки данных².

7. Установление в сопредельной с РФ КНДР нового политического режима путем применения технологии «цветной революции». Это может подорвать стабильность в КНДР, в целом стабильность в СВА и привести к возникновению очага вооруженного конфликта, его эскалации с перспективой расширения до масштабов локальной и даже региональной войны. В японских СМИ периодически появляются сообщения о планах Республики Корея физически устранить Ким Чен Ына, для чего создан специальный отряд, на тренировку которого в оборонный бюджет заложены расходы. Наличие военной опасности в отношении собственного государства признается и Китаем³.

8. Распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий. КНДР обладает ракетными и ядерными технологиями, ядерным и ракетным оружием, так как видит в этом единственный способ защиты государства⁴. По результатам июньского саммита 2018 года США – КНДР, Пхеньян официально приостановил ракетно-ядерные испытания.

В СВА имеются пороговые и околопороговые государства, способные в сжатые сроки реализовать ядерные программы. К ним относятся Япония и Тайвань. На Тайване в 1960-80-х годах предпринимались попытки наладить производство оружейного плутония. У него есть возможности для возобновления собственных ядерных разработок военного характера, если такое решение будет принято. Во время Второй мировой войны Программа по созданию ядерного оружия существовала также и в Японии. В настоящее

¹ См.: Карпиленя Н.В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства: монография. М.: ИД «Архонт», 2020.

² Pickrell R. A dangerous game: responding to Chinese cyber activities / Pickrell R. // The Diplomat, 25 September, 2015.

³ См.: Китайская военная стратегия [中国的军事战略] // Канцелярия по связям с общественностью Государственного совета КНР. Пекин, 2015.

⁴ См.: Дворкин В.З. О балансе и сценариях ядерного сдерживания. Анализ и прогноз // Международная экономика и международная политика. 2020. № 2. С. 55-62.

время прогресс в использовании ядерной энергии делает ее в высшей степени способной к самостоятельному созданию ядерного оружия. В случае принятия политического решения, создание ядерного оружия в Японии может занять не более шести месяцев¹.

9. Подрывная деятельность силовых структур зарубежных стран и их коалиций против России. В регионе уже в мирное время развернуты значительные силы специальных операций США, которые в период непосредственной угрозы агрессии могут быть увеличены². Для авиационной поддержки специальных операций могут использоваться подразделения армейской авиации специальных операций сухопутных войск. Для осуществления сбора информации о достижениях российского оборонно-промышленного комплекса активно используются возможности специальных служб и Республики Корея, Японии и США.

10. Деятельность террористических и экстремистских группировок, экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций, в целях дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в Дальневосточном федеральном округе, дезорганизацию функционирования работы органов государственной власти субъектов федерального округа, важных военных и промышленных объектов, предприятий и учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность населения субъектов федерального округа³.

Несмотря на наличие не только силовых, но и мирных концепций и подходов по урегулированию проблем СВА, общая обстановка в регионе продолжает оставаться напряженной и неустойчивой. В этой ситуации Россия остается приверженной своей стратегической позиции: играть активную роль в поддержке и развитии мирных инициатив и дипломатического решения всех проблемных вопросов Северо-Восточной Азии. Одним из направлений

¹ См.: Балуевский Ю.Н. Теоретические и методологические основы формирования военной доктрины Российской Федерации // Военная мысль. 2007. № 3. С. 14-21.

² См.: The Chinese Peoples Liberation Army in 2025 / Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, 2015.

³ См.: Казанин М.В. Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов. М.: Институт Ближнего Востока, 2017.

реализации стратегии в данной области может быть изменение баланса сил в сторону КНР путем проведения военно-технического сотрудничества.

Важным фактором, влияющим на безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, являются существующие территориальные противоречия между Китаем и другими странами региона, а именно споры с Японией о принадлежности островов Сенкаку в Восточно-Китайском море (ВКМ) и архипелага Спратли в Южно-Китайском море (ЮКМ)¹.

Китай поддерживает высокую активность национальных вооруженных сил в районе спорных с Японией островов Сэнкаку в ВКМ. Несмотря на это, начиная с 2017 г. Китай и Япония несколько стабилизировали межгосударственные отношения. Так, к наиболее значимым действиям в 2017-2019 гг. можно отнести (см. рис. 2):



Рис. 2. Маршруты движения авиации ВВС и кораблей ВМС НОАК²

– регулярные проходы надводных и подводных кораблей НОАК вблизи островов Сенкаку. После каждого прохода японское правительство негативно реагирует по линии министерства иностранных дел;

¹ См.: SIPRI [Электронный ресурс]. URL: <https://reliefweb.int/report/world/sipri-fact-sheet-april-2019-trends-world-military-expenditure-2018> (дата обращения 02.10.2021).

² Составлено автором на основе отчетов МО США «Military and Security Developments Involving the People's Republic of China», 2015-2020.

- интенсификацию учений ВВС НОАК с пролетом самолетов в воздушном пространстве над проливом Мияко, проходящим между японскими островами Мияко и Окинава;

- деятельность кораблей береговой охраны и гражданских судов КНР в районе спорных островов. Японский МИД отмечает, что каждый месяц в среднем семь китайских кораблей и судов вторгаются в национальные территориальные воды. Вместе с тем, данный показатель ниже аналогичного в 2017 году – девять судов ежемесячно. Особое беспокойство США вызывает деятельность КНР в ЮКМ. В ходе своего выступления на 19 съезде КПК Си Цзиньпин отметил важность деятельности Китая по возведению искусственных островов в Южно-Китайском море. В дальнейшем Пекин предпринял ряд важных шагов, направленных на расширение своего присутствия (в том числе и военного) в ЮКМ¹.

В соответствии с заявлениями министра обороны США, КНР продолжает развертывание новых систем вооружения в ЮКМ, включая современные комплексы противокорабельных ракет YJ-12В и зенитные ракетные комплексы HQ-9В на рифах Мисчиф, Фэйри Кросс и Суби (см. рис. 3). В апреле 2019 года США раскрыли информацию о размещении Китаем средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) на рифах Мисчиф и Фэйри Кросс. В ходе майского визита американской делегации на Тайвань, министр национальной обороны Тайваня заявил о намерении Китая включить ЮКМ в сферу своего влияния и вытеснить оттуда США².

КНР продолжает наращивать интенсивность мероприятий боевой подготовки в ЮКМ с задействованием бомбардировочной авиации, в ряде случаев использующей базы для передового базирования на Парасельских островах. В марте 2019 года Китай провел крупное военно-морское учение с участием более 40 кораблей (включая авианосец «Ляонин»).

¹ См.: Xi Jinping Warns Taiwan That Unification Is the Goal and Force Is an Option [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/01/01/world/asia/xi-jinping-taiwan-china.html> (дата обращения 02.10.2021).

² См.: Taiwan blasts China for 'reckless and provocative' fighter jet incursion, SCMP, April 1, 2019.

Продолжая милитаризировать ЮКМ, Китай проводит консультации со странами АСЕАН, результатом которых является предложение о выработке «кодекса поведения» – свода правил, позволяющих избежать возможных столкновений и последующей эскалации напряженности. При этом ряд экспертов из разных стран полагают, что какими бы ни были договоренности, Пекин будет продолжать свою деятельность, не считаясь с интересами других государств. Кроме того, Китай стремится избежать любых соглашений, ограничивающих его собственные действия. В частности, КНР требует от стран АСЕАН отказаться от совместных учений со странами, не входящими в АТР, без предварительного согласия Китая на их проведение, что фактически означает получение Пекином возможности управления мероприятиями оперативной и боевой подготовки (ОБП) в регионе¹.

За рассматриваемый период объем общих военных расходов (ОВР) Китая существенно увеличился. В 2013-2019 годах темпы реального прироста общих военных расходов несколько опережали темпы роста ВВП, что было обусловлено сохранением достаточно высоких объемов военных расходов в условиях замедления темпов экономического развития. За указанный период среднегодовые темпы роста общих военных расходов составили около 8,1% (в 2019 году – 10,4%)².

В 2019 году ОВР Китая, представленные в государственном бюджете, составили 178 млрд. долл., что является вторым показателем в мире после США и значительно превышает объем военных расходов любой из развитых европейских стран. Доля общих военных расходов в ВВП Китая достаточно стабильна (в среднем за период – 1,4%). В 2019 году доля ОВР в ВВП составила 1,4%.

¹ См.: Taiwan will forcefully expel PLA warplanes next time: Tsai Ing-wen, SCMP, April 1, 2019 [Электронный ресурс]. URL: [ps://www.scmp.com/news/china/military/article/3004119/chinese-jets-incursion-across-taiwan-strait-beijings-way](https://www.scmp.com/news/china/military/article/3004119/chinese-jets-incursion-across-taiwan-strait-beijings-way) (дата обращения 20.05.2021).

² Реальный прирост рассчитан по дефлятору ВВП 2010 года.

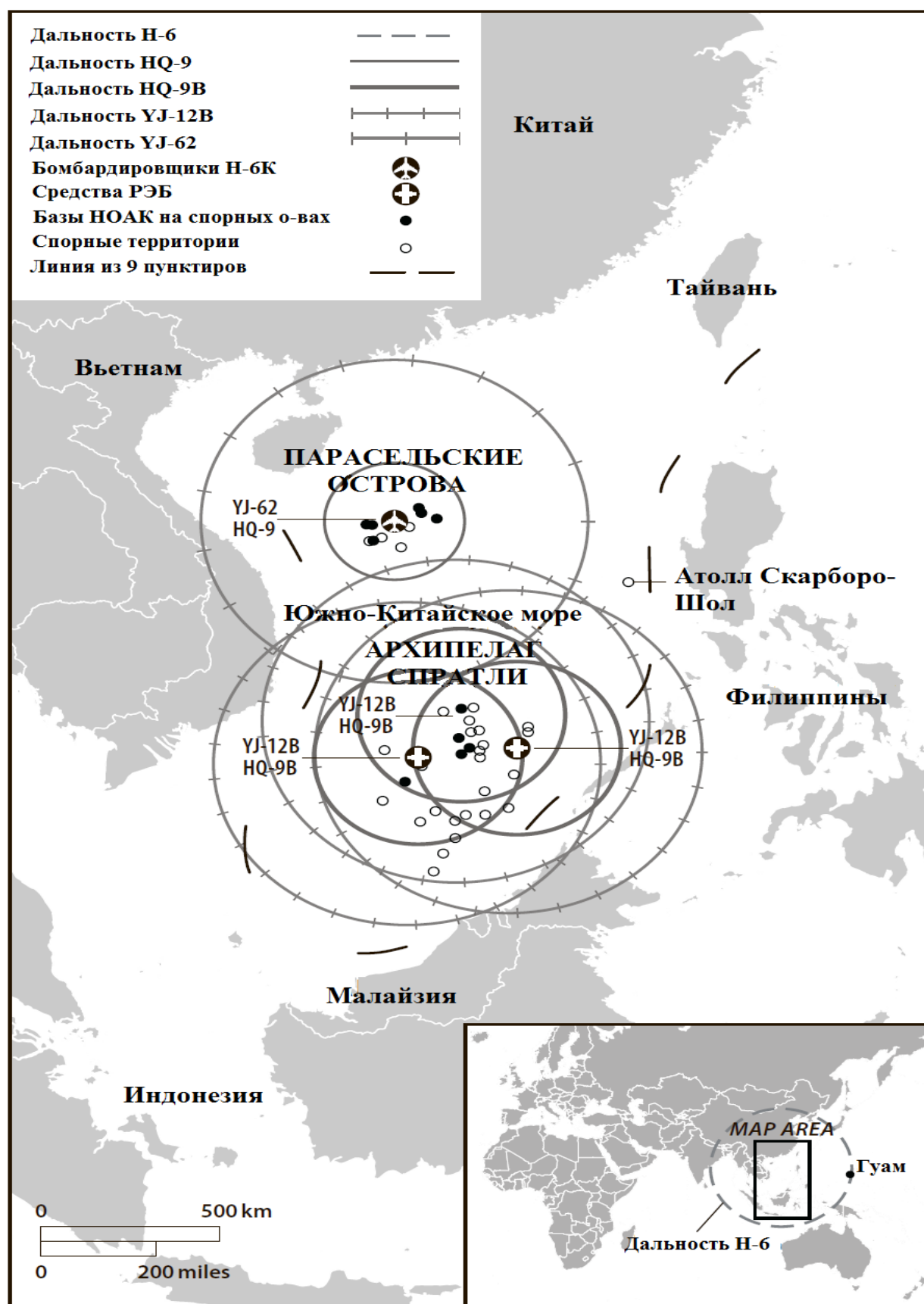


Рис. 3. Силы и средства НОАК на спорных территориях в ЮКМ¹

¹ Составлено автором на основе отчетов МО США «Military and Security Developments Involving the People's Republic of China», 2015-2020.

Результаты анализа ретроспективного периода и приоритетных планов Китая свидетельствуют, что в ближне- и среднесрочный период военные расходы страны будут увеличиваться, в целом, в соответствии с темпами экономического роста. В дальнейшем ожидается некоторое замедление темпов их роста, однако, в случае обострения международной обстановки Китай имеет возможность увеличить долю военных расходов в ВВП до 2-3% без существенного ущерба для экономики страны.

Ожидается, что в период до 2035 года доля военных расходов составит в среднем 1,5% от ВВП и 12% от общемировых расходов на ВС¹.

Стремление Си Цзиньпина оснастить национальные ВС современными видами вооружения и военной техники нашло свое отражение в размере бюджета министерства обороны на 2018 год, составившем 167,2 млрд. долларов (1,3% ВВП и 10,7% всех расходов центрального бюджета), что на 8,1 процента превышает военные расходы 2017 года (см. рис. 4). Вместе с тем данные цифры не учитывают затраты на проведение научно-исследовательских работ, приобретение военной техники из-за рубежа, помощь Народно-освободительной армии Китая со стороны муниципальных властей. В этой связи, министерство обороны США при оценке бюджета КНР добавляет 25 процентов к публикуемым цифрам, а отдельные экономические экспертные группы полагают, что увеличение может составлять от 40 до 50 процентов, т.е. реальные военные расходы Китая в 2019 году составили около 178 млрд. долларов².

¹ См.: Beijing's upgraded Su-35 fighter jets put through paces over South China Sea as 'Sword of the South' air brigade takes flight, SCMP, July 22, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3019627/plas-sword-south-air-brigade-uts-upgraded-su-35s-through> (дата обращения 20.05.2021).

² См.: Beijing starts military exercise in disputed South China Sea as tensions with Vietnam rise, SCMP, August 15, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3021680/beijing-starts-military-exercise-disputed-south-china-sea> (дата обращения 20.05.2021).

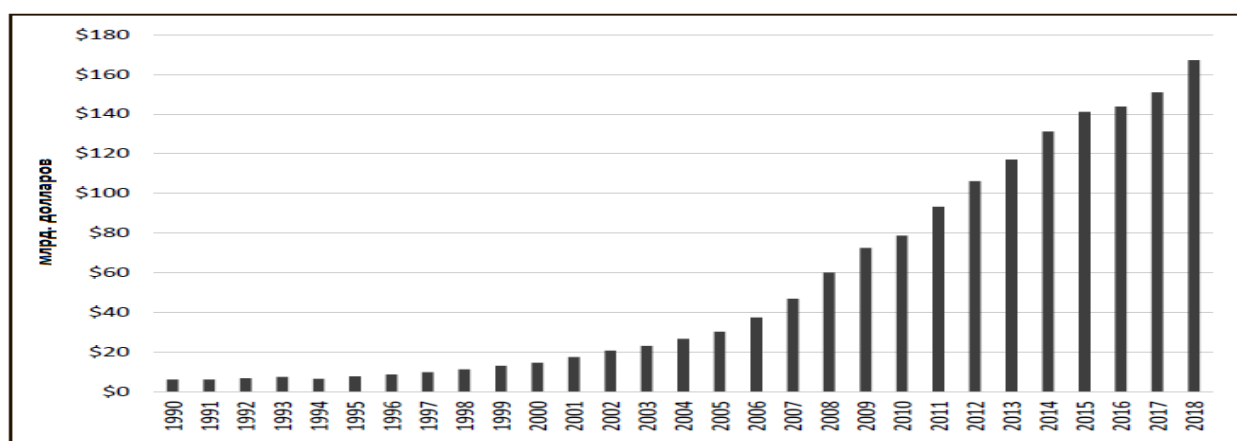


Рис.4. Бюджет министерства обороны Китая 1990-2018 гг.¹

КНР прилагает усилия к расширению своего военного присутствия в мире. Так, в 2017-2019 гг. проводились ремонтные работы на пирсе пункта материально-технического обеспечения (ПМТО) ВМС НОАК в Джибути. По оценке американских экспертов, данный форпост может использоваться в ходе борьбы с пиратством, миротворческих и спасательных операций, а также для обеспечения деятельности НОАК по защите китайских интересов в регионе².

По официальной информации министерства обороны Китая, основное предназначение базы в Джибути – пополнение материальных запасов кораблей, решающих задачи в Аденском заливе и других акваториях, а также отдых их экипажей. Вместе с тем, учитывая расположение базы, позволяющее силам НОАК осуществлять контроль морских путей между Красным морем и Индийским океаном, американские эксперты полагают, что развертывание и совершенствование ее инфраструктуры предназначены для расширения китайского военного присутствия в стратегически важном с точки зрения добычи и транспортировки энергоресурсов регионе³.

¹ Составлено автором на основе отчетов МО США «Military and Security Developments Involving the People's Republic of China», 2015-2020.

² См.: Office of the Secretary of Defense, “Annual Report to Congress, Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2019, P. 47, 73.

³ См.: Howard Wang, “China vs. Japan: Is the East China Sea Showdown Back on?” National Interest, June 7, 2019.

Помимо этого, она располагается в непосредственной близости от американской экспедиционной базы Кэмп-Лемонье, военнослужащие которой осуществляют антитеррористическую деятельность в Северной Африке. Данный факт вызывает определенное беспокойство в МО США. В апреле 2019 года двое американских военнослужащих пострадали в результате «действий с применением лазера» из окрестностей китайской базы. При этом официальный представитель военного ведомства Соединенных Штатов высказал уверенность, что данный инцидент явился следствием использования ВМС НОАК лазерной установки высокой мощности, находившейся на одном из пришвартованных к пирсу кораблей¹.

В конце 2008 года КНР был отправлен первый сводный отряд надводных кораблей национальных военно-морских сил в акватории Аденского залива и территориальных вод Сомали в целях выполнения борьбы с морскими пиратами. По состоянию на июль 2017 года, осуществлено конвоирование свыше 6 400 китайских и зарубежных судов. Вместе с тем американцы полагают, что Китай использует антипиратскую деятельность для прикрытия операций по освоению Индийского океана подводными лодками².

Помимо этого, в качестве фактора, способствующего расширению военного присутствия НОАК в мире, рассматривается миротворческая деятельность (МТД). В частности, считается, что МТД позволяет китайским военнослужащим получать навыки ведения боевых действий в различных регионах мира, в первую очередь, на африканском континенте, где развернута большая часть миротворческого контингента КНР. Кроме того, участие в МТД позволяет осуществлять сбор разведывательной информации, отрабатывать вопросы тылового обеспечения войск, действующих на

¹ 我驻吉布提保障基地组织火炮实弹射击训练 [Электронный ресурс]. URL: http://www.81.cn/jmtt/2017-11/28/content_7845356.htm. (дата обращения 20.05.2021).

² Beijing security forum shows how Chinese military takes belt and road route to Africa, SCMP, July 13, 2019, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3018414/beijing-security-forum-shows-how-chinese-military-takes-belt> (дата обращения 20.05.2021).

значительном удалении от основной территории. Вместе с тем, подчеркивается, что подобного опыта недостаточно для полноценной подготовки к участию в интенсивных военных действиях.

Американские эксперты отмечают высокий уровень отношений между КНР и Ираном. Подчеркивается, что выход Вашингтона из ядерной сделки с Тегераном и возобновление на него санкционного давления, вынудили европейские компании свернуть свою деятельность в Иране, что создало условия для развития его экономического взаимодействия с Китаем, чьи компании начали активно работать на иранской территории¹.

В 2016 году страны возобновили соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, в соответствии с которым в 2017 году было проведено совместное двустороннее военно-морское учение. Один из его этапов предусматривал действия кораблей в Ормузском проливе – акватории, через которую осуществляется транспортировка значительной части нефти из Ирана в Китай. Позднее, в декабре 2019 г. и феврале 2021 г., трехсторонние учения получили свое продолжение.

В настоящее время обе страны готовы продолжать сотрудничество в различных сферах, в том числе осуществлять торговлю вооружением и технологиями, что напрямую затрагивает американские интересы в сфере безопасности. Так, в марте 2017 года американское правительство заявило о том, что Пекин осуществляет передачу Тегерану ядерных и ракетных технологий в нарушение мероприятий американского контроля экспорта в Иран.

Сложными остаются отношения КНР и Индии. Несмотря на проведенные в 2017-2019 гг. встречи глав государств, Дели выражает опасения по поводу экспансионистской политики Пекина в регионе. В 2019 г. противоречия обострились на фоне политического кризиса на Мальдивах, где и Индия, и Китай преследовали собственные экономические интересы. Пришедший к власти в результате государственного переворота

¹ См.: Putin and Xi herald the virtues of globalism, critiquing the U.S. on trade [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/07/business/economy/russia-china-us-trade.html?searchResultPosition=6>. (дата обращения 02.10.2021).

действующий президент А. Ямин в ходе своего правления, несмотря на декларативное сохранение принципа «Индия на первом месте», изменил направление вектора внешней политики в пользу Китая. Правительство КНР, в свою очередь, сконцентрировало усилия на вовлечении Мальдив в реализацию в рамках предоставляемых инвестиций крупных инфраструктурных проектов с их последующим задействованием в программе «морского шелкового пути». В декабре 2017 года Мальдивы заключили с Китаем соглашение о создании зоны свободной торговли между двумя странами¹.

Индийские власти полагают, что Мальдивы попали в экономическую зависимость от Китая (на который приходится порядка 70 процентов внешнего долга и только на его обслуживание уходит около 20 процентов бюджета страны). Поэтому индийское руководство выражало опасения, что сохранение «китайской» направленности во внешней политике островного государства приведет к созданию военно-морской базы НОАК, которая станет составной частью так называемого «Жемчужного ожерелья» – цепи баз в Индийском океане, которые должны защищать китайские торговые пути.

В этой связи Дели активно поддерживал оппозиционного кандидата в ходе президентских выборов в сентябре 2018 года, одержавшего в итоге уверенную победу. Несмотря на это, как полагают американские эксперты, нельзя рассчитывать на быструю смену устоявшегося курса².

Помимо этого, Индия столкнулась с рядом трудностей при попытке создания военной базы на Сейшельских островах. В соответствии с заключенным в январе 2018 года соглашением Дели получит право создать портовую инфраструктуру и взлетно-посадочную полосу на острове

¹ См.: The Panama Canal could become the center of the US-China trade war [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/05/07/the-panama-canal-could-become-the-center-of-the-u-s-china-trade-war/> (дата обращения 20.05.2021).

² What Russian weapons are being bought by China? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/2165182/what-weapons-china-buying-russia> (дата обращения 20.05.2021).

Ассампшен. Кроме того, там предполагается разместить радиолокационную станцию для контроля надводной и воздушной обстановки. Индия в случае открытия базы планировала инвестировать в экономику Сейшелов более полумиллиарда долларов. В Дели заявляли, что военное присутствие позволит повысить безопасность судоходства в этой части Индийского океана.

Вместе с тем оппозиционные силы в парламенте Сейшельских островов заявили о том, что намерены воспрепятствовать реализации данной сделки. В качестве причины, повлекшей принятие подобного решения, называлось нежелание участвовать в противостоянии Индии и Китая. При этом американские эксперты полагают, что Пекин принимал непосредственное участие в деятельности оппозиции на Сейшельских островах¹.

Помимо этого, Китай активно наращивает экономическое присутствие в приграничных с Индией странах. В частности, реализуются инфраструктурные проекты в Пакистане и Непале. Кроме того, Пекин продолжает строительные работы в районе плато Доклам в Бутане, имеющем для Индии важное стратегическое значение.

Для снижения напряженности в отношениях Си Цзиньпин в апреле 2019 г. приглашал премьер-министра Индии на неформальную встречу, состоявшуюся в административном центре провинции Хубэй – городе Ухань, обозначив ее как «новую отправную точку» индийско-китайского взаимодействия. После этого лидеры двух стран встретились в июне 2018 года на полях саммита ШОС, однако, как полагают, американские политические эксперты, несмотря на проводимые переговоры, разногласия между странами невозможно преодолеть без кардинального изменения позиций обоих государств. Все эти проблемы оказывают формирующее

¹ См.: China escalates coercion against Vietnam's longstanding oil and gas activity in the South China Sea [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/china-escalates-coercion-against-vietnams-longstanding-oil-and-gas-activity-in-the-south-china-sea/> (дата обращения 20.05.2021).

влияние на военно-политическую обстановку в регионе: в 2020 г. в долине Галван участились стычки между китайскими и индийскими военнослужащими, которые по информации различных источников завершились жертвами с обеих сторон. Результатом данных событий стало то, что вооруженные силы двух стран значительно нарастили свои группировки в данном районе.

Расширению военно-технических связей КНР с другими государствами способствует проводимая военно-техническая дипломатия, основным содержанием которой является торговля вооружением и военной техникой.

В 2018 году КНР существенно увеличила свою долю на мировом рынке вооружений за счет продаж продукции военного назначения (ПВН) в Индо-Тихоокеанском регионе. Основными торговыми партнерами стали Пакистан, Бангладеш и Мьянма. Помимо этого, КНР осуществляла продажу ПВН (включая беспилотные летательные аппараты) в страны, сотрудничество с которыми в данной области не рекомендовано американским государственным департаментом и влечет наложение односторонних санкций со стороны США. В целом, за последние пять лет объем поставок ПВН из Китая достиг 8,3 млрд. долларов, что позволило КНР занять пятое место в числе наиболее крупных стран-экспортеров вооружения и военной техники: США, России, Франции и Германии, заключивших сделок на 50, 31, 10 и 8,5 млрд. долларов соответственно. 72 процента китайских продаж приходилось на страны Азии и Океании, 21 процент – на Африку¹.

В число наиболее значимых сделок КНР с 2018 по 2020 гг. попали:

– предоставление Пакистану новейшей системы обнаружения и сопровождения баллистических ракет. При этом американские эксперты полагают, что специалисты НОАК, осуществляющие обслуживание и обучение пакистанских военнослужащих, задействуются также в ходе

¹ См.: China's doghouse is smaller than it looks [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-04-05/china-s-economic-bullying-isn-t-as-fearsome-as-people-think> (дата обращения 20.05.2021).

разработки Исламабадом ракет с разделяющейся головной частью с блоками индивидуального наведения¹;

- подписание соглашения о поставке двух фрегатов типа «054А»;
- продажа третьего и четвертого корветов тип «С13В» ВМС Бангладеш.

Кроме того, КНР и Бангладеш заключили контракт на поставку учебных самолетов К-8;

– начало производства БПЛА «Вин Лун II», заключение контракта на поставку которых было анонсировано в 2017 году. Хотя вторая сторона сделки не раскрывалась, американские специалисты полагают, что продажа БПЛА будет осуществлена в ОАЭ.

В 2018-2020 гг. Китай принял участие в большом количестве двух- и многосторонних мероприятиях оперативной и боевой подготовки, преимущественно по линии ВМС. Кроме этого, отрабатывались вопросы совместного противодействия террористическим угрозам, а также поисково-спасательные операции.

Впервые отмечено задействование сил и средств НОАК в «Какаду-2018» – учении по поиску и спасению, проведенному в рамках Индоокеанского морского симпозиума (ИОМС), а также в совместном учении КНР-АСЕАН (см. таблицу 13)².

В период с 2017 по 2019 гг. Китай активизировал реформирование национальных вооруженных сил и оснащение их современным вооружением и военной техникой. Отправной точкой послужила речь председателя КНР Си Цзиньпина во время 19 съезда КПК в октябре 2017 года, в ходе которого он заявил о необходимости адаптировать стратегию национальной обороны

¹ В настоящее время Пакистан осуществляет разработку баллистической ракеты средней дальности (до 2200 км) «Абабил» (Ababeel), оснащенной разделяющейся боеголовкой.

² См.: China just finished a month of unannounced drills in the South China Sea to test its wartime command system [Электронный ресурс]. URL: <https://www.businessinsider.com/china-drills-in-the-south-china-sea-to-test-wartime-command-system-2019-2> (дата обращения 20.05.2021).

КНР к современным условиям и модернизировать вооруженные силы страны до уровня ведущих армий мира¹.

Таблица 13

Многосторонние мероприятия ОБП с участием НОАК (на примере 2017–2018 г.)²

Дата проведения (длительность)	Название и тип учения	Место проведения и состав участников	Отрабатываемые вопросы и особенности
Октябрь 2017 (1 день)	Французско-китайское учение ВМС	Со стороны НОАК: два фрегата и транспорт снабжения; со стороны Франции – один эсминец	Организации связи, маневрирования, пополнение запасов материальных средств в море, борьбы с морскими пиратами
Ноябрь 2017 (7 дней)	Американско-китайское учение по ликвидации последствий стихийных бедствий	Штат Орегон, США. Участвовало по 96 военнослужащих с каждой стороны	Развертывание многонационального координационного центра и работа по ликвидации последствий катастроф и стихийных бедствий под его управлением
Ноябрь 2017 (3 дня)	Международное учение ВМС по поиску и спасению (в рамках ИОМС)	Бангладеш. Участвовали девять стран, включая Бангладеш, Индию, Иран и Кению. От НОАК участвовал фрегат тип «054А»	Организация связи и взаимодействия при проведении совместной поисково-спасательной операции
Декабрь 2017 (1 день)	Учение по ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф (ЛПСБТК)	Восточный Тимор. Плавучий госпиталь ВМС НОАК «Пис Арк» (PeaceArk)	В ходе девятидневного визита в Восточный Тимор, госпитальный корабль ВМС НОАК впервые принял участие в учении по ЛПСБТК
Декабрь 2017 (3 дня)	Китайско-пакистанское учение ВМС «Френд-2017» (Friend-2017)	В акватории близ г. Шанхай. От ВМС Пакистана участие принимал один фрегат	Пятое по счету учение данного типа между двумя странами. Отрабатывались вопросы проведения поисково-спасательной операции, связи, маневрирования. Проводились стрельбы по движущимся надводным и воздушным целям
Декабрь 2017 (6 дней)	Российско-китайское командно-штабное учение по ПРО	Пекин, Китай. Участвовали оперативные группы сил ПВО/ПРО двух стран	Отработка с помощью компьютерного моделирования вопросов организации противоракетной обороны
Март 2018 (17 дней)	Учение ЛПСБТК «Голд драгон – 2018»	Территория Камбоджи. Всего участвовало 496 военнослужащих сухопутных войск от двух стран	Отрабатывались вопросы организации совместных действий в ходе ЛПСБТК. Особенностью явилось наличие второго (антитеррористического) этапа учения
Март 2018 (1 день)	Китайско-французское учение ВМС по поиску и спасению	Акватория вблизи Гонконга.	Первое участие гарнизона НОАК в Гонконге в международном учении
Май 2018 (5 дней)	Международное учение ВМС «Комодо-2018»	Индонезия. Участие принимали 33 страны. От КНР задействовались эсминец и фрегат	Отрабатывались вопросы организации связи, маневрирования, поисково-спасательные действия, пополнение запасов МТС в море, действия палубной авиации
Август 2018 (2 дня)	Учение ВМС Китай-АСЕАН	Сингапур. Участвовали 11 стран	Первое учение в формате КНР-АСЕАН. Отрабатывались вопросы взаимодействия в интересах обеспечения безопасности судоходства
Август 2018 (6 дней)	Российско-китайское антитеррористическое учение «Мирная миссия – 2018»	Чебаркуль, Россия. Органы управления и войска от Центрального военного округа (ЦВО) ВС РФ и Шеньянского военного округа НОАК Китая. Всего около 1,5 тысяч военнослужащих и около 250 единиц военной техники	Целью учения являлась отработка методов и форм совместной работы органов военного управления по планированию, подготовке и ведению боевых действий в ходе антитеррористической операции
Август-сентябрь 2018 (17 дней)	Многонациональное учение ВМС «Какаду-2018»	Дарвин, Австралия. Участие принимали 26 стран. От ВМС НОАК – фрегат тип «054А»	Отрабатывались вопросы противолодочной борьбы, организации ПВО корабельных соединений, проводились стрельбы по надводным и воздушным целям
Сентябрь 2018 (10 дней)	Антитеррористическое учение «Сагармата френдшип – 2» (Sagarmatha Friendship – 2)	По одному взводу (15 человек) от СВ Китая и Непала	Отрабатывались вопросы противодействия террористическим угрозам, а также действия по ЛПСБТК

¹ См.: Eric Heginbotham, “China’s Strategy in Southeast Asia,” in China Steps Out: Beijing’s Major Power Engagement with the Developing World, ed. Joshua Eisenman and Eric Heginbotham (New York: Routledge, 2018), P. 48-49.

² Составлено автором на основе отчетов МО США «Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China», 2015-2020.

Дата проведения (длительность)	Название и тип учения	Место проведения и состав участников	Отрабатываемые вопросы и особенности
Сентябрь 2018 (7 дней)	Учение «Восток-2018»	От НОАК участвовали 3200 военнослужащих, задействовались 99 танков, шесть истребителей-бомбардировщиков JH-7A и 24 WZ-9, а также вертолеты WZ-19	Китай участвовал в данном учении впервые
Сентябрь 2018 (18 дней)	Учение ВВС «Фалкон Страйк – 2018»	Таиланд	Отрабатывались вопросы удержания превосходства в воздухе, ведения воздушных боев с силами противника

При этом опасение американских исследователей вызывает сосредоточение в КПК функций управления всеми военизированными формированиями на территории страны, часть из которых до этого находилась в подчинении правительства. Так, важной вехой в реформировании вооруженных сил явилось подчинение сил береговой охраны (БОХР) Центральному военному совету КНР (с 1 июля 2018 года). Данный шаг, в частности, позволит Пекину использовать силы БОХР для достижения превосходства в Восточно-Китайском море в обход японско-китайского соглашения о взаимодействии в ВКМ, предполагающем обмен информацией о деятельности ВМС двух стран в районе спорных островов Сенкаку.

Китайско-американские отношения в военной сфере в 2017-2020 гг. оставались напряженными в связи с деятельностью Пекина в Южно-Китайском море, позицией США по Тайваню, а также решениями КНР о продаже ПВН в страны, находящиеся в «черном списке» Вашингтона. В этой связи, проводившиеся в течение года встречи высших должностных лиц военных и внешнеполитических ведомств, целью которых являлась нормализация двустороннего взаимодействия в сфере безопасности, не привели к каким-либо заметным улучшениям. При этом США продолжают рассматривать АТР в качестве приоритетного региона, сохраняя критическую позицию в отношении односторонних действий со стороны Китая, направленных на ограничение свободы судоходства в ЮКМ. КНР, в свою очередь, настаивает на справедливости предпринимаемых ею действий и остро реагирует на все попытки изменить сложившийся «статус-кво».

Американские эксперты подчеркивают, что прогрессирующее непонимание стало причиной взаимной отмены ряды визитов, а также отказа с китайской стороны в заходе корабля ВМС США «Уосп» в порт Гонконг. Кроме того, фактором, формирующим негативную реакцию со стороны КНР, стала публикация Соединенными Штатами новых редакций доктринальных документов (Стратегий национальной безопасности и национальной обороны, а также Обзора ядерной политики), в которых деятельность Китая рассматривалась как угроза национальным интересам США¹.

В целом, в США признают, что направленность военной политики КНР на реформирование вооруженных сил, оснащение их современными ВВТ, а также расширение присутствия НОАК в мире представляют угрозу для американских интересов.

В качестве ответных мер Конгресса предусматривается расширение односторонних санкционных списков за счет включения юридических и физических лиц, причастных к продолжающейся милитаризации деятельности КНР в Южно-Китайском море.

Авторская позиция заключается в том, что особую значимость СВА приобретает в связи с тем, что на ее территории осуществляют свою деятельность межгосударственное объединение Содружество Независимых Государств и такие международные организации, как Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, в которых активное участие принимает Россия. Кроме перечисленных, в регионе осуществляют деятельность и другие международные организации, такие, как Тихоокеанский пакт безопасности

¹ См.: Taiwan will forcefully expel PLA warplanes next time: Tsai Ing-wen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3004119/chinese-jets-incursion-across-taiwan-strait-beijings-way> (дата обращения 21.05.2021).

(Австралия, Новая Зеландия и США), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Оборонное соглашение пяти держав и другие¹.

В итоге нарастание перечисленных военных вызовов и угроз может привести к возникновению на территории Дальнего Востока резкого обострения межгосударственных отношений и созданию условий для применения военной силы между противостоящими сторонами: между КНДР, с одной стороны, и США и Республикой Корея – с другой; во-вторых, между Россией, с одной стороны, и США и Японией – с другой. Вместе с тем, представляется возможным утверждать, что в обоих этих вариантах нельзя исключить участие в военных действиях Китая.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что реализуемые политическим и военным руководством КНР планы вывести к 2049 г. вооруженные силы страны на уровень США воспринимаются негативно государствами СВА и акватории Индийского океана. Вместе с тем, проводимое собственно военное и военно-техническое сотрудничество с зарубежными странами рассматривается китайским руководством в качестве меры, способной повлиять на баланс сил в регионе в свою пользу.

2.2. Современное состояние ВТС России и Китая ²

При рассмотрении международного сотрудничества Китая в сфере безопасности отмечено взаимодействие, в первую очередь, с Российской Федерацией. Подчеркивается, что в 2017-2020 гг. КНР и РФ осуществляли торговлю вооружением, проводили совместные мероприятия ОБП, а также встречи высших должностных лиц военных ведомств двух стран. При этом

¹ Панкова Л.В., Гусарова О.В. Военно-экономические сдвиги на рубеже третьего десятилетия XXI века. Анализ и прогноз // Международная экономика и международная политика. 2020. № 2. С. 54.

² На основе этого параграфа автором опубликована научная статья: Полончук Р.А. Военное сотрудничество России и Китая // Этносоциум и международная культура. 2021. № 1. С. 95-105.

направленность сотрудничества Москвы и Пекина носит выраженный «антиамериканский» характер¹.

К основным направлениям совместной работы в военной сфере относится:

1. Сотрудничество по линии ОПК: Китай продолжает приобретать у России новейшие технологии, позволяющие наращивать военную мощь и повышать боевые возможности ВВТ. Так, в мае 2018 года КНР приобрела противоракетные комплексы С-400. Кроме того, был выполнен контракт на поставку еще десяти самолетов Су-35 (ранее десять машин были приобретены в 2017 и четыре – в 2016 годах). Таким образом, помимо России, Индии и Турции, Китай стал государством, имеющим на вооружении данные технические средства.

2. Участие в двусторонних и многосторонних мероприятиях ОБП, основным из которых стало стратегическое командно-штабное учение «Восток–2018», в котором вооруженные силы Китая были задействованы впервые. В последующем китайские военные приняли участие в учениях «Центр–2019» и «Юг–2020». Помимо этого, КНР принимала активное участие в Армейских международных играх (АрМИ), проводимых в период с 28 июля по 11 августа 2018 года. При этом четыре конкурса были проведены непосредственно на китайской территории. От КНР в мероприятиях были задействованы стратегические бомбардировщики Н-6К и военно-транспортные самолеты У-9. Обе страны пришли к соглашению о проведении совместного военно-морского учения «Морское взаимодействие – 2018» в акватории Желтого моря вблизи г. Циндао. В 2019 и 2020 гг. сторонами проводились совместные патрулирования дальних бомбардировщиков над акваториями Японского и Желтого морей.

¹ Russia completes deliveries of Su-35 fighter aircraft to China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.janes.com/article/87934/russia-completes-deliveries-of-su-35-fighter-aircraft-to-china> (дата обращения 21.05.2021).

3. Проводящиеся на регулярной основе встречи высших должностных лиц военного и внешнеполитического ведомств двух стран. В частности, в 2018 г. министр национальной обороны КНР Вэй Фэнхэ совершил первый после утверждения в должности зарубежный визит, в ходе которого посетил РФ и провел переговоры с российским коллегой С. Шойгу на полях Московской конференции по международной безопасности. При этом он подчеркивал, что его участие в мероприятии продиктовано, в том числе, и намерением продемонстрировать всему миру, а, в первую очередь, США, высокий уровень российско-китайского сотрудничества (см. таблицу 14).

Таблица 14

**Основные этапы российско-китайских отношений
в области обеспечения безопасности**

Год	Содержание
1989	Нормализация отношений между СССР и КНР
1990	Возобновление продаж советского оружия в Китай после перерыва, начавшегося в 1950-х гг.
1991	Установление дипломатических отношений КНР с Российской Федерацией после распада СССР
1996	Установление стратегического партнерства между РФ и КНР
2001	Подписание «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой»
2005	Проведение двусторонних учений «Мирная миссия»
2010	Проведение российской стороной военных учений «Восток–2010», имитирующих тактический ядерный удар, в случае конфликта на Дальнем Востоке.
2014	Экспорт из России в Китай системы ПВО С-400
2015	Проведение совместных военно-морских учений в Средиземном море. Продажа российских истребителей Су-35 в КНР
2016	Совместные учения ВМС РФ и КНР в ЮКМ, проведение первых совместных киберучений
2017	Совместные учения ВМС РФ и КНР на Балтике, вторые совместные киберучения
2018	Участие КНР в российском СКШУ «Восток–2018»
2019	Первый совместный авиапатруль ВВС НОАК и ВКС РФ в воздушном пространстве АТР. Помощь России в постройке системы ПРО КНР
2020	Второе совместное патрулирование ВВС НОАК и ВКС РФ в воздушном пространстве АТР

После этого глава МИД РФ С.В. Лавров прибыл в Пекин, где провел встречу с китайским коллегой Ван И, в ходе которой стороны подтвердили намерение двух стран активно развивать двухсторонние отношения. Помимо этого, увеличилось число контактов высших должностных лиц военных ведомств, в ходе которых осуществлялся обмен мнениями по вопросам региональной и глобальной безопасности, а также согласовывались планы проведения мероприятий ОБП¹.

¹ См.: What China's newly inducted s-400 means for the balance of power in the Taiwan Strait [Электронный ресурс]. URL: [https://thedi diplomat.com/2018/08/what-chinas-newly-inducted-s-](https://thedi diplomat.com/2018/08/what-chinas-newly-inducted-s-400-means-for-the-balance-of-power-in-the-taiwan-strait/)

Представляется возможным согласиться с российским политологом В.Б. Кашиным, который обращает внимание на то, что китайские элиты рассматривают Российскую Федерацию как сильную в военном отношении страну, формирующую новый баланс сил в мире¹. Во многом совпадающие геополитические интересы определяют заинтересованность двух стран в сотрудничестве². Заинтересованность в совместных с Россией действиях для Китая также обусловлена взглядами китайских военных специалистов на потенциальные попытки США дестабилизировать обстановку внутри КНР по аналогии с «цветными революциями» в странах Ближнего Востока³. В данных условиях одним из приоритетов двусторонних отношений становится сотрудничество в военной сфере. Анализ мероприятий военного сотрудничества России и Китая в период 2015-2020 гг. позволяет охарактеризовать его как реализуемое не в полной мере на современном этапе. Общее снижение масштабов российско-китайских военных учений и интенсивности военно-технического сотрудничества, а также достаточно слабая проработка двусторонних программ по аренде, ремонту техники, разработке технологий двойного назначения дает новые возможности для диверсификации сотрудничества РФ и КНР.

Военное сотрудничество Москвы и Пекина развивалось поступательно. С 1949 по 1969 гг. из СССР Китаю была поставлена военная техника на общую сумму около 4,1 млрд долл. В период с 1951 по 1960 год были совместно созданы объекты военного назначения на общую сумму около 439,3 млн долл. Также было безвозмездно передано около 650 лицензий на производство ВВТ. Советские специалисты и инженеры

400-means-for-the- balance-of-power-in-the-taiwan-strait/ (дата обращения 21.05.2021).

¹ См.: Кашин В. Б. Китайская картина будущего мира и место России в нем // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 159-165.

² См.: Robert S. Ross «Sino-Russian Relations: The False Promise of Russian Balancing», International Politics, September, 2019.

³ См.: 就中俄关系、能源及军事等领域合作，张汉晖大使接受俄媒专[Электронный ресурс]. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_8527722 (дата обращения 21.05.2021).

помогли китайским военнослужащим освоить передаваемое вооружение. По оценкам специалистов, из СССР в Китай командировали более 5 300 военных советников и специалистов. Из вузов СССР по различным программам подготовки было выпущено более 1 600 китайских военнослужащих¹. После перерыва военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем возобновилось только лишь в 1990 г. Обе страны обязались развивать стратегическое взаимодействие в военной сфере: в случае возникновения военной опасности военно-политическое руководство двух государств оперативно проводит консультации для устранения возникших угроз².

С Китаем ВТС получило наибольшее развитие в 1992-2004 гг. Из России были поставлены в КНР более 100 боевых самолетов и вертолетов различного назначения. По просьбе китайских заказчиков, отечественные специалисты участвовали в разработке китайских истребителей «Цзянь-10», JF-17 и учебно-боевого самолета L-15. Получив из России конструкторскую документацию, в китайском городе Шеньян, начиная с 1998 г., было организовано лицензированное производство истребителей Су-27СК под китайским обозначением «Цзянь-11». В дальнейшем на основе переданной документации и с учетом наработок украинского авиапрома, были спроектированы китайские истребители короткого взлета и посадки «Цзянь-15» для базирования на авианосцах ВМС НОАК «Ляонин» и «Шаньдун»³.

АО «Рособоронэкспорт» заключило с министерством обороны КНР контракт на поставку авиадвигателей АЛ-31Ф для установки на истребители Су-27 и Су-30, двигателей АЛ-31ФН для оснащения истребителей «Цзянь-10», а также двигателей Д-30 КП-2 для замены устаревших моторов на транспортных самолетах Ил-76 и бомбардировщиках «Хун-6». Обсуждались вопросы экспорта из РФ в КНР многоцелевых дизель-электрических

¹ См.: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015 // Office of the Secretary of Defense.

² См.: John M. «Sino-Russian Cooperation Against Liberal Hegemony», International Politics, January 2020.

³ См.: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2016 // Office of the Secretary of Defense.

подводных лодок проекта 677 «Лада». В КНР были поставлены системы и комплексы ПВО малой и средней дальности «Тор», «Бук», «Тунгуска», С-300¹.

Вторая половина 2000-х гг. в КНР прошла под эгидой научно-технической революции, заключавшейся в освоении российских и западных технологий. В связи с этим китайское руководство приняло принципиальное решение вооружать НОАК «с опорой на собственные силы»². Это обстоятельство мы можем объяснить двумя причинами. Первая – из-за разногласий с СССР до 90-х гг. XX в. КНР была вынуждена закупать ВВТ исключительно у западных экспортеров. После распада СССР у китайских военных специалистов появился доступ к испытанным временем разработкам советских, а затем российских конструкторов (см. таблицу 15). Вторая – изменение вектора военно-технической политики было вызвано несогласием китайской стороны с ценовой политикой экспорта вооружений РФ³.

ВТС КНР с РФ на настоящем этапе развития является важнейшей составляющей российско-китайских отношений и осуществляется на основе межправительственного «Соглашения о военно-техническом сотрудничестве» от 24 ноября 1992 г. В соответствии с достигнутыми договоренностями, соглашение действует до 2022 г. В его рамках Россия поставляет Китаю следующее ВВТ:

– военную авиационную технику: истребители Су-25, Су-27 (на них также передана лицензия на производство), Су-30МКК, Су-35; вертолеты Ми-171, Ка-32 и «Ансат»; транспортные самолеты Ил-76; самолеты-заправщики Ил-78; управляемые авиационные бомбы; крылатые ракеты

¹ См.: Russia Now Looking to Sell Its Prized Rocket Engines to China [Электронный ресурс]. URL: <https://arstechnica.com/science/2018/01/russia-now-looking-to-sell-its-prized-rocket-engines-to-china> (дата обращения 21.05.2021).

² См.: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017 // Office of the Secretary of Defense.

³ См.: Кашин В.Б. Китайский экспорт вооружений, военной и специальной техники после 2015 года // Экспорт вооружений. 2020. № 4. С. 19-22.

М807; двигатели для истребителей Су-27 и Су-30 и транспортных самолетов Ил-76;

– системы ПВО: ЗРС дальнего действия С-300ПМ1 и С-400; ЗРК малой дальности «Тор-М» и «Тунгуска», ЗРК средней дальности «Бук»;

– морскую военную технику: дизельные подводные лодки класса «Варшавянка» и «Лада», ракетные эсминцы; противокорабельные ракеты «Москит»;

– вооружение и военную технику для сухопутных войск: танки Т-80У, управляемые снаряды для танков; управляемые артиллерийские снаряды «Краснополь»; управляемые снаряды «Бастия».

Таблица 15

Идентифицированные образцы вооружений и военной техники, закупленные КНР у РФ в период с 1992 по 2013 гг.¹

Вид ВС	Вооружение и военная техника
СВ	танки «Т-72С» (100 ед.), «Т-80У» (200 ед.), «Т-90» (более 100 ед.); боевые машины пехоты «БМП-3» (количество не установлено); гусеничные тягачи «МТЛБ-У» (30 ед.); комплексы ПВО «С-300Ф» (28 дивизионов + 200 ракет дополнительно); высокоточные боеприпасы «АРКАН», 9М119 «РЕФЛЕКС»; «КИТОЛОВ», 9М117 «БАСТИОН», «КРСНОПОЛЬ» (всего более 1000 шт.); вертолеты «Ми-17Д» (150 ед.), «Ми-26» (4 ед.)
ВВС	истребители «Су» различных модификаций (240 ед.), самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и управления «А-50» (5 ед.); ракеты класса «воздух-воздух» «Р-27», «Р-27Е», «Р-73», «Р-77М-ПД» (около 1000 шт.); противорадарные ракеты «Х-3П» (около 100 шт.); противокорабельные ракеты «КХ-31Р», «КХ-55», «КД-88» (производство КБ «Вымпел», 720 шт.); вертолеты «Ми-8» (100 ед.), «Ми-17Д» (150 ед.), «Ми-26» (4 ед.), «Ка» различных модификаций (около 30 ед.); транспортные самолеты «Ил-76» (40 ед.); самолеты-заправщики «Ил-78» (4 ед.); турбореактивные двигатели «РД-93», «АЛ-31ФН», «Д-30ПК2»
ПВО	комплексы ПВО «Тор-М1» (более 15 ед.); установки МЗА «АК-730» (более 15 ед.), «Каштан» (более 15 ед.); комплекс ПВО «Бук-М1»

¹ См.: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017 // Office of the Secretary of Defense.

ВМС	эсминцы типа «Современный» (4 ед.); дизель-электрические подводные лодки «Варшавянка» (10 ед.), проект 878 (2 ед.); ракеты «Новатор К-100/172» (около 120 шт.); торпеды «Шквал-Е» (количество не установлено) и «АПр-3Е» (около 30 шт.); торпеды 53-65КЕ; противокорабельные ракеты «Москит», «Ожег»; противокорабельные ракеты «КХ-31Р», «КХ-55» и «КД-88» (производство КБ «Вымпел», 720 шт.); вертолеты «Ка-27» и «Ка-31» (около 30 ед.); артиллерийские установки «АК-730» (более 15 ед.); корабельная ракетно-пушечная система ПВО «Каштан» (более 15 ед.)
-----	---

По российским лицензиям Китай производит самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и управления, учебно-тренировочные самолеты L-15. Без лицензии производятся 152-мм самоходные гаубицы «Мста-С»¹.

В настоящее время КНР в целом удовлетворена достигнутым уровнем развития ВТС с РФ, в связи с этим Пекином позитивно оцениваются возможности поступательного наращивания двустороннего ВТС. Это также обусловлено реализацией межправительственных соглашений о поставке в Китай ЗРС С-400 «Триумф», 24 многофункциональных истребителей Су-35, выполнением контрактов на адаптацию самолетов этого типа к местной системе управления, созданием в интересах Китая математической модели системы нестратегической ПРО. Инженерами двух стран осуществляется проектирование новой ДЭПЛ с воздухонезависимой силовой установкой на основе российского проекта «Амур-1650» (см. таблицы 16, 17)².

Одновременно Пекин стремится к постепенному отказу от закупок крупных партий российского ВВТ и переводу ВТС на качественно новый уровень, который характеризовался бы тесным научно-техническим и производственно-технологическим взаимодействием для совместной разработки новых образцов ВВТ, при создании которых китайские

¹ См.: 印度向美国租借的两架无人机到货, 印媒: 可用于监视中印边境 [Электронный ресурс]. URL: https://www.guancha.cn/international/2020_11_26_572662.shtml (дата обращения 22.05.2021).

² См.: 美国突然批准售台一批打击武器: 可跨海峡打击大陆 [Электронный ресурс]. URL: https://www.guancha.cn/military-affairs/2020_10_22_568884.shtml (дата обращения 22.05.2021).

специалисты сталкиваются с трудностями (средства ПВО/ПРО, ДЭПЛ, надводные корабли океанской зоны). В ряде случаев КНР предпринимает попытки использовать результаты ВТС с Россией для расширения рынка сбыта собственной продукции военного назначения, в том числе за счет стран, традиционно ориентированных на импорт российской военной техники: государства Центральной Азии, Алжир, Венесуэла, Египет, Эфиопия¹.

Таблица 16

**Идентифицированные трансферы военно-морской техники
из России в Китай²**

Год	Предмет договора	Количество	Поставка(год)	Сумма контракта(млн долл.)
1994	ДЭПЛ проекта 877ЭК	2	1994,1995	400
1996	ДЭПЛ проекта 636	2	1996, 1998	500
2000	Эскадренный миноносец проекта 956Э «Современный»	2	2000–2001	800
2000	Сверхзвуковые противокорабельные крылатые ракеты ЗМ-80 Е «Москит»	48	2000–2001	100
2000	Противокорабельные ракеты ЗМ80Э «Москит»	100	2000-2006	предположительно 1,5 млн. за ракету
2002	Комплект корабельных ЗРК «Риф-М»	2	2004, 2005	н/д
2003	Комплект корабельных ЗРК «Штиль-1»	4	2003	н/д
2004	ДЭПЛ проекта 636М	8	2004–2007	2 млрд
2004	Комплекс береговой загоризонтной РЛС «Подсолнух-Э»	2	2004–2006	н/д
2005	Эскадренный миноносец модернизированного проекта 956ЭМ	2	2005–2006	1,4 млрд
2005	Палубный противолодочный вертолет Ка-28	4	2005–2006	н/д
2005	Противокорабельные ракеты ЗМ54Э Club	90	2005-2007	н/д
2006	Комплект корабельных ЗРК «Штиль-1» вертикального пуска	4	2006	н/д
2009	Палубный противолодочный вертолет Ка-28 (модификация ДРЛО)	9	2009–2011	н/д
2009	Палубный противолодочный вертолет Ка-31 (модификация ДРЛО)	9	2009–2011	н/д
н/д	Корабельное радиолокационное оборудование	н/д	2000 по н.в.	н/д
н/д	76-мм корабельная артиллерийская установка АК-176	лицензия	н/д	н/д

¹ См.: 又挑衅！五角大楼：美国国务院批准向台湾出售 100 套“鱼叉”岸防巡航导弹系统 [Электронный ресурс]. URL: <https://world.huanqiu.com/article/40S0rHinDwF> (дата обращения 22.05.2021).

² Составлено автором на основе: Кашин В., Габуев А. Вооруженная дружба: как Россия и Китай торгуют оружием. М.: Центр Карнеги, 2017; Корабельное вооружение. Пекин: Изд-во Китайской кораблестроительной промышленной корпорации, 2013-2021.

По мере наращивания экономического потенциала РФ, в российско-китайских отношениях могут возникнуть противоречия, связанные с обоюдным стремлением к расширению сфер собственных интересов в АТР и Центральной Азии. Такой сценарий может привести к целенаправленным действиям КНР по сдерживанию России на рынках вооружений, образованию российско-китайской конкуренции, что приведет к возникновению факторов, создающих угрозу для национальной безопасности РФ.

Таблица 17

**Идентифицированные трансферы авиационной техники
из России в Китай¹**

Год	Предмет договора	Количество	Поставка (год)	Сумма контракта (млн долл.)
2011	Авиадвигатель АЛ-31Ф	150	2011 – н/д	около 500
	Авиадвигатель АЛ-31ФН	123	2011–2013	около 500
	Авиадвигатель АИ-225-25Ф	250	н/д	250
	Авиадвигатель Д-30КП-2	184	2012–2015	около 500
2012	Авиадвигатель АЛ-31Ф	140	2013 – н/д	около 500
2014	Авиадвигатель РД-93	100	2015–2016	300
2015	Истребитель Су-35	24	2016–2018	2500
2016	Авиадвигатель АЛ-31Ф	100	н/д	650
	Авиадвигатель Д-30КП-2	224	2017–2020	около 660
	Гидросамолет Бе-200ЧС	2	2018	н/д
2017	Гидросамолет Бе-200ЧС	2	2018	н/д
	Гидросамолет Бе-103	2	н/д	н/д
	Вертолет Ми-171Е	7	2017–2018	60
	Вертолет Ка-32АПВС	2	2017	34
	Вертолет «Ансат»	5	2017–2018	н/д
2019	Вертолет Ми-171Е	68	2019 – н/д	н/д
	Вертолет Ми-171Ш	18	2019 – н/д	н/д
	Вертолет Ми-171	14	2019 – н/д	н/д
	Вертолет «Ансат»	21	2019 – н/д	н/д
2020	Вертолет Ми-171	5	н/д	н/д
	Вертолет Ми-171Е	2	н/д	н/д
	Авиадвигатель АЛ-31	н/д	н/д	н/д
	Авиадвигатель Д-30	н/д	н/д	н/д

Принятие на вооружение значительного количества образцов российской военной техники обусловило необходимость направления в РФ

¹ Составлено автором на основе: Кашин В., Габуев А. Вооруженная дружба: как Россия и Китай торгуют оружием. М.: Центр Карнеги, 2017; Корабельное вооружение. Пекин: Изд-во Китайской кораблестроительной промышленной корпорации, 2013-2021.

на обучение офицеров среднего и высшего звена. В Военной академии Генерального штаба ВС РФ регулярно проходят курсы повышения квалификации, на которые направляется около 10 офицеров НОАК в ранге командира бригады в возрасте от 35 лет, а также командиры дивизий в возрасте от 38 до 40 лет. Данная категория военнослужащих изучает особенности организации национальной обороны. Свою квалификацию военнослужащие НОАК повышали и в стенах Военного университета Министерства обороны по направлению «лингвистическое обеспечение военной деятельности» и Общевойсковой академии ВС РФ по направлению «подготовка офицеров с высшим профессиональным образованием»¹.

Командирование отечественных военных специалистов в Китай, в основном, ограничивается повышением уровня лингвистической подготовки переводчиков в Институте иностранных языков НОАК, расположенном в Лояне².

Достигнутые темпы кораблестроения в КНР позволили национальным военно-морским силам отказаться от морально устаревших проектов фрегатов и эсминцев советских проектов. Последний из устаревших эсминцев Тип 051 (копия советского проекта 41) был выведен из состава Северного флота ВМС НОАК в августе 2020 года, а эсминцы с управляемым ракетным оружием (УРО) типа «Современный» российского производства теперь уступают по численности (всего две единицы в 2020 году), ракетному вооружению и радиоэлектронному оборудованию новым китайским разработкам – эсминцам УРО проекта 056 D³.

¹ См.: 连飞十小时！我国空军某部歼击机创单次飞行时长新纪录 [Электронный ресурс]. URL: https://www.guancha.cn/military-affairs/2020_11_08_570699.shtml?s=zwytt (дата обращения 22.05.2021).

² См.: 世界唯一核动力轰炸机，绕地球飞行 80 圈不降落，美国也不敢击落 [Электронный ресурс]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/kL7SUxFLgWNBAYKR5P8pGQ> (дата обращения 22.05.2021).

³ См.: 俄罗斯有能力击落美国的五代战机吗？ [Электронный ресурс]. URL: https://k.sina.com.cn/article_2800587327_a6ed923f02700ta2b.html?from=mil&sudaref=away.vk.com&display=0&retcode=0 (дата обращения 22.05.2021).

Возможности китайской ПВО были усилены за счет поставки из РФ второго комплекта ЗРС большой дальности С-400 «Триумф». Первый полковой комплект С-400 развернут в одной из бригад, расположенных в окрестностях Пекина. За 2019-2020 гг. в КНР были произведены и развернуты ЗРК большой дальности национального производства «Хунци-9В» и «Хунци-22». Предположительно, «Хунци-9В» является модификацией стоящего на вооружении НОАК комплекса «Хунци-9» с увеличенной дальностью действия, обладающим возможностями, соответствующими российской ЗРС С-300ПМ2¹.

В 2015-2020 гг. РФ и КНР были продолжены встречи высших должностных лиц военных ведомств. При этом направленность российско-китайского сотрудничества имела «антиамериканский» характер². Основным направлением военного сотрудничества в данный временной период стало проведение российско-китайских военных учений различного масштаба.

Стратегические командно-штабные учения (СКШУ) в период с 2015 по 2020 гг. проводились на регулярной основе. Наиболее масштабными стали маневры «Восток–2018» с участием китайских военнослужащих. СКШУ проводились под личным руководством Министра обороны РФ генерала армии С.К. Шойгу. В учениях, проходивших в акваториях Японского и Охотского морей, приняли участие около 300 тыс. военнослужащих, более 1 тыс. самолетов, 80 военных кораблей и судов обеспечения³. На СКШУ «Восток–2018» и «Центр–2019» КНР направила около 1600 военнослужащих, более 300 ед. техники, 30 самолетов и вертолетов. В ходе СКШУ «Кавказ–2020» с учетом карантинных мер из-за новой коронавирусной

¹ См.: 英国智库：除航空发动机外，中国战机制造水平超越俄罗斯 [Электронный ресурс]. URL: https://www.guancha.cn/military-affairs/2020_11_15_571524.shtml(дата обращения 21.05.2021).

² См.: Russia completes deliveries of Su-35 fighter aircraft to China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.janes.com/article/87934/russia-completes-deliveries-of-su-35-fighter-aircraft-to-china> (дата обращения 21.05.2021).

³ См.: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2018 // Office of the Secretary of Defense.

инфекции COVID-19 было задействовано только 100 военнослужащих НОАК и 18 ед. техники¹.

Военно-морские учения «Морское взаимодействие» планируются и увязываются командованием НОАК с конкретными политическими задачами, стоящими перед КНР. Организуемые ежегодно с 2015 г. совместные российско-китайские военно-морские маневры проводились в акваториях Южно-Китайского и Балтийского морей. По мнению командования НОАК, разнообразная география учений является способом обозначить растущую военную мощь двух стран². В 2019 году Иран, Китай и Россия провели трехдневные трехсторонние военно-морские учения в акваториях Оманского залива. Маневры продемонстрировали высокий уровень координации совместных действий на море на фоне обострения напряженности между США и Ираном³.

Антитеррористические учения стали новым направлением укрепления военных связей КНР с РФ в борьбе с «тремя силами зла»: международным терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом. Данная деятельность осуществляется на двусторонней основе и многостороннем формате в рамках ШОС. Значительное внимание уделяется антитеррористическому учению «Мирная миссия», участниками которого являются страны – члены ШОС. Данное учение оказывает стабилизирующее влияние на региональную обстановку и готовит ВС стран-участников к контртеррористическим действиям на территории СУАР⁴.

¹ См.: 中俄军事关系进入新时代 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mod.gov.cn/jmsd/2019-12/13/content_4856707.htm (дата обращения 21.05.2021).

² См.: Russia to Join China in Naval Exercise in Disputed South China Sea [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/29/world/asia/russia-china-south-china-sea-naval-exercise.html> (дата обращения 21.05.2021).

³ См.: Russia, China, Iran Start Joint Naval Drills in Indian Ocean [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-military-russia-china/russia-china-iran-start-joint-naval-drills-in-indian-ocean-idUSKBN1YV0IB> (дата обращения 21.05.2021).

⁴ См.: Китайско-российское совместное антитеррористическое учение «Мирная миссия–2009» [中俄联合反恐军事演习 «和平使命 – 2009»] // Пекин.: Канцелярия по иностранным делам МО КНР. 2009.

В 2019 г. в Новосибирской области прошло учение войск Росгвардии и Народной вооруженной милиции КНР «Сотрудничество–2019», где отрабатывались действия по борьбе с международными террористическими группами¹. Отметим, что антитеррористические учения КНР и РФ отличаются от подобных китайско-пакистанских или китайско-тайских мероприятий тем, что в них отрабатывается взаимодействие батальонно-тактических групп, в то время как в подобных китайско-пакистанских и китайско-тайских учениях задействуются подразделения ВДВ НОАК и морской пехоты ВМС численностью до 250 военнослужащих.

Совместное воздушное патрулирование российскими и китайскими стратегическими бомбардировщиками становится новым способом достижения политических целей в АТР². В конце 2019 и 2020 гг. ВВС НОАК и ВКС России провели совместные воздушные патрулирования. Авиагруппы в составе стратегических бомбардировщиков ТУ-95 МС (со стороны РФ) и «Хун-6К» (со стороны КНР) осуществили воздушное патрулирование над акваториями Японского и Восточно-Китайского морей. В ходе патрулирования авиация придерживалась положений международного права без нарушения воздушного пространства других стран.

Компьютерные командно-штабные учения противоракетной обороны (ПРО) «Воздушно-космическая безопасность» рассматриваются в Китае как ответ на создание США системы ПРО THAAD в Южной Корее³. Их целью является демонстрация соперникам в регионе высокого уровня отношений с РФ. Особенностью стартовавших в 2017 г. российско-китайских учений является использование компьютерного моделирования совместной системы

¹ См.: 美国的盟友很多，澳为何反华最甚 [Электронный ресурс]. URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/412>(дата обращения 21.05.2021).

² См.: 抢先给白宫下马威！关键时刻俄亮“杀手锏”，新型轰炸机一飞冲天 [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1682954991209801286&wfr=spider> (дата обращения 21.05.2021).

³ См.: Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад No 58/2020 / [С. Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020.

ПРО. Работа в реальных условиях не представляется возможной по причине высокого уровня закрытости и воспреещения доступа на объекты национальных систем ПРО. В современных условиях проблемы инженерного характера не позволяют китайским специалистам создать национальную систему ПРО. Об этом свидетельствует интерес китайских военных специалистов к российским комплексам ПВО/ПРО «С-400» и «С-500»¹.

В октябре 2019 года В.В. Путин назвал одним из приоритетов военного сотрудничества с Китаем обмен данными для создания системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН)². Известно, что эта система позволяет зафиксировать старт и траекторию полета баллистических ракет противника. Она состоит из двух эшелонов: космического и наземного. С 1970-х гг. Пекин вел собственные НИОКР в интересах создания данной системы. В 2010-х гг. в КНР активизировали строительство, позднее появилась информация о работах над космическим эшелоном системы³.

Авторская позиция заключается в том, что сам факт сотрудничества РФ и КНР в области СПРН значим политически: собственными системами СПРН обладают только США и РФ, подобные системы являются наиболее сложными и засекреченными⁴. Остается открытым вопрос о режиме взаимодействия СПРН двух стран в будущем. В случае наличия системы автоматизированного обмена данными между ними в реальном времени возможности двух стран по предупреждению о ракетном нападении резко возрастут.

¹ См.: 美俄军备竞赛集中导弹领域 [Электронный ресурс]. URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2020-11/04/content_274882.htm (дата обращения 21.05.2021).

² См.: Путин рассказал о помощи КНР в создании системы предупреждения о ракетном нападении // Интерфакс. 03.10.2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/679050> (дата обращения 22.05.2021).

³ См.: Russia to Help China Develop an Early Warning System [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2019/10/russia-to-help-china-develop-an-early-warning-system> (дата обращения 22.05.2021).

⁴ См.: 俄盘点空天力量建设“成绩单” [Электронный ресурс]. URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2020-12/28/content_279331.htm (дата обращения 22.05.2021).

Международные соревнования «Армейские международные игры» («АрМИ») рассматриваются китайским командованием как новая форма собственно военного сотрудничества. Однако, при их организации наблюдаются некоторые противоречия с российской стороной. Так, китайская сторона рассчитывает использовать проект Министерства обороны России в интересах укрепления престижа собственных вооруженных сил¹. Для этого командование НОАК предпринимает попытки увеличить число конкурсов «АрМИ», проводимых на территории КНР. Это дает возможность внести изменения в регламент соревнований с предоставлением права принятия окончательного судейского решения комиссией страны-организатора. Во время «АрМИ-2018» и «АрМИ-2019» четыре конкурса из 29 проводились на китайской территории². Мероприятия российско-китайского военного сотрудничества в период 2015-2021 гг. представлены в таблице 18.

В 2020 г. военные ведомства России и Китая продлили соглашение об уведомлении в случае пуска баллистических ракет и космических ракет-носителей сроком на 10 лет. Вторым важным событием стало совместное воздушное патрулирование стратегической авиации ВКС России и ВВС Китая в АТР. Несмотря на ограничения, связанные с COVID-19, военные ведомства России и Китая совместно провели серию военных соревнований, завершившихся СКШУ «Кавказ-2020» с участием военнослужащих НОАК.

Таким образом, российско-китайское военное сотрудничество получило значительное развитие в период 2015-2020 гг. Военно-техническое сотрудничество было сконцентрировано, в основном, на односторонней покупке китайской стороной российской техники. Двусторонние отношения в военно-политической сфере характеризовались высокой интенсивностью делегационных обменов, чему способствовал особый характер личных контактов между лидерами государств. Китайское руководство не отказывается от ключевого принципа внешнеполитической стратегии, заключающегося в позиционировании

¹ См.: Круглов В.В., Абдрахимов Л.Г. Армейские международные игры. Танковый биатлон. Китайский язык М.: Издательский дом ВКН, 2020.

² Составлено автором на основе отчетов МО США «Military and Security Developments Involving the People's Republic of China», 2015-2020.

КНР как независимого центра силы, не связанного ни с кем никакими союзническими обязательствами¹.

Таблица 18

Мероприятия военного сотрудничества России и Китая в 2015–2021 гг.²

Мероприятие	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Стратегические командно-штабные учения	–	–	–	+	+	+	+ ³
Военно-морские учения «Морское взаимодействие»	+	+	+	–	+	–	+
Компьютерные КШУ ПРО «Воздушно-космическая безопасность»	–	+	+	–	–	–	–
Антитеррористические учения ШОС «Мирная миссия»	–	+	–	+	–	–	+
Совместное патрулирование ВКС России и ВВС НОАК	–	–	–	–	+	+	+
Совместное патрулирование ВМФ России и ВМС НОАК	–	–	–	–	–	–	+
«Армейские международные игры»	+	+	+	+	+	+	+

Выводы по второй главе

Результаты исследования факторов, влияющих на российско-китайское ВТС, показали, что на территории Северо-Восточной Азии в ближайшей перспективе возможно резкое обострение межгосударственных отношений и применения военной силы между противостоящими сторонами. Нельзя исключить участие Китая в военных действиях. Одним из направлений реализации стратегии в данной области для России может быть изменение баланса сил в сторону КНР путем проведения военно-технического сотрудничества. Вместе с тем требуется выявление существующей и

¹ См.: 能否治住美国对台军售？当然也必须能 [Электронный ресурс]. URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/40SOGIRxqDe> (дата обращения 22.05.2021).

² В рамках российско-китайского военного сотрудничества в 2015–2020 гг. также проводились учения подразделений специального назначения «Антитеррор-17» и трехсторонние (КНР, РФ, Иран) морские учения «Мир–2019». В 2020 г. почетный караул НОАК участвовал в военном параде в Москве, а российские и китайские военные медики осуществляли взаимодействие по вопросам противодействию коронавирусу COVID-19. Данные мероприятия в подсчете нами не учитывались, поскольку обладают несистемным характером.

³ Отличительной особенностью учений «Сибу /Взаимодействие–2021» стало их проведение на полигоне Цинтуса Нинся-Хуэского автономного района КНР (такого рода мероприятие на территории КНР с участием российского воинского контингента было проведено впервые). СКШУ стало логическим продолжением маневров «Восток–2018», «Центр–2019», «Кавказ–2020».

перспективной моделей российско-китайского ВТС, основой которых может стать мотивационная типология рынков вооружений.

Изучение военного и военно-технического сотрудничества Китая с зарубежными странами показало рост активности КНР в данной области. Из-за отсутствия реального боевого опыта китайское командование использует все возможности для «компенсации» за счет участия национальных вооруженных сил в двусторонних и многосторонних учениях, операциях в рамках мандата ООН и охраны акваторий Мирового океана от морских пиратов. В условиях фактического эмбарго экспорта вооружений из стран Запада и санкций со стороны США, военно-техническое сотрудничество с зарубежными странами затруднено, но рассматривается китайским руководством в качестве единственной меры, способной повысить боевые возможности национальных вооруженных сил до мирового уровня.

Начиная с 2013 года, наблюдается процесс «замещения» собственно военным сотрудничеством привычного места ВТС в российско-китайских отношениях. Вместе с тем ВТС РФ и КНР прошло несколько этапов: от экспорта советских систем вооружения в Китай до выполнения индивидуальных разработок и заказов по спецпроектам китайского ОПК; от сотрудничества китайских инженеров с российскими конструкторскими бюро до поставок высокотехнологичных систем вооружений в интересах китайской ПВО/ПРО. Учитывая геополитические изменения, произошедшие в данный период, предложенная ранее модель российско-китайского ВТС требует корректировки (см. таблицу 19).

Таблица 19

Политическая модель российско-китайского ВТС в первой четверти XXI века¹

Тип-модель	Политическая	Рационально-прагматическая	Коррупционная	Блокадная	Зависимая
Присутствие признака	снижение признака	сильно выраженный	выражен	присутствие элементов	отсутствует
Динамика признака	стабильный	стабильный	стабильный	стабильный	стабильный
Влияние на российскую позицию	положительное	положительное	положительное	положительное	—

¹ См.: Макиенко К.В. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992-2002 годах: достижения, тенденции, перспективы. М.: Гендальф, 2002.

С точки зрения политической модели наблюдается снижение влияния российско-китайского ВТС и замещение его собственно военным сотрудничеством. Рационально-прагматическая модель осталась без изменений. Коррупционную модель, учитывая стабильность системы российско-китайского ВТС и отсутствие новых субъектов сотрудничества, представляется возможным оценить как стабильную. Блокадная модель с учетом введенных США санкций приняла стабильный характер. Зависимая модель осталась без изменений.

ГЛАВА 3. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В XXI ВЕКЕ

3.1 Проблемные вопросы российско-китайского ВТС¹

Хотя возникновение вооруженного конфликта с Россией в ближайшей и среднесрочной перспективе считается маловероятным, взаимная демонстрация военной силы не исключается. Согласно китайским оценкам, в случае возникновения на российско-китайской границе конфликтоопасной ситуации и ее последующего перерастания в военное столкновение с использованием обычных средств поражения, Китай будет иметь полное военное превосходство над Россией².

Российские политологи сходятся во мнении, что наиболее вероятными причинами возникновения локальной войны между Россией и Китаем, как ни парадоксально, являются территориальная проблема и стремительно увеличивающаяся численность китайской диаспоры в Дальневосточном регионе. Формально территориальные противоречия урегулированы. На данный момент все спорные моменты сняты. Россия и Китай налаживают экономическое сотрудничество.

При этом если Пекин увеличивает поставку различного рода промышленных товаров, то Россия все больше «специализируется» на поставках сырья. Через 10-15 лет рядом зарубежных аналитиков прогнозируется возникновение в КНР сырьевой катастрофы. При этом на северных границах существуют огромные слабо освоенные российские

¹ На основе этого параграфа автором опубликована научная статья: Полончук Р.А. Особенности военной политики Китая на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 1. С. 89-105.

² См.: Тренин Д.В. Китайская проблема России. М.: Центр Карнеги, 1998.

территории, на которых имеются значительные запасы природных ископаемых¹.

По мнению А.А. Храмчихина, КНР под видом реализации проекта «Один пояс, один путь» может попытаться установить контроль над отдельными сегментами ресурсной базы Сибири и Дальнего Востока. При этом Пекин может не требовать от Москвы передачи каких-либо территорий, а сосредоточиться на разработке месторождений различных видов полезных ископаемых, что, с одной стороны, будет укладываться в рамки инвестиционного партнерства, а с другой – гипотетически поможет КНР сохранить контроль над частью природных богатств России без прямого столкновения с ней².

Кроме того, А.В. Шлындов отмечает, что, согласно китайской концепции «стратегических границ и жизненного пространства» с возрастанием экономической мощи КНР должно адекватно увеличиваться пространство для экономической деятельности, что влечет расширение стратегических границ³. Данный процесс уже осуществляется на территориях Амурской области, Хабаровского края и российского Приморья⁴.

Налицо причина, но нет повода для применения военной силы с целью отторжения необходимых территорий. Им может стать растущая китайская диаспора. Стремительное ее увеличение на российских территориях вызвано не столько привлекательными возможностями для обогащения за счет российских граждан или демографическим фактором, сколько целенаправленной и планомерно осуществляемой военно-

¹ См: Office of Naval Intelligence. The PLA Navy. New Capabilities and Missions for the 21th Century. 2020. P. 15-16.

² Храмчихин А.А. Готов ли Восточный округ стоять насмерть? // Независимое военное обозрение, 17.12.2020. С. 5.

³ См: Шлындов А.В. Вооруженные силы Китайской Народной Республики: монография. М.: ИДВ РАН, 2019.

⁴ См: Маначинский А.Я., Дудчак А.В. Военный потенциал Китая. М.: Издатель Воробьев А.В., 2015.

политическим руководством Китая государственной политикой «мирной экспансии».

Суть ее состоит в создании в дальневосточных районах Российской Федерации мощной прослойки «хуацяо» (этнических китайцев, проживающих за рубежом), способной определять обстановку в регионе и оказывать доминирующее влияние на развитие событий в нем. Эта часть населения Китая, естественно, будет проводить деятельность, соответствующую государственным интересам китайского государства. Поэтому китайские высшие государственные и провинциальные власти всесторонне способствуют миграции населения северных районов страны на российские территории¹.

Компактно проживающие, натурализовавшиеся граждане КНР могут потребовать в определенный момент предоставления им автономии. При применении к ним мер насилия (уголовного, правового и т.п.) они могут обратиться за помощью к Китайской Народной Республике для защиты своих интересов².

Фактически, по мере накопления совокупной мощи китайского государства, могут быть возобновлены территориальные претензии на 1,5 млн. кв. км российской территории, лежащей на север от российско-китайской границы до хребта Становой и с запада на восток – от устья реки Шилка до острова Сахалин включительно.

По мнению зарубежных аналитиков, возможными причинами вторжения китайских войск на российскую территорию может быть резкая дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в России, гражданская война и распад Российской Федерации на ряд отдельных государств, а также

¹ См.: Сыроежкин К.Л. Китай: военная безопасность: Монография. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2008.

² См.: The Chinese Peoples Liberation Army in 2025 // Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, July 2015.

угроза захвата российского Дальнего Востока США и Японией в ходе мировой войны¹.

Из всех этих причин в настоящее время и в ближайшей перспективе наибольшую угрозу представляет «мирная экспансия». Именно она создает реальные предпосылки для разрешения рано или поздно, но непременно возникших противоречий силовым способом со стороны Китая. Это полностью соответствует военно-доктринальным взглядам руководства КНР и к этому практически готовится и страна, и ее вооруженные силы.

Несмотря на интенсивное военно-политическое взаимодействие, РФ и КНР отрицают потенциальную возможность военного союза. Более того, в российской и китайской политической риторике осуждается идея военных союзов и декларируется отказ от союзнических отношений, направленных на конфронтацию против третьей стороны². Это означает отсутствие намерений переходить к подобной форме взаимодействия в обозримой перспективе³.

Во многом совпадающие геополитические интересы определяют заинтересованность двух стран в сотрудничестве⁴. В данных условиях одним из приоритетов двусторонних отношений могло бы стать взаимодействие в военной сфере.

В отношении российско-китайского военно-политического сотрудничества следует отметить многовекторную направленность проводимых военных учений. В соответствии с требованиями современного военного искусства, представляется целесообразным проведение совместных учений моторизованных пехотных подразделений, что может помочь

¹ См.: Christopher H. Sherman, *China Moves Out: Stepping Stones Toward a New Maritime Strategy* / Center for the Study of Chinese Military Affairs Institute for National Strategic Studies China Strategic Perspectives. No 9. 2018.

² См.: Евтюшин К.А. Внешняя политика КНР на современном этапе: основные факторы и направления // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2015. № 12. С. 126-133.

³ См.: Paul Schwartz «The Military Dimension in Sino-Russian Relations», in Jo IngeBekkevold and Bobo Lo, eds. *Sino-Russian Relations in the 21st Century*, (London: Palgrave Macmillan, 2019). P. 105.

⁴ См.: Robert S. Ross «Sino-Russian Relations: The False Promise of Russian Balancing», *International Politics*, September 2019.

военнослужащим овладеть навыками боя в условиях города. При этом наиболее целесообразно проводить данные маневры на полигонах КНР, чтобы на практике ознакомиться с плюсами и минусами созданной в 2016 г. в КНР системы командований по американскому образцу. Ранее подобные учения проводились исключительно на территории России.

Определяющее влияние на формирование вызовов и угроз Российской Федерации в информационной сфере оказывает деятельность руководства КНР по информатизации национальных вооруженных сил. Основными направлениями деятельности в данной области в Китае являются обеспечение безопасности собственной информационной инфраструктуры и наращивание возможностей сил/средств информационного противоборства¹.

Китайские эксперты рассматривают информационное противоборство в качестве новой формы достижения внешнеполитических целей. Теоретики НОАК разработали проект формирования вооруженных сил, способных вести боевые действия и одерживать победу в «локальных войнах в условиях информатизации». Данный проект подчеркивает роль современных информационных технологий в повышении боеспособности китайской армии и обеспечении для нее возможности проведения военных операций на значительном удалении от китайских границ.

Военно-политическое руководство КНР в рамках реализации программы развития НОАК стимулирует процесс разработки, производства и внедрения в войска инновационных технологий и систем искусственного интеллекта². Так, в январе 2019 года руководство КНР сообщило о начале реализации программы по развитию технологий искусственного интеллекта. Планируется до 2023 года создать в Пекине технологический парк, который будет вести научно-исследовательские работы по развитию технологий

¹ См.: Исаев А.С. Китай в мировом киберпространстве // Проблемы Дальнего Востока. № 4. 2020. С. 6-23.

² См.: Jeffrey Engstrom, Systems Confrontation and System Destruction Warfare (RAND Corporation, 2018). P. 10-11.

искусственного интеллекта, сверхскоростной передачи больших объемов данных, облачных вычислений и других передовых технологий.

Для развития данного парка планируется привлечь инвестиции в размере 2,1 млрд. долл. США. В рамках реализации данной программы планируется использовать полученные результаты научно-исследовательских разработок для последующего их внедрения в НОАК. Так, на базе Академии военных наук КНР будет создана группа специалистов, работающих в области развития искусственного интеллекта и квантовых технологий, для их применения в оборонной сфере¹.

В настоящее время командование НОАК сталкивается с рядом проблем и вызовов в области разработки и производства робототехники, автоматизированных систем управления и других видов интеллектуальных систем вооружения.

1. В НОАК не хватает высокопрофессиональных специалистов, что создает препятствия внедрению в войска инновационных технологий, включая искусственный интеллект. Проблемы, связанные с недостатком технической квалификации офицерского состава, негативно влияют на процесс внедрения в войска технологий искусственного интеллекта. В целях решения данной проблемы командование НОАК предпринимает такие меры, как увеличение набора на действительную военную службу высококвалифицированных кадров из числа выпускников китайских высших учебных заведений².

В настоящее время численность высокопрофессиональных кадров в НОАК увеличивается медленно, особенно в области искусственного интеллекта, а их спрос в других сферах развития общества неуклонно растет,

¹ См.: Yang Yi, Ren Huiqi, Conception of National Defense Engineering Construction under the Condition of Intelligentized Warfare, Defense Engineering, Vol. 40. No. 6 (2018). P. 66-67.

² См.: Wang Xiangsui, Unrestricted Warfare, Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, 2019. P. 6.

что увеличивает конкуренцию в вопросах привлечения в войска высокотехнологичных кадров¹.

2. Недостаточный уровень технической подготовки военнослужащих, выполняющих обязанности по эксплуатации и боевому применению современных и перспективных видов вооружения и военной техники, в том числе и технологий искусственного интеллекта. В ходе проведения реформы НОАК программа боевой подготовки значительно усложнилась, что требует повышения квалификации военнослужащих, работающих с современными видами вооружения и военной техники с применением технологий искусственного интеллекта.

В настоящее время командование НОАК признает важность обучения технологическим инновациям и их внедрению в системы боевой подготовки и военного образования. Командование НОАК стимулирует внедрение технологии виртуальной реальности и искусственного интеллекта для проведения мероприятий боевой подготовки, что позволит максимально приблизить их к реальным боевым условиям².

3. Наличие проблем профессиональной переподготовки военнослужащих. Сложности в предоставлении возможности переподготовки военнослужащих для дальнейшей работы с современными видами вооружения и военной техники, в том числе и искусственным интеллектом, поступающими на вооружение, мешают им овладеть новыми знаниями и умениями. Глубокая реформа организационно-штатной структуры НОАК не решила проблемных вопросов процесса принятия решения и порядка обращения военнослужащих, желающих пройти профессиональную переподготовку. Военные эксперты КНР считают, что в будущем в вооруженных конфликтах будут

¹ См.: Qiao Liang, *Unrestricted Warfare and Anti-Unrestricted Warfare*, Wuhan: Changjiang Publishing & Media, 2016. P. 174.

² См.: John Costello and Joe McReynolds, *China's Strategic Support Force: A Force for a New Era* (Washington D.C.: National Defense University Press, 2018. P. 1-68.

противодействовать боевые системы, то есть сложные многосоставные комплексы, вовлекающие все виды войск и виды обеспечения¹.

4. Появление теории асимметричных войн как новой угрозы национальной безопасности изменило первоначальный облик войн традиционного характера, что вызывает необходимость переработки действующей военной доктрины. С 1999 года в НОАК осуществляется деятельность по переработке положений военной доктрины, определяющих основные направления долгосрочного социально-экономического развития².

5. Затруднения в интеграции и управлении цифровыми данными с использованием облачных вычислений. Разброс цифровых данных по различным организационно-штатным структурам НОАК является серьезным препятствием для использования технологий искусственного интеллекта в войсках, вызывающим у специалистов научно-исследовательских институтов НОАК проблемы, связанные со снижением их возможностей по обработке и анализу данных, а также по обеспечению безопасности и сохранности этих данных³.

6. Отсутствие реального боевого опыта у военнослужащих НОАК затрудняет осуществление процессов, связанных с эксплуатацией сложных автоматизированных систем. Оценка тактико-технических характеристик современных видов вооружения и военной техники, в том числе и с искусственным интеллектом, в ходе испытаний производится с использованием нормативных показателей, полученных в результате научных исследований. В настоящее время большая часть противоборств

¹ См.: Mark A. Stokes et al., The Chinese People's Liberation Army Signals Intelligence and Cyber Reconnaissance Infrastructure, Project 2049. 2019. P. 15-16.

² См.: Ye Zheng, Information Operations / (Beijing: Military Science Publishing House, 2013). P. 132-135.

³ См.: Jeffrey Engstrom, Systems Confrontation and System Destruction Warfare (RAND Corporation, 2018). P. 34-35.

происходит в информационном пространстве, контроль которого определяет превосходство над противником¹.

7. Всесторонний контроль Коммунистической партии Китая над НОАК препятствует развитию инноваций в сфере искусственного интеллекта. В НОАК существует противоречие между процессом наращивания военного потенциала и усилением партийного контроля над вооруженными силами, который распространяется на все сферы деятельности. Для повышения эффективности инновационного развития технологий искусственного интеллекта контроль данного процесса должны осуществлять высококвалифицированные специалисты.

8. Отсутствие координации или наличие административных барьеров снижают эффективность реализации стратегии военно-гражданской интеграции в НОАК. Китай уже перевел концепцию военно-гражданской интеграции в статус национальной стратегии, которая стимулируется со стороны государственных органов на всех этапах. Однако, в связи с наличием различных административных и ведомственных барьеров участие китайских высокотехнологических компаний в строительстве национальной обороны имеет ограниченный характер².

9. Неэффективное распределение финансовых средств, вложенных в развитие военно-гражданской интеграции и инновационных технологий. С точки зрения реализации программы развития инновационных технологий Китая, результаты их выполнения неоднозначные, имеются большие различия в развитии отраслей научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, производства и промышленности. Усиление контроля со стороны военно-политического руководства КНР над распределением и использованием финансовых средств обеспечит

¹ См.: PLA Academy of Military Science, The Science of Military Strategy. P. 190-191.

² China Center for Information Industry Development, Blue Book of China's Cyber Security Development 2017-2018. P. 190.

дальнейшее развитие военно-промышленного комплекса и внедрение инновационных технологий в НОАК¹.

10. В Китае научно-исследовательские работы, касающиеся развития технологий искусственного интеллекта, имеют недостатки. В КНР количество проводимых прикладных научных исследований значительно превосходит фундаментальные, а алгоритмов и платформ их реализации, которые соответствуют мировому уровню внедрения инновационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, разработано очень мало.

Вместе с тем Госсовет КНР реализует программу развития инновационных технологий в военной области. Научное сообщество и промышленность страны сориентированы на приоритетный поиск новых решений по следующим направлениям: системы искусственного интеллекта для беспилотных летательных аппаратов и многоцелевых роботизированных комплексов; перспективные средства противоборства в киберпространстве; биоинженерные разработки; гиперзвуковое, высокоточное, лазерное оружие, необитаемые глубоководные аппараты; радиоэлектронное оборудование и др.²

Таким образом, хотя в ближайшей перспективе внешнеполитический курс Китая будет по-прежнему направлен на обеспечение мирного окружения страны и создание благоприятных условий для ее ускоренного экономического развития, военно-доктринальные взгляды китайского руководства прямо предполагают увеличение темпов военного строительства для достижения долгосрочных политических целей КНР. Размещение у дальневосточных границ России современной, технически оснащенной и профессионально обученной армии, обладающей ядерным оружием, представляет военную угрозу в обозримой перспективе. Поэтому необходимо достаточно взвешенно подходить к развитию военного сотрудничества с КНР, исходя, прежде всего, из интересов национальной

¹ См.: Kevin L. Pollpeter et al., *The Creation of the PLA Strategic Support Force and Its Implications for Chinese Military Space Operations* (RAND Corporation, 2017). P. 21-22.

² См.: Dean Cheng, *Cyber Dragon: Inside China's Information Warfare and Cyber Operations* (Santa Barbara: Praeger, 2017). P. 15-16.

безопасности России, а также пристально вести исследование и мониторинг модернизации НОАК.

Проведенное исследование показало, что одним из угрозообразующих внешних источников военно-технического характера является военно-техническая политика Китая и возможности государства по ее реализации. Военно-техническая политика КНР представляет целенаправленную систему взглядов военно-политического руководства на развитие средств вооруженной борьбы, необходимых для реализации национальных интересов военными средствами. Формирование военно-технической политики Китая происходит в зависимости от избранной государством стратегии действий на международной арене, характера угроз национальным интересам и существующего уровня научно-технического потенциала¹.

По мнению китайского государственного и военного руководства, главные задачи национальной обороны Китая в течение первых десятилетий XXI века будут состоять в том, чтобы максимально повысить темпы модернизации всех компонентов национальной обороны для построения социалистического общества с китайской спецификой². Поэтому необходимо учитывать, что научно-технический компонент китайской военной политики в дальнейшей перспективе способен сформировать угрозообразующие факторы, представляющие опасность для РФ. К ним могут быть отнесены:

1. Последовательное наращивание темпов военной реформы, совершенствование теории военного искусства, повышение совокупных возможностей НОАК по ведению боевых действий. В основе оценки вызовов и угроз военно-технического характера безопасности Российской Федерации со стороны Китая лежат инновационные подходы к модернизации НОАК, новые концепции ее оперативного и боевого применения. Главная цель

¹ См.: Russia and China's Enduring Alliance: A Reverse 'Nixon Strategy' Won't Work for Trump [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-02-22/russia-and-china-s-enduring-alliance?cid=int-lea&pgtype=hpg> (дата обращения 09.03.2021).

² См.: 我核潜艇研制历程揭秘:90 年最后一艘汉级下水 [Электронный ресурс]. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/p/2018-08-12/0743516051.html> (дата обращения: 09.03.2021).

реформирования ВС заключается в создании компактных по численности и мощных по боевым возможностям сил, то есть трансформирование НОАК из армии количественного превосходства в армию качественного преимущества¹.

В результате изучения опыта использования боевых формирований в ходе военных конфликтов последнего времени в различных регионах мира (Балканы, Ближний и Средний Восток, Северная Африка), китайское военное командование пришло к необходимости корректировки некоторых положений своей военной доктрины². Например, китайские эксперты считают, что путем завоевания господства в воздухе и нанесения высокоточных ударов по наземным объектам современные ВВС способны самостоятельно добиться намеченного политического результата в ходе вооруженного конфликта³.

2. Значительное увеличение финансирования военных расходов. Характерной чертой деятельности руководства Китая по модернизации ВС явилось увеличение финансирования расходов на национальную оборону. Военный бюджет КНР в 2020 году увеличился примерно на 7% и составил 1,3% от ВВП, то есть 1,044 триллиона юаней (около 151,8 млрд. долл. США)⁴. В 2019 году военные расходы Китая составили 954 млрд. юаней (примерно 146 млрд. долл.), увеличившись на 7,6%, при этом показав самый

¹ См.: China and Russia Sign Military Cooperation Roadmap [Электронный ресурс]. URL: https://thediplomat.com/2017/06/china-and-russia-sign-military-cooperation-roadmap/?utm_content=buffera10d0&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer (дата обращения 09.03.2021).

² См.: China, Russia to Hold First Joint Anti-Missile Drill [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/cneu/2016-05/05/content_25067674.htm (дата обращения 09.03.2021).

³ См.: Кашин В.Б., Крашенникова Л.С., Пятачкова А.С. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 7. С. 49-59.

⁴ См.: Quantum Hegemony? China's Ambitions and the Challenge to U.S. Innovation Leadership [Электронный ресурс]. URL: https://s3.amazonaws.com/les.cnas.org/documents/CNASReport-QuantumTech_FINAL.pdf?mtime=20180912133406 (дата обращения 21.03.2020).

медленный темп роста за шесть лет. В период с 2011 по 2015 годы военные расходы КНР росли не менее чем на 10%¹.

3. Усиление внимания к научно-исследовательским и опытно-конструкторским разработкам военного назначения. В 2021 г. сессия ВСНП приняла резюме 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития страны и долгосрочные цели до 2035 г. В качестве одного из приоритетов отмечено наращивание инновационной активности, укрепление социальной стабильности за счет более качественного управления². Все это может свидетельствовать об изменении подхода к долгосрочному прогнозированию³. Ежегодный темп роста государственных и корпоративных расходов на НИОКР должен составлять не менее 7%. В основу нового плана легла стратегия «двойной циркуляции», подразумевающая развитие с опорой на внутренние источники роста («внутренняя циркуляция») при вспомогательной, но тоже существенной роли международного сотрудничества («внешняя циркуляция»).

Директор Института экономики КАОН Хуан Цюньхуэй отметил, что в ближайшей перспективе особенно важным станет внутреннее производство и потребление в высокотехнологичных областях, которые способствуют повышению качества труда и капитала как факторов производства, поэтому необходимо сосредоточиться на образовании в сфере высоких технологий. Одним из ключевых вопросов развития технологий станет распространение сети 5G, которая является не просто модернизацией 4G, а технологической революцией, позволяющей развивать искусственный интеллект, телемедицину, беспилотный транспорт, умные города и др.

¹ См.: Каменнов П.Б. Инновационные и структурные преобразования военно-промышленного комплекса КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 6. С. 116-127.

² См.: 图表:“十四五”时期经济社会发展主要指标 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/05/content_5590537.htm (дата обращения 25.03.2021).

³ См.: Кашин П.Б., Пятачкова А.С., Смирнова В.А., Литвинова А.А., Поташев Н.А. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР / Аналитическая записка К6/03/2021 // ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. М., 2021.

4. Создание, производство и принятие на вооружение перспективного ВВТ, сопоставимого с аналогичными образцами развитых зарубежных стран. Китай продолжает активно привлекать зарубежные высокие технологии, прежде всего, Японии, Израиля, России для развертывания производства наукоемкой продукции на китайских предприятиях и создания, таким образом, условий, способствующих быстрому росту национальной технологической базы военного назначения¹.

В настоящее время Китай обладает достаточными возможностями для разработки и производства современных образцов в области ракетной техники, артиллерии, стрелкового вооружения, химических и биологических систем. В остальных областях критических военных технологий потенциал Китая ограничен².

Последние годы угрозы военно-технического характера со стороны КНР находят выражение в активизации разработок в области и модернизации систем управления, связи и наблюдения китайских ВС. Коммуникации НОАК и системы управления ВС были переведены в 2016 г. на современные волоконно-оптические технологии как помехозащищенные и наименее подверженные вторжениям извне³.

5. Наличие на вооружении НОАК современного ядерного оружия и средств доставки большой дальности. Основной военно-технической угрозой для России, по-прежнему, остается наличие у Китая ядерного оружия и средств доставки различной дальности. В то время как основные ракетно-ядерные державы сняли с вооружения ракеты средней и меньшей дальности, Китай проявляет возрастающий интерес именно к этому классу оружия

¹ См.: World nuclear forces. SIPRI Yearbook, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2019/06> (дата обращения 09.03.2021).

² См.: US-China Military Technological Competition and the Making of Chinese Weapons Development Strategies and Plans [Электронный ресурс]. URL: <https://escholarship.org/uc/item/43m5m3gp> (дата обращения 09.03.2021).

³ См.: Hypersonics by 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/news/2019/09/mil-190904-dvids01.htm> (дата обращения 09.03.2021).

(кроме КНР ракеты средней дальности имеют Израиль, Индия, Иран, КНДР и Пакистан)¹.

Необходимо отметить, что до заключения международных договоров о запрещении экспорта ракетных вооружений, передача как ракетных систем, так и производственных технологий осуществлялась достаточно широко, в частности, в период оказания технической помощи Китаю развитыми странами в создании ракет-носителей искусственных спутников Земли. В настоящее время для Китая не составит значительных технологических трудностей адаптация «космических» технологий, связанных с производством системы управления и двигательной установки ракет-носителей к требованиям, предъявляемым к боевым ракетам. Это является основным угрожающим фактором военно-технического характера для безопасности РФ в области ядерного вооружения².

В то же время зарубежные военные специалисты полагают, что реально Китай не видит ядерной угрозы, исходящей от ведущих ядерных держав – США и России. Таким образом, китайская ракетно-ядерная программа носит, в первую очередь, статусный характер: обладание ракетно-ядерным потенциалом считается необходимым условием для позиционирования страны в качестве одного из мировых политических центров силы. Во-вторых, эта программа направлена, главным образом, на региональные цели: ядерное сдерживание путем политического давления на Тайвань и Индию³.

6. Реализация долгосрочных космических программ. При анализе военно-технических угроз особое внимание следует уделить достижениям китайской науки и техники в области освоения космоса, как важнейшего условия обеспечения обороноспособности страны и достижения

¹ См.: Lewis J.W., Di H. China's Ballistic Missile Programs: Technologies, Strategies, Goals. *International Security*, 2010. vol. 17. no. 2. P. 5-40.

² См.: Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР / Центр анализа стратегий и технологий. М.: РИСИ, 2013.

³ См.: Буравлев А.И., Пьянков А.А. Управление техническим обеспечением жизненного цикла вооружения и военной техники. М.: Издательство «Граница», 2015.

стратегического превосходства. В Китае получили развитие практически все направления деятельности по освоению космического пространства: пилотируемые космические полеты, исследования Луны, запуск в космос национальной орбитальной космической станции, создание глобальной радионавигационной системы «Бэйдоу», спутникового теле- и радиовещания, радиосвязи и дистанционного зондирования Земли. Орбитальная группировка КНР включает более 130 искусственных спутников земли (ИСЗ) (примерно столько же у РФ).

Быстрое развитие инфраструктуры космической отрасли главным образом обусловлено всесторонней государственной поддержкой. В сферу исследования космоса направляются значительные финансовые и материальные средства, к НИР привлечены высококвалифицированные научные и технические кадры. В ближайшие годы это позволит существенно расширить орбитальную группировку национальных ИСЗ, в том числе военного назначения¹ (см. таблицу 20). Руководство КНР рассматривает реализацию национальной космической программы как одну из приоритетных задач на 14 пятилетку². Однако до сих пор космические аппараты Китая отстают от американских и российских аналогов³.

КНР становится крупнейшим финансовым центром, где сосредоточена военная сила и передовые технологии⁴. В соответствии с планами развития ВВС НОАК, в обозримой перспективе планируется прекращение использования авиадвигателей российского производства, которыми

¹ См.: Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // Сравнительная политика. 2019. № 2. С. 135-151.

² См.: Ганиев Т.А., Карякин В.В. Космическая политика мировых и региональных держав: Монография. М.: Архонт, 2020.

³ См.: Тутнова Т.А. Ракетно-космическая деятельность КНР: возрастающая роль в международных отношениях / Отв. ред. Н.П. Ромашкина; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020.

⁴ См.: Паньков В.С. Глобализация экономики: сущность, проявления, вызовы и возможности для России. ООО Издательский дом «Верхняя Волга», 2009.

оснащаются китайские истребители «Цзянь-20»¹. Планируется их заменить двигателем национальной разработки WS-10C (модифицированная версия двигателя WS-10, которая по китайским оценкам не уступает российскому двигателю АЛ-31Ф). Превосходство в области технологий производства ВВТ сопровождается превосходством технологий в сфере поражения противника (см. таблицу 21).

Таким образом, анализ вероятных вызовов и угроз России военно-технического характера свидетельствует о том, что, осуществляя модернизацию НОАК, Китай использует достижения науки и техники, создавая научно-практический задел на перспективу.

Таблица 20

Наиболее развитые космические программы по состоянию на 2021 г.²

Государство	Вид деятельности											
	государственная космическая программа	производство космических аппаратов	производство ракет-носителей	орбитальные запуски космических аппаратов с собственного космодрома	военные задачи	спутники связи	спутники дистанционного зондирования Земли	метеорология	спутники навигации	научные задачи	прикладные исследования	пилотируемые полеты
Великобритания	+	+	□	□	+	+	+	+	-	+	+	-
Германия	+	+	□	-	+	+	+	□	-	+	+	-
Израиль	+	+	□	+	+	+	+	□	-	+	+	-
Индия	+	+	+	+	+	+	+	+	□	+	+	-
Иран	+	□	+	□	□	+	□	□	-	□	□	-
КНДР	+	□	□	+	□	-	-	-	-	-	-	-
КНР	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОАЭ	-	-	-	-	-	+	□	-	-	-	-	-
Пакистан	+	□	□	-	-	+	-	□	-	-	+	-
Россия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Саудовская Аравия	-	□	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-
США	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Турция	+	□	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-
Франция	+	+	+	+	+	+	+	□	-	+	+	-
Южная Корея	+	+	□	+	□	+	+	+	-	□	+	-
Япония	+	+	+	+	+	+	+	+	□	+	+	-

Примечание: + - существует; - - отсутствует; □ - имеется возможность, государство обладает ограниченными возможностями в данной области или проводит/проводило в прошлом разработку соответствующих технологий.

¹ См.: 苏-57 战斗机车间图：落后材料技术，拉低了飞机设计水平！[Электронный ресурс]. URL: https://k.sina.com.cn/article_6924882280_19cc1516800100tdzk.html?from=mil (дата обращения 25.05.2021).

² Составлено автором на основе: Тутнова Т.А. Ракетно-космическая деятельность КНР: возрастающая роль в международных отношениях / Отв. ред. Н.П. Ромашкина; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020.

Таблица 21

Конкуренция России и КНР на рынках вооружений 2015–2021 гг.¹

Номенклатура ВВТ	Импортёры китайского ВВТ	Наличие конкуренции	Образец ВВТ	Примечание
Техника сухопутных войск				
РСЗО	Армения Белоруссия	+	WM-80 (1999) «Полонез» ²	Традиционные рынки вооружений для России как экспортера оружия
Военно-воздушная техника				
Истребители	Иран Аргентина Венесуэла	+	«Цзянь-10»	Традиционные рынки вооружений для России как экспортера оружия
Транспортные самолеты	Казахстан	+	«Юнь-8С»	Традиционный рынок вооружений для России как экспортера оружия
БПЛА	Азербайджан Узбекистан Казахстан Туркмения Сербия	+/-	«Цайхун-3» «Илун-1» «Цайхун-92А»	Традиционные рынки вооружений для России как экспортера оружия, однако поставки российских БПЛА в данные страны возможны после 2021 года
Военно-морская техника				
ДЭПЛ	Таиланд Бангладеш Пакистан	+/-	S-26 035G S-20	Потенциальные рынки вооружений для России как экспортера оружия
Фрегаты	Алжир Бангладеш Пакистан Нигерия	+/-	пр. С28А	Потенциальные рынки вооружений для России как экспортера оружия
Береговые комплексы	Алжир	+	CX-1 и др.	Традиционный рынок вооружений России как экспортера, конкуренция с российским комплексом «Бастион-2»
ВВТ противовоздушной обороны				
ЗРК большой дальности	Узбекистан Туркмения	+	«Хунци-9»	Традиционные рынки вооружений для России как экспортера оружия
ЗРК средней дальности	Сербия Туркмения Таиланд Мьянма	+	«Хунци-22»	Традиционные рынки вооружений для России как экспортера оружия

Авторская позиция заключается в том, что командование НОАК стремится к достижению максимальной эффективности в разработке новых вооружений, используя в НИОКР прорывные достижения мировой науки и практики. Китай последовательно ускоряет развитие отечественной военной науки, технологий двойного назначения и военной промышленности,

¹ Составлено автором. Примером нарушения прав интеллектуальной собственности со стороны КНР по отношению к российской военной продукции можно назвать разработанную в Китае РСЗО А100, которая является копией российского «Смерча». Другим примером является 155-мм самоходная артиллерийская установка PLZ-05 (копия российской артиллерийской системы «Мста-С»). Другим примером является китайский истребитель «Цзянь-11», который является копией российского истребителя Су-27.

² Совместная китайско-белорусская разработка.

прилагает усилия для создания на новом уровне взаимосвязанной, целостной системы военной науки и производства.

3.2 Направления развития ВТС России и Китая ¹

В структуре отношений РФ и КНР на современном этапе немаловажное место занимает военно-техническое сотрудничество, которое определяется комплексом экономических и политических факторов. Россия – единственная страна в мире по уровню развития военных технологий (по крайней мере, по широкому спектру ВВТ), не уступающая Соединенным Штатам. Последние же видят в Китае набирающего силу глобального конкурента, и по политическим, а также военно-стратегическим соображениям не будут продавать в Китай современное оружие. Россия, напротив, видит в Китае стратегического партнера и разделяет большую часть его политических взглядов, в том числе и в сфере формирования глобального мирового порядка.

С экономической точки зрения российское вооружение для Пекина очень выгодно, так как отличается лучшим соотношением цены и качества. Технический аспект вопроса также демонстрирует преимущество России в связи с тем, что имеющееся у Китая вооружение создано во многом на основе советско-российских технологий, что, в свою очередь, обеспечивает соответствие поставок новых образцов ВВТ существующему технологическому комплексу. Вышеописанные факторы являются базовыми по отношению к развитию ВТС Российской Федерации и КНР и предопределяют лидерство России на китайском рынке вооружений (см. таблицу 22).

Хотя место России на китайском рынке вооружений и военных технологий, в случае гипотетического ухода с него РФ, не останется пусто

¹ На основе данного параграфа автором опубликована научная статья: Полончук Р.А., Шашок Л.А. Предложения и рекомендации по предотвращению вызовов национальной безопасности России со стороны Китая в современных условиях // Информационные войны. 2021. № 2. С. 26-31.

(его займут, например, Франция, Израиль), оно не сможет быть адекватно восполнено по всей номенклатуре образцов ВВТ и технологий. Поставки наиболее современных образцов ВВТ, зачастую не стоящих на вооружении ВС РФ, в Китай (например, многоцелевой истребитель Су-30) следует, в первую очередь, объяснять не уникальностью российских разработок, а контекстом политического сближения двух стран, который предусматривает возможность их осуществления.

Таблица 22

SWOT-анализ российско-китайского ВТС¹

Сильные стороны	Слабые стороны
Важный компонент стратегического партнерства	Нарушение прав интеллектуальной собственности со стороны КНР
Укрепление доверия	Сокращение российского военного экспорта в КНР
Экономические преимущества	Индийский фактор
Политические преимущества	Отдельные проблемы российского ОПК
Участие России в модернизации китайского ВПК и ВС КНР	Недостаточное использование потенциала обоих государств
Возможности	Угрозы
Партнерство по вопросам глобальной и региональной безопасности	Продажи китайского аналога на мировом рынке вооружений (МРВ)
Финансирование НИОКР и отдельных отраслей ОПК России	Потеря Россией позиций на МРВ
Создание совместного производства ПВН и совместные инвестиции в НИОКР	Смещение баланса сил в АТР в сторону Китая
Дальнейшее участие России в модернизации ВМФ и ВВС КНР	«Мифы» о китайской угрозе

Только преобладанием политических мотивов в ВТС с Китаем можно объяснить участие РФ в наращивании вооруженных сил такой крупной соседней страны, причем путем экспорта оружия, которое немногим уступает по возможностям стоящему на оснащении собственных Вооруженных Сил. Поэтому Россия в сфере ВТС для Китая является уникальным партнером, возможность замены которого на равноценный вариант практически

¹ Таблица составлена автором на основе: Макиенко К.В. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992-2002 годах: достижения, тенденции, перспективы. М.: Гендальф, 2002.

ничтожна. Можно заметить, что сложившаяся в мире политическая составляющая конъюнктуры рынка вооружений благоприятствует развитию сотрудничества Пекина и Москвы в военной сфере. Однако, прежде чем рассматривать политические аспекты укрепления ВТС более конкретно, необходимо остановиться на содержании последнего.

Относящиеся к ВТС двух стран принципиальные моменты остаются для отечественных специалистов пока без конкретного ответа. В частности, до конца неясно преобладание тех мотивов, из суммы которых совокупно складывается интерес Китая в импорте вооружений из РФ. Безусловно, в данном аспекте существуют конъюнктурные тактические, а также стратегические расчеты. Есть место и для ценовых соображений: учитываются ТТХ импортируемых систем вооружений и альтернативная возможность закупки аналогов вооружений у других экспортеров. В большинстве случаев остается неясным, какое из данных соображений является наиболее важным и решающим для лиц, принимающих решение. Очевидно, что в китайском подходе к развитию ВТС с РФ доминируют рационально-прагматические мотивы, а также тесно связанные с ними политические факторы.

В условиях продолжающейся дискриминации Пекина в американской и западноевропейской политике, Россия остается фактически единственным доступным источником получения современных систем ВВТ и, главное, технологий их производства. Китай имел уникальную возможность довольно долго оплачивать значительную часть этих закупок не только твердой валютой, но и поставками потребительских товаров и продуктов питания, для которых было трудно найти сбыт на рынках западных стран.

Кроме того, Пекин, развивая всесторонние связи с РФ, в том числе и по линии ВТС, рассчитывает использовать это для оказания давления на США, Японию и другие западные страны, чтобы усилить свои позиции и установить более равноправные отношения с ними.

Другой, не менее важный вопрос, связан с возможностью передачи российских военных технологий Китаю, что может оказать негативное влияние на перспективы российского военного экспорта в другие страны Азии, и, как следствие, повлечь серьезные финансовые потери в будущих периодах. В обозримой перспективе возможен вариант развития событий, когда российским вооружениям придется конкурировать со своими аналогами, а то и контрафактными копиями, изготовленными в Китае с применением российских технологий. Уместно предположить, что с учетом особых связей между Китаем и странами Азии, где требования к стандартам качества невысоки, российские поставщики могут не выдержать конкуренции. С другой стороны, необходимо учитывать возможность продвижения российского вооружения в Азии совместно с Китаем.

Рассматривая политические аспекты ВТС РФ и КНР, нельзя не затронуть проблему соотношения коммерческих интересов российских экспортеров ВВТ и интересов национальной безопасности России. Анализ структуры поставок ВВТ в Китай и динамики роста их объемов может свидетельствовать о недостаточном внимании руководства страны к данному вопросу. Небольшой уровень отставания КНР, а в ближайшей перспективе и паритет в развитии отдельных компонентов наряду с масштабами приобретения современной техники и технологии из России, указывают на то, что Москва, продолжая сотрудничество с Пекином в таком ключе, подвергает свою безопасность реальному риску. По-видимому, для России данный риск является неизбежной ценой получения стратегически важных дивидендов (см. таблицу 23).

Масштабные закупки ВВТ (даже при налаживании их лицензионного производства в стране-реципиенте) обеспечивают более тесное политическое, экономическое и военное сближение участников ВТС. Страна-импортер становится зависимой от поставок запасных частей, обслуживания и поддержания в рабочем состоянии производственной и ремонтной

Сценарии развития российско-китайского ВТС¹

Номер сценария	Содержание сценария
Сценарий 1	Развитие, модернизация и повышение привлекательности отечественного ОПК. Успешное развитие экспериментальной базы и НИОКР поспособствует созданию новых технологий и образцов вооружений. Доходы от продажи вооружений Китаю должны направляться именно на эти направления. Необходимо усилить контроль над тем, чтобы доходы по контракту были направлены на развитие новых исследований в области ОПК и НИОКР.
Сценарий 2	Россия привлекает Китай к совместным производствам и разработкам продукции военного назначения. Это позволит решить проблему, связанную с нарушением со стороны Китая прав на интеллектуальную собственность и нивелировать угрозу, по которой КНР сможет перепродать свой аналог на мировом рынке вооружений. Современное российско-китайское ВТС может быть укреплено за счет совместных проектов, промышленной кооперации и совместных инвестиций в НИОКР.
Сценарий 3	Проблему самообеспечения национальных вооруженных сил военной техникой предлагается решить с помощью увеличения военного товарооборота за счет других покупателей, в том числе и Индии. Данный сценарий полностью соответствует политике России по диверсификации связей на международной арене.
Сценарий 4	Участие России в модернизации китайских военно-воздушных и военно-морских сил. Во-первых, Китай уделяет развитию своих ВМФ и ВВС первоочередное значение. Во-вторых, военно-морские и военно-воздушные силы НОАК КНР очень зависимы от поставок ПВН из России.
Сценарий 5	Формирование совместного, взаимовыгодного партнерства в области освоения космоса, космических программ и проектов. Россия уже заинтересовалась отдельными компонентами китайской космической промышленности. Системное сотрудничество может иметь несколько измерений: научное, хозяйственное и область безопасности. Примером может стать совместное развитие Россией и Китаем спутниковой навигационной системы «ГЛОНАС».
Сценарий 6	Российско-китайское военно-техническое сотрудничество становится краеугольным камнем всего военного сотрудничества, которое включает совместное проведение военных учений, партнерство в военно-медицинской сфере и др.

инфраструктуры, подготовки специалистов. Все это привязывает ее к экспортеру ВВТ в связи с необходимостью их модернизации. Такая ситуация способствует более прочному и долговременному закреплению страны-экспортера на рынке импортера и позволяет поддерживать высокий

¹ Таблица составлена автором на основе: Макиенко К.В. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992-2002 годах: достижения, тенденции, перспективы. М.: Гендальф, 2002.

качественный уровень двусторонних отношений, повышает их доверительность и дружественный характер.

Необходимость тесных дружественных взаимоотношений с Китаем – страной, исторически не всегда лояльной России, продиктована тенденциями развития мирового порядка, ключевой из которых является нарастающее стремление США господствовать в мире (см. таблицу 24).

Таблица 24

Взгляды американских специалистов на совершенствование технологической базы США при кооперации с другими странами¹

Страна	Направления сотрудничества	Прогнозируемый результат
Австралия	– предоставление разведданных об угрозах национальной безопасности, в частности, о фактах шпионажа со стороны КНР; – широкий спектр испытаний; – внушительные запасы редких полезных ископаемых; – экспертные знания в нишевых отраслях технологий	– доступ к рынкам США и их союзников; – привилегированные позиции при защите своих технологий; – укрепление позиций Австралии в технологическом секторе
Израиль	– активное развитие технологий и прорывных идей для стартапов; – лидерство в области передовых технологий двойного назначения; – низкие бюрократические барьеры при реализации, выдвигаемых США инициатив; – возможность испытать новые технологии в боевой обстановке	– расширение сотрудничества с Вашингтоном в области безопасности; – внедрение решений в области гражданских технологий, например, альтернатива сетей 5G от китайской компании Huawei
Норвегия	– внедрение инноваций в сфере военных технологий; – координирование деятельности государственных стартапов и оборонных предприятий; – развитие отдельно взятых военных технологий; – возможность проводить испытания ВВТ в условиях низких температур	– расширение экспорта вооружений на рынки США и их союзников; – упрощение организации взаимодействия; – усиление национального коммерческого сектора технологий
Япония	– доверие благодаря высокому уровню взаимодействия с другими союзниками США; – имеет значительное влияние в вопросе защиты технологий; – ощутимый противовес Китаю в области НИОКР; – экспертные знания в области технологического развития	– расширение возможностей для рынков США и их союзников; – продолжение сотрудничества с США после реализации совместного проекта противоракеты SM-3 Block; – совершенствование системы экспортного контроля в отношении КНР в отдельных областях

Тезис о гегемонистских амбициях Соединенных Штатов разделяют оба государства. ВПР стран понимает, что ни РФ, ни Китай в одиночку не представляют собой соразмерной США геополитической силы, однако во взаимодействии друг с другом превращаются в реальный противовес

¹ См: Military Balance 2018 (London: International Institute of Strategic Studies, 2018).

усилению Америки. Военно-техническое сотрудничество Москвы и Пекина в процессе сдерживания США имеет решающее значение. Российские военные поставки нацелены на уязвимые места, морские и электронные объекты США в Тихом океане.

ВТС Китая с Россией на современном этапе стоит рассматривать в качестве важнейшей составляющей всего комплекса российско-китайских отношений¹. КНР, в целом, удовлетворена существующим уровнем ВТС с РФ, а потенциальные возможности для его наращивания в среднесрочной перспективе оцениваются позитивно.

Представляется возможным согласиться с В.Б. Кашиным в том, что российско-китайское ВТС спасло от краха большую часть военно-промышленного комплекса РФ, и, соответственно, позволило КНР «перескочить» через несколько поколений систем вооружений, тем самым сэкономив несколько десятилетий НИОКР. В итоге российско-китайское ВТС способствовало трансферу статуса великой военно-технологической державы от РФ к КНР².

Основные направления развития российско-китайского ВТС могут быть связаны с экспортом в Китай комплекса ПВО «С-500», продемонстрированного широкой общественности в рамках военно-технического форума «Армия-2020» в Москве. В ходе форума пресс-служба ФСВТС также сообщила, что Китай планирует взаимодействие с РФ по вопросу совместного проектирования неатомных подводных лодок.

Анализ публикаций китайских военно-политических и военно-технических изданий показывает интерес китайских специалистов к экспорту российского буя «Бурак-М» для дальнейшего оснащения подводных лодок.

¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China) / МИД России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870 (дата обращения 09.03.2021).

² См.: Кашин В.Б., Крашенникова Л.С., Пятачкова А.С. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 7. С. 49-59.

Другим направлением развития ВТС двух стран может стать импорт Россией из Китая автоматизированных систем управления¹. В данном направлении уже предприняты некоторые шаги: в 2018 году глава Татарстана Рустам Минниханов посетил с визитом инновационный центр Народной вооруженной милиции в Шэньчжэне. Затем в 2019 году делегация правительства Москвы посетила города КНР в целях изучения их опыта видеонаблюдения, создания системы распознавания лиц и социального рейтинга².

Представляется целесообразным дальнейшая диверсификация ВТС двух стран и дополнение его совместным освоением технологий. Например, Пакистан и Китай непрерывно модернизируют истребитель JF-17 путем замены радиоэлектронного оборудования и электроники. Вместе с тем именно это повлияло на организацию совместных учений истребительной авиации ВВС Пакистана и ВВС НОАК. Кроме того, НОАК нуждается в импорте новых военных технологий в силу очевидного серьезного отставания от основных вероятных противников. В итоге нам представляется необходимым определение новых возможных путей кооперации с КНР, несмотря на неравнозначные экономические отношения.

Однако анализ мероприятий военного сотрудничества России и Китая в период 2015–2020 гг. позволяет охарактеризовать его как комплекс мероприятий, реализуемых не в полном объеме. Снижение масштабов российско-китайских военных учений, а также отсутствие совместных программ по ремонту, аренде техники, освоению технологий не дает объективных оснований поставить российско-китайское военное сотрудничество в один ряд, например, с американо-израильским или китайско-пакистанским.

Можно предположить, что в ближайшей перспективе российско-китайское военное сотрудничество, с точки зрения развития нормативно-

¹ См.: Towards a Sino-Russian Entente?», Riddle [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridl.io/en/towards-a-sino-russian-entente>. (дата обращения 25.05.2021).

² См.: Габуев А.Т. Экстренное сближение. Как пандемия усилит зависимость России от Китая // Московский центр Карнеги / https://carnegie.ru/commentary/81633?mkt_tok=eyJpIjoiT1ROaVpEWTFPV0l3WkdR (дата обращения 25.05.2021).

правовой базы, получит более глубокую процедурную и юридическую проработку. Однако вряд ли будут выработаны какие-то принципиально новые формы ВТС¹.

В отношении российско-китайского военно-политического сотрудничества следует отметить многовекторную направленность проводимых военных учений. В соответствии с требованиями современного военного искусства, представляется целесообразным проведение совместных маневров моторизованных пехотных подразделений для овладения навыками боя в городских условиях. Наиболее целесообразно подобные маневры проводить именно на полигонах КНР, чтобы российские военнослужащие на практике ознакомились с созданной в 2016 г. в КНР системой командований на ТВД по американскому образцу. Учитывая высокие темпы развития ВМС НОАК, возможна организация совместных российско-китайских морских патрулей в интересах борьбы с морскими пиратами и выполнения задач демонстрации флага в мирное время.

Перед Россией стоит достаточно трудный выбор: предоставить Китаю передовые военные технологии, отдавая полный отчет в том, что они, видимо, будут скопированы, либо отказаться от экспорта вооружений в КНР, но китайский ОПК самостоятельно разработает сопоставимые по ТТХ вооружения в кратчайшие сроки. Вполне актуальная ранее стратегия российского экспорта вооружений по продаже так называемых «второстепенных» технологий больше себя не оправдывает. Китайский ОПК в достаточной мере догнал российский, поэтому сейчас Китай интересуют только самые современные из имеющихся российских вооружений.

Таким образом, несмотря на сдержанную официальную позицию КНР и России в отношении целей их военного сближения, лейтмотивом усилившегося ВТС является, прежде всего, процесс создания геополитической силы, которая сможет представлять собой противовес нарастающей всесторонней гегемонии США в мире. Проблемным для России

¹Евтюшин К.А. Внешнеполитические приоритеты КНР в конце XX века // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 6. С. 146-164.

выглядит вопрос создания прочной системы сдержек и противовесов в отношениях с Китаем, для предотвращения непропорционального развития двух стран, способного в долгосрочной перспективе привести к разрушению союза. Вместе с тем официально пропагандируемый китайскими руководителями политический курс на сближение с РФ не должен мешать объективному изучению отечественными «мозговыми центрами» и научно-исследовательскими организациями военной политики Китая¹.

С точки зрения позитивного сценария развития, современная модель российско-китайского ВТС потребует корректировки. Предполагается, что влияние российско-китайского ВТС увеличится, несмотря на проводимое военное сотрудничество. Рационально-прагматическая модель осталась без изменений. Коррупционной модели, учитывая появление новых субъектов сотрудничества, будет присуще развитие признака. Блокадная модель с учетом развития уже введенных США санкций получит увеличение признака. В зависимой модели с учетом появления совместных российско-китайских НИОКР будут присутствовать элементы присутствия признака (см. таблицу 25).

Таблица 25

Перспективная политическая модель российско-китайского ВТС

Тип-модель	Политическая	Рационально-прагматическая	Коррупционная	Блокадная	Зависимая
Присутствие признака	увеличение признака	сильно выраженный	увеличение признака	увеличение признака	присутствие элементов
Динамика признака	стабильный	стабильный	стабильный	стабильный	стабильный
Влияние на российскую позицию	положительное	положительное	положительное	положительное	—

В первую очередь, необходимо отметить, что значительное влияние на проводимые исследования оказывает специфика изучаемого государства. В наибольшей степени это проявляется при оценке и прогнозе развития военной политики КНР, поскольку конец XX и первая четверть XXI века отмечены небывалым ранее ростом экономической и военной мощи Китая, в

¹ См.: Гордиенко Д.В. Геополитический компонент политики Китайской Народной Республики в «стратегическом треугольнике» Россия-Китай-США // Экономика и управление: проблемы и решения. 2019. № 1. С. 21-37.

значительной степени определяющих современную военно-политическую обстановку в мире и ее развитие в обозримом будущем¹.

Высокие темпы экономического роста обеспечили стабильное увеличение военных расходов Китая. Важным результатом экономических достижений КНР является завершение к 2025 году перевода всей оборонной промышленности на качественно новую технологическую базу, способную обеспечить оснащение НОАК серийным вооружением национальной разработки нового поколения. В настоящее время ВС Китая являются крупнейшими в мире по численности личного состава и количеству ВВТ².

Эти и другие факторы определяют безусловный интерес научно-исследовательских организаций и «мозговых центров» к исследованию военной политики Китая, прежде всего с точки зрения выявления и прогнозирования потенциальных вызовов и угроз безопасности Российской Федерации. Проведенное исследование показало, что методология исследования и прогнозирования военной политики Китая в сравнении с другими зарубежными странами (США, страны НАТО, Япония и Южная Корея) требует учета значительного количества факторов, к которым можно отнести следующие:

1. Оценка состояния и прогноз развития военной политики КНР требует применения в полном объеме информационных моделей и методик, позволяющих проводить исследования в условиях недостаточной информационной базы. Китайская специфика, представляющая в целом закрытый характер исходных данных по вопросам военного сотрудничества РФ и КНР и непрозрачность статистических данных КНР по вопросам военной экономики³, проявляется на всех этапах исследования: как на этапе предварительного изучения, так и в процессе факторного анализа военной

¹ См.: Каменнов П.Б. КНР: военная политика в начале XXI века: монография. М.: ИДВ РАН, 2019.

² См.: Кривопапов А.А. Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики. М.: Научный эксперт, 2016.

³ См.: Бергер Я.О. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 35-51.

политики китайского государства. На заключительном этапе работы при оценке вызовов и угроз военной безопасности РФ исследователю необходимо учитывать особый статус сложившихся отношений между двумя государствами, и особенно, возможные направления их развития.

2. В качестве основы методологии исследований военной политики КНР должен выступать системный подход. Его использование позволило определить, что эффективное планирование военного строительства в Китае не является монополией узкого круга руководителей высшего уровня, а представляет результат интеграции данных, поступающих со всех уровней военной организации. В свою очередь, военная политика является результирующей общегосударственного планирования развития страны на перспективу.

3. Понятийный аппарат. В его рамках под военной политикой Китая в применяемой модели понимаются возможности государства содержать и совершенствовать ВС, пополнять квалифицированными кадрами, снабжать современным вооружением и военной техникой, обеспечивать всеми видами довольствия¹.

Отсюда выделяются следующие сферы, на изучении и прогнозировании которых необходимо сосредоточить основные усилия научно-исследовательских организаций и «мозговых центров»: военно-политическая, информационная, военно-техническая, военно-экономическая.

4. Предлагаемая модель исследования позволяет с необходимой полнотой решить научную задачу и в перспективе создать методический аппарат – комплекс общих и частных методик и расчетных задач. В общем виде процесс комплексного исследования военной политики Китая происходит по следующим основным блокам:

– изучение планов военного строительства и возможного применения войск китайским руководством;

¹ См.: Шлындов А.В. Военно-морские силы Китая на пути модернизации и развития. М., 2013.

- определение состояния и прогноз развития организационно-штатной структуры основных формирований ВС;
- оценка и прогноз развития системы управления на всех уровнях ведения военных действий;
- анализ систем оперативного и тылового обеспечения и прогнозирование их развития;
- изучение системы подготовки военных кадров, оценка состояния и прогноз развития системы оперативной подготовки штабов и боевой подготовки войск;
- всестороннее изучение морально-психологического состояния личного состава с выделением необходимых количественно-качественных характеристик;
- исследование всех аспектов мобилизационной базы в части, касающейся военной политики КНР, и возможных направлений ее развития;
- подготовка предложений и рекомендаций для формулирования перечня вызовов и угроз военной безопасности Российской Федерации со стороны Китая.

5. Недостаток достоверных информационно-аналитических документов как по предмету, так и по объекту исследования, разрабатываемых в профильных научно-исследовательских организациях и «мозговых центрах». В условиях ограниченной информационной базы и сложности объекта исследования повышается роль взаимодействия всех научно-исследовательских организаций для объективной оценки состояния и прогноза развития военной политики КНР с учетом военных, информационных, научно-технических, экономических и некоторых других аспектов развития вооруженных сил Китая. В связи с необходимостью выработки руководством России мер, направленных на парирование вызовов и угроз со стороны КНР, особенно важной представляется деятельность научных и экспертных организаций, работающих по данной тематике. Однако результаты собственно научной работы некоторых организаций

прямо противоречат выводам и рекомендациям политического характера, которые обнародывает руководство данных учреждений.

6. Нехватка специалистов с профильным образованием, знанием китайского языка и опытом работы в КНР. Проведенное исследование показало, что значительное количество публикаций по китайской тематике готовится специалистами без высшего китаеведческого образования и без опоры на китайские источники. Профессиональная ориентация специалистов-китаеведов должна быть направлена на освоение действенных методов управления эффективными процессами (рефлексивных и мотивационных). В процессе их обучения должны формироваться профессионально важные качества – аналитичность и психологизм мышления. Это необходимо для повышения уровня и эффективности решения научных задач по реализации национальных интересов страны, обеспечению стабильности и устойчивости социально-экономического развития России, укреплению ее внутренней и международной безопасности.

В большинстве научных учреждений, изучающих страны Северо-Восточной Азии, по штату отсутствуют должности научных сотрудников, занимающихся изучением силового компонента обеспечения национальной безопасности КНР. Данными вопросами занимаются сотрудники отделов Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. Им также приходится вести изучение еще достаточно большого количества стран региона – Японии, Республики Кореи, КНДР и др. Более того, по штату организаций на один научно-исследовательский отдел приходится только одна клетка, напрямую предполагающая наличие специалиста со знанием китайского языка.

Стоит также отметить необходимость всестороннего изучения опыта КНР на фоне его противоречивых оценок некитайскими экспертами. Подавляющее большинство отечественных специалистов узнает об опыте КНР из публикаций, вышедших в странах НАТО, что может исказить информацию о достижениях, вызвать недоверие к заимствованию

опыта стратегического партнера и стать проявлением информационной войны против интересов Российской Федерации.

7. На современном этапе задачи развития методологии исследований военной политики КНР включают следующие направления:

- комплексный анализ состояния и прогноз развития военной политики Китая, направленный на оценку факторов, влияющих на формирование вызовов и угроз национальной безопасности России;

- оценку опыта военного строительства в Китае, выявление сильных и слабых сторон в боевом применении НОАК в интересах развития отечественных Вооруженных Сил, а также возможного противодействия КНР со стороны РФ;

- исследование возможных военных конфликтов с участием КНР как социально-политического и собственно военного явления; прогноз возможных направлений развития вооруженной борьбы на данном направлении, возможных сценариев возникновения, развития и прекращения военных конфликтов;

- выработку предложений российскому военно-политическому руководству в части, касающейся подготовки новой военной доктрины Российской Федерации, ее Вооруженных Сил к возможным видам войн и вооруженных конфликтов в АТР.

Учет вышеизложенных факторов, влияющих на исследование военной политики Китая, позволяет утверждать, что существуют особенности выявления вызовов и угроз национальным интересам России в следующих сферах:

1. Особенности оценки вызовов и угроз Российской Федерации, исходящих от КНР в военной сфере. Оценка и прогнозирование угроз безопасности Российской Федерации со стороны Китая производится по стандартной функционально-технологической схеме. Системный подход к решению этой задачи, помимо собственно военных, предполагает рассмотрение вызовов и угроз информационного, военно-экономического и

военно-технического характера. Модель оценки вызовов и угроз военной безопасности, таким образом, включает, во-первых, исследование причин появления противоречий в национальных интересах России и Китая и прогнозирование их развития; а во-вторых, анализ факторов, способствующих созданию предпосылок для возникновения намерений у военно-политического руководства КНР применения военной мощи для их разрешения.

Главное противоречие заключается в том, что в обозримой перспективе КНР останется реальным стратегическим партнером России в политической, экономической и военно-технической сферах. Однако нельзя игнорировать следующие обстоятельства:

- явный контраст с точки зрения плотности населения, а также экономического развития дальневосточных районов РФ и КНР;
- зависимость развития китайской экономики от обеспеченности ресурсами (сырьевыми, энергетическими, водными), по китайским меркам в избытке имеющихся у РФ;
- экологическая угроза территориям РФ, исходящая от китайских промышленных предприятий;
- потенциальная возможность выдвижения КНР территориальных претензий к РФ.

Все эти факторы в отдельности и вместе являются достаточным условием для возникновения в перспективе конфликта интересов между нашими странами. Отметим при этом и наличие у границ РФ третьего в мире по мощности ядерного потенциала, средства доставки которого охватывают всю территорию РФ.

2. Особенности оценки вызовов и угроз Российской Федерации, исходящих от КНР в информационной сфере. Особенность информационного противоборства в КНР определяется именно ее инфраструктурной составляющей, объединяющей информационную инфраструктуру органов высшего военного управления, компонентов ВС

Китая, гражданских государственных корпораций, министерств и учреждений, отвечающих за информатизацию ВС.

Особенность исследований в данной области также состоит в специфике самой структуры высшего военного управления, включающей Центральный военный совет, Минобороны и Военный совет Коммунистической партии Китая, а также в реализации механизмов управления вооруженными силами страны.

Наращивание возможностей Китая для проведения операций в киберпространстве реализуется в разработке новых форм, способов, методов и средств ведения информационного противоборства и рассматривается военно-политическим руководством страны в качестве эффективного способа достижения внешнеполитических целей.

Отметим особенность формирующейся стратегии информационного противоборства КНР. Ее целевая установка заключается в искусстве побеждать, используя собственное превосходство и слабые стороны противника. Современные способы и методы ведения информационных войн КНР разрабатываются с учетом многовекового опыта китайского военного искусства, достигнутого уровня и перспектив развития военного потенциала страны.

Стратегия информационного противоборства охватывает различные сферы вооруженной борьбы, в которых информационным формам ведения военных действий отводится особое место. Так, например, в КНР разрабатывается концепция «трех войн», включающая три составляющие: психологическую войну, собственно информационную войну и правовую войну.

Принципы ведения сетевых операций отрабатываются в КНР на практике. Это подтверждают факты информационных вторжений в сети и информационные системы федеральных служб и ведомств США, ФРГ, Франции и Великобритании. Для решения задач информационного противоборства разрабатывается концепция «сетевой народной войны».

Все это является конкретным подтверждением того, что информационное противоборство рассматривается руководством КНР как один из способов обеспечения национальной безопасности, достижения экономических преимуществ и усиления политического влияния.

3. Особенности оценки вызовов и угроз Российской Федерации, исходящих от КНР в военно-технической сфере. В современных условиях на этапе активного развития военно-технической революции значительно повысилась роль качественных показателей технического оснащения ВС в достижении поставленных перед ними целей. Соответственно, резко возросла роль военно-технической политики как совокупности материальных, интеллектуальных, информационных и иных возможностей (ресурсов) для поиска и разработки принципиально или качественно новых, а также совершенствования существующих средств ведения вооруженной борьбы, производительных сил и инфраструктуры, технических средств, методов и способов, необходимых для их создания и эксплуатации.

Исследование показало, что комплексная оценка военно-технической политики КНР в соответствии с основополагающими принципами системного подхода должна проводиться на трех иерархических уровнях:

1. На уровне технических характеристик существующих и перспективных систем вооружений и их компонентов китайского ОПК.

2. На уровне изучения структуры и особенностей направлений развития и использования военно-технической политики КНР. Оценка на этом уровне иерархии, в первую очередь, предполагает проведение исследований военно-технической политики, организованной данной страной, на основе официальной статистики КНР и материалов зарубежных научно-исследовательских центров.

3. На уровне элементов военно-технической политики: оценки ресурсных составляющих исследуемой страны (финансовый, материально-технический, кадровый, организационный и информационный ресурсы).

Организация и проведение исследований по оценке военно-технической политики Китая характеризуется рядом особенностей, основными из которых являются следующие:

- военно-политическое руководство страны в настоящее время стремится ликвидировать существующее отставание в развитии вооружения и военной техники от ведущих зарубежных стран. При этом Китай ориентируется, главным образом, на развитие национальной технологической базы, необходимой для разработки и производства перспективных ВВТ. Вместе с тем ставится задача получения доступа к научным достижениям других стран, в том числе путем приобретения военных технологий;

- для решения задачи технического перевооружения НОАК привлекаются все возможные ресурсы, однако успехи, достигаемые в этой области, тщательно скрываются;

- определенные проблемы возникают при исследовании системы приобретения ВВТ в Китае, организационной системы военных НИОКР, структуры НИО МО и решаемых ими задач. Представляет сложности поиск нормативных документов, регламентирующих процесс приобретения ВВТ в Китае, а также описывающих процедурные вопросы, параметры структуры жизненного цикла систем вооружений. Нет открытых данных по количественному составу специалистов, занятых в системе приобретения вооружений. Большие трудности также возникают с получением данных по стоимости программ приобретения отдельных видов ВВТ и срокам их прохождения.

Исследование перспектив развития ВВТ в Китае также имеет ряд особенностей:

- информация о разрабатываемых образцах ВВТ носит отрывочный характер и содержится, как правило, в каком-либо одном источнике, что делает невозможным с достаточной степенью устанавливать ее достоверность;

– наиболее полноценный прогноз можно выполнить по тем типам ВВТ, уровень свойств которых меняется стабильно и в течение достаточно продолжительного времени (большинство типов бронетанковой техники, некоторые типы ракетно-артиллерийского вооружения). Однако в Китае происходит внедрение полученных тем или иным путем современных зарубежных технологических решений, и это обуславливает возможность скачкообразного изменения уровня развития ВВТ Китая за короткий период времени.

Прогноз развития ВВТ, по которому информации крайне мало, необходимо осуществлять на основе:

- общемирового уровня развития в данном виде техники;
- технических, физических, технологических принципов, соотношений и формул, которыми описывается (как вид техники) данный вид ВВТ;
- аналогов данного ВВТ в других странах, которые были взяты за основу, при создании китайских образцов ВВТ.

4. Особенности оценки вызовов и угроз Российской Федерации, исходящих от КНР в военно-экономической сфере. Проблемы исследования в данной сфере на современном этапе представляют интерес в связи с тем, что за период экономических реформ, начиная с 1978 года, военно-политическое руководство КНР обеспечило беспрецедентное экономическое развитие, быстрый рост экономической мощи и, как следствие, ускоренный рост ВВП страны. За 40 лет Китай из довольно отсталой аграрной страны превратился в одну из ведущих мировых держав.

Финансово-экономическое положение Китая характеризуется как устойчивое и позволяет осуществлять крупные экономические проекты как в гражданской, так и в военной сферах. К исследованию военной экономики Китая мы подходили на основе разработанной модели, в соответствии с которой ее анализ осуществлялся по следующим направлениям:

- анализ макроэкономических показателей, под которыми понимаются обобщенные показатели экономической мощи государства и его финансово-

экономического положения. Одновременно исследуются показатели основных отраслей экономики, к которым отнесены обрабатывающая и добывающая промышленность, электроэнергетика, сельское хозяйство, транспорт;

- анализ показателей военного производства – то есть производства материальных средств, необходимых для подготовки и ведения вооруженной борьбы. В первую очередь – это вооружение и военная техника, а также прочая продукция военного назначения;

- исследование военных расходов, которые отражают объем и структуру государственного финансирования военной деятельности в стране;

- анализ военно-экономических связей, представляющих совокупность направлений, форм и методов торгово-экономического, научно-технического сотрудничества, а также кредитных и валютно-финансовых отношений государства с зарубежными странами или международными организациями;

- мобилизационные возможности экономики – максимальные годовые объемы выпуска военной продукции (прежде всего ВВТ) при полной мобилизации экономики и мобилизационном режиме работы промышленных предприятий.

Продуманная и эффективная государственная политика Китая в сфере экономического и военного строительства обеспечила создание надежной экономической базы военного строительства. В результате конверсии и реструктуризации военного производства существенно обновлена научно-производственная база военной промышленности, значительно сократилось отставание КНР от промышленно развитых государств в области современных военных технологий.

В результате предпринятых государством усилий уже в настоящее время китайская военная промышленность в состоянии производить ряд образцов ВВТ, отвечающих требованиям современной войны. При сохранении существующих темпов экономического развития уже к 2025 году по техническому оснащению и производственным возможностям военная

промышленность Китая может выйти на уровень наиболее развитых в промышленном отношении государств мира и будет в состоянии обеспечить переоснащение ВС страны серийным вооружением национальной разработки нового поколения.

Необходимо отметить, что перечисленные особенности, естественно, не отражают всю глубину и специфичность научных исследований военной политики КНР. Практика показывает, что на каждом историческом этапе развития военно-политической обстановки в регионе могут возникнуть новые особенности, косвенно или напрямую влияющие на ее изучение и прогнозирование. Большую роль в этом вопросе играет также субъективная оценка военными специалистами столь сложной проблемы.

На основе проведенных исследований в диссертации предлагаются рекомендации в следующих основных областях: военного строительства, оперативной и боевой подготовки ВС, а также изучения опыта военной политики КНР.

1. В области военного строительства. Опыт развития китайского оборонно-промышленного комплекса вооруженных сил является примером умелого копирования системы военного управления американской модели.

За прошедшие годы изменений с полной уверенностью можно сделать вывод, что российские ВС способны одержать победу в военном конфликте с участием НОАК, в случае возникновения такового в ближайшем будущем, и они, безусловно, могут отстаивать интересы государства на международной арене.

Остается актуальным вопрос сохранения нашего военного присутствия за пределами России. При этом необходимо уделить большое внимание совершенствованию уровня боевой подготовки и оснащенности дислоцирующихся контингентов ВВТ. Одновременно следует углубленно изучать НОАК не только как вероятного противника в регионе, но и как некий уменьшенный аналог ВС США, с особенностями в области

организации и комплектования, для выработки соответствующих навыков и эффективных мер противодействия уже американским ВС.

2. В области оперативной и боевой подготовки ВС. В связи с планами китайского руководства по восстановлению территориальной целостности страны, возвращение под свою юрисдикцию о-ва Тайвань, в том числе силовым путем, особую актуальность принимает вопрос обеспечения национальных интересов РФ в регионе. Вне зависимости от уровня стабильности в районах дислокации ВС РФ на Дальнем Востоке необходимо включить в планы учений отработку вопросов действий в районах расположения организаций, способных вести антироссийски направленную деятельность. Содержание и порядок проведения этих мероприятий целесообразно разработать на основе результатов изучения и анализа действий НОАК в ходе оперативной и боевой подготовки.

Что касается учета в оперативном планировании возможного участия НОАК, то она, вероятнее всего, будет участвовать при условии проведения так называемой совместной операции и многократного численного превосходства на конкретном операционном участке.

3. В области изучения опыта развития. Проведенное исследование позволило уточнить ряд требований к подготовке специалистов в области международных отношений и регионоведения, занимающихся изучением военной политики стран Дальнего востока. Необходимо повысить требования к изучению, оценке и прогнозированию военно-политической обстановки в АТР. Привлекать к решению данной задачи опытных, квалифицированных специалистов, владеющих китайским языком для работы с первоисточниками, имеющих опыт зарубежных командировок в КНР.

Темпы развития НОАК, направленность и содержание долгосрочных планов руководства Китая, влияние ряда других факторов (включая стремление к региональному лидерству) объективно играют важную роль в сфере национальной безопасности России. При этом, учитывая прогнозный

характер большинства из сформулированных в данном исследовании выводов, а также степень их важности для обеспечения военной безопасности России, приоритет должен быть отдан организациям, занимающимся именно выработкой средне- и долгосрочного прогноза развития военно-политической и военно-стратегической обстановки.

Авторская позиция заключается в том, что необходимы наращивание усилий по изучению информации в рассматриваемой области и ее дополнительный независимый анализ. Это могло бы быть обеспечено группами специалистов (аналитиков-регионоведов). Именно этому направлению развития информационно-аналитической деятельности уделяется основное внимание в НИО ведущих зарубежных стран. Учитывая наличие в России богатого соответствующего опыта, научных разработок и достаточной материальной базы, следует обеспечить стабильное функционирование таких аналитических групп при регулярном финансировании (относительно незначительном, в сравнении с опытно-конструкторскими работами) и сохранении преемственности научной школы путем постоянного притока свежих кадров и отработанной системы их подготовки.

Таким образом, усилия российских научно-исследовательских организаций и «мозговых центров» в области российско-китайского ВТС необходимы для более объективной оценки и реалистичного прогноза сотрудничества с КНР, так как от этого зависит не только правильность выбора высшим военным и политическим руководством страны стратегии и тактики ВТС с ближайшим соседом, но и своевременное парирование военно-технических вызовов и угроз национальной безопасности России в интересах военного строительства.

Выводы по третьей главе

Анализ вероятных вызовов и угроз военно-технического характера в адрес России свидетельствует о том, что, осуществляя модернизацию НОАК,

Китай использует достижения науки и техники, создавая научно-практический задел на перспективу. Командование НОАК стремится к достижению максимальной эффективности в разработке новых вооружений, используя в НОАК прорывные достижения мировой науки и практики. Китай последовательно ускоряет развитие отечественной военной науки, технологий двойного назначения и военной промышленности, прилагает усилия для создания на новом уровне взаимосвязанной, целостной системы военной науки и производства. Проблемным для России выглядит вопрос создания прочной системы сдержек и противовесов в отношениях с Китаем, для предотвращения непропорционального развития двух стран, способного в долгосрочной перспективе привести к разрушению союза.

Несмотря на сдержанную официальную позицию КНР и России в отношении целей ВТС, его лейтмотивом должен стать, прежде всего, процесс создания геополитической силы, которая сможет представлять собой противовес нарастающей всесторонней гегемонии США в мире. Представляется возможным дальнейшее развитие ВТС: наряду с традиционным экспортом обычных вооружений необходимо развитие сотрудничества на уровне НОАК, специальных разработок по заказу китайских заказчиков.

В результате, только на основе достоверной информации о проблемах российско-китайского ВТС может быть дана реальная оценка вызовов и угроз интересам национальной безопасности Российской Федерации, то есть, решена задача стратегического предупреждения. С другой стороны, для отечественных специалистов выводы исследования и выработанные рекомендации могут быть полезны с точки зрения интереса, который представляет китайский опыт военного строительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование дает основания сделать следующие выводы:

1. В настоящее время исследователям известны несколько моделей ВТС, однако наиболее распространенной является типология, основанная на мотивации импортера вооружения. В ее состав входят зависимая, коррупционная, блокадная, рационально-прагматическая и политическая модели. Ни одна из них по отдельности не подходит России в ее военно-техническом сотрудничестве с Китаем, поскольку специфика рынка вооружений КНР определяет их комплексное использование. Поэтому считаем целесообразным выстроить политическую модель российско-китайского ВТС на основе веберовской идеально-типической модели поведения импортера на рынке вооружений и мотивационной типологии рынков вооружений.

2. В результате анализа эволюции теоретических взглядов руководства КНР на обеспечение военной безопасности было установлено, что на формирование текущего военно-политического курса Китая влияет стремление повысить роль государства в создании нового многополярного миропорядка. В первой четверти XXI века в китайских военно-доктринальных документах все большее внимание обращается на увеличение роли военно-технического сотрудничества как способа влияния на сложившийся баланс сил в регионе Северо-Восточной Азии. Вместе с тем положения китайской военной доктрины сформировались в 80-е гг. XX века, и, несмотря на изменения международной обстановки и положения Китая в системе международных отношений, они остаются в неизменном виде без существенных изменений уже четвертое десятилетие.

3. Результаты исследования факторов, влияющих на российско-китайское ВТС, показали, что приближение военной инфраструктуры США с использованием территорий Японии и Республики Корея к границам Российской Федерации, возможная дестабилизация обстановки между отдельными государствами Северо-Восточной Азии, обострение

региональной и глобальной стабильности являются основными факторами активизации российско-китайского ВТС. К другим причинам можно также отнести наращивание воинских контингентов вооруженных сил США на территориях Республики Корея, Японии и в акваториях Тихого океана в целях политического и военного давления на Россию, а также размещение элементов тихоокеанского сегмента глобальной системы ПРО США для дестабилизации военно-политической обстановки в регионе и нарушения сложившегося соотношения сил в ракетно-ядерной сфере. Одним из направлений стратегии России по нейтрализации данных угрозообразующих факторов может быть изменение баланса сил в сторону КНР путем проведения военно-технического сотрудничества.

4. Исследование российско-китайского ВТС на современном этапе развития позволило сделать вывод о снижении роли данного вида сотрудничества в отношениях двух стран. Начиная с 2013 года, наблюдается процесс «замещения» собственно военным сотрудничеством привычного места ВТС в российско-китайских отношениях. Вместе с тем, ВТС РФ и КНР прошло несколько этапов: от экспорта советских систем вооружения в Китай до выполнения индивидуальных разработок и заказов по спецпроектам китайского ОПК; от сотрудничества китайских инженеров с российскими конструкторскими бюро до поставок высокотехнологичных систем вооружений в интересах китайской ПВО/ ПРО. С учетом вышеизложенных изменений и принятой в исследовании типологии рынков вооружений представляется возможным описать существующее в настоящее время состояние ВТС. Так, с позиций политического аспекта модели наблюдается снижение и замещение ВТС собственно военным сотрудничеством. Коррупционный и блокадный аспекты модели приобрели стабильный характер. Рационально-прагматический и зависимый аспекты остались без изменений. Таким образом, в перспективе с учетом существующих тенденций, появляется угрозообразующий фактор – снижение темпов российско-китайского ВТС и конкуренция России и Китая на рынках вооружений третьих стран.

5. Анализ доступной автору литературы по вопросам мировых рынков вооружений и военно-техническому сотрудничеству позволяет утверждать, что роль ВТС в системе международных отношений непрерывно возрастает. Данная деятельность выступает как в качестве основы взаимоотношений стран-партнеров, так и дополнением к уже достаточно развитым отношениям в политической, экономической или военной области. Остаются нерешенными многие вопросы исследования политического аспекта военно-технического сотрудничества иностранных государств. Это объясняется достаточно закрытым характером информации о взаимоотношениях государств в данной сфере. Увеличивается значение научно-исследовательских организаций и «мозговых центров», которые проводят целенаправленный мониторинг, оценивают и моделируют перспективные состояния ВТС импортеров и экспортеров рынков вооружений, а также влияние на данный процесс различных факторов, существующих в настоящее время.

6. Рассмотрение перспектив развития российско-китайского ВТС показало наличие обоюдных интересов российской и китайской стороны к продолжению и диверсификации сотрудничества. Наиболее перспективным направлением сотрудничества для двух стран являются совместные НИОКР в высокотехнологичных областях: совместное создание систем ПВО/ПРО, истребителей 5/6-го поколений, подводных кораблей и космических аппаратов. Наличие значительного количества направлений совместной деятельности позволит, с одной стороны, обеспечить заказами предприятия отечественного ОПК, с другой – сместить баланс сил в СВА в сторону Китая, тем самым решив задачу стратегического сдерживания США. Перспективная модель российско-китайского ВТС потребует корректировки. Предполагается, что влияние российско-китайского ВТС на политический аспект увеличится, несмотря на проводимое военное сотрудничество. Рационально-прагматический аспект модели осталась без изменений. Коррупционному аспекту, учитывая появление новых субъектов сотрудничества, будет присуще увеличение признака. Блокадный аспект модели с учетом развития уже введенных США

санкций получит увеличение признака. В зависимом аспекте модели с учетом появления совместных российско-китайских НИОКР будут находиться элементы присутствия признака.

В результате проведенного исследования представляется возможным представить политическую модель российско-китайского ВТС, структурно представленную тремя блоками: ретроспективным, современным и перспективным (см. таблицу 26).

Таблица 26

Политическая модель российско-китайского ВТС

Тип-модель	Политическая	Рационально-прагматическая	Коррупционная	Блокадная	Зависимая
Ретроспективное состояние модели					
Присутствие признака	доминирующий	сильно выраженный	ощутимое присутствие	присутствие элементов	отсутствует
Динамика признака	стабильный	стабильный	признаки нарастания	признаки нарастания	стабильный
Влияние на российскую позицию	положительное	положительное	положительное	положительное	—
Современное состояние модели					
Присутствие признака	снижение признака	сильно выраженный	выражен	присутствие элементов	отсутствует
Динамика признака	стабильный	стабильный	стабильный	стабильный	стабильный
Влияние на российскую позицию	положительное	положительное	положительное	положительное	—
Перспективное состояние модели					
Присутствие признака	увеличение признака	сильно выраженный	увеличение признака	увеличение признака	присутствие элементов
Динамика признака	стабильный	стабильный	стабильный	стабильный	стабильный
Влияние на российскую позицию	положительное	положительное	положительное	положительное	—

7. Изучение возможностей развития российско-китайской промышленной кооперации на основе опыта ВТС двух стран позволяет говорить о необходимости пересмотра имеющихся место подходов к ее организации. Китай практически преодолел зависимость от импорта готовых вооружений и военной техники, занимая одно из лидирующих мест в мире по самообеспечению и номенклатуре производимых изделий. Проводятся лишь ограниченные закупки российских образцов, имеющих исключительно высокие характеристики, в дополнение к собственному производству.

Учитывая данные обстоятельства, необходимо констатировать, что факторы негативного сценария ВТС РФ и КНР создают предпосылки к его замедлению и дальнейшему замещению собственно военным сотрудничеством. В интересах реализации позитивного сценария развития российско-китайского ВТС необходимо сконцентрировать усилия на создании информационных моделей и методик, позволяющих проводить исследования различных состояний ВТС в условиях недостаточной информационной базы. В качестве основы методологии исследований в сфере ВТС должен выступать системный подход. Недостаток достоверных информационно-аналитических документов как по предмету, так и по объекту исследования, разрабатываемых в профильных научно-исследовательских организациях и «мозговых центрах», необходимо компенсировать непрерывным поиском достоверных информационных материалов по различным аспектам ВТС. Особое внимание необходимо уделить борьбе с нехваткой специалистов с профильным образованием, знанием китайского языка и опытом работы в КНР.

БИБЛИОГРАФИЯ

Официальные документы и правовые акты

1. Белая книга «Национальная оборона в 2008 году». 年中国的国防. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2008. 48 с.
2. Белая книга «Национальная оборона в 2010 году». 年中国的国防. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2010. 50 с.
3. Белая книга по национальной обороне «Диверсификация применения Вооруженных сил Китая». 中国武装力量的多样化运用. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2013. 52 с.
4. Белая книга по национальной обороне «Китайская военная стратегия». 中国的军事战略. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2015. 54 с.
5. Белая книга по национальной обороне «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе». 中国的亚太安全合作政策. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2017. 56 с.
6. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Подписан Президентом России Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 21 марта 2006 года в г. Пекин. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3710/print> (Дата обращения 03.12.2020). В марте 2021 г. договор был пролонгирован на 20 лет.
7. Закон КНР об аккредитованных за рубежом дипломатических работниках // принят на 11-м съезде ПК ВСНП одиннадцатого созыва (31.11.2009 г.).
8. Закон о национальной обороне. 中华人民共和国国防法. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2015. 67 с.
9. Закон о реагировании на чрезвычайные ситуации. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2007. 38 с.
10. Закон о территориальной целостности. 反分裂国家法. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2005. 45 с.
11. Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 28.09.2021 № 379 «Об утверждении Перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранным государством, его государственными органами, международной или иностранной организацией, иностранными гражданами или лицами без гражданства могут быть использованы против безопасности Российской Федерации».

Монографии и научные статьи

12. Балахонцев Н.И. Зарубежные методы оценки потенциала стран // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 11. С. 101-104.

13. Балуюевский Ю.Н. Теоретические и методологические основы формирования военной доктрины Российской Федерации // Военная мысль. № 3. 2007. С. 14-21.
14. Бартош А.А. Гибридная война: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2021. 306 с.
15. Бартош А.А. Серая зона: театр гибридной войны. М.: Горячая линия – Телеком, 2021. 308 с.
16. Бедарева Н.И. Дипломатия партнерства КНР: уровни партнерских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2019 г. № 2. С. 114-125.
17. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Тематический блок «Национальная безопасность» // Геополитика и безопасность: Энциклопедический словарь справочник / Под общ. ред. В.А. Баришпольца. М.: МГОФ «Знание», 2014. 832 с.
18. Бергер Я.О. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 35-51.
19. Бжезинский Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. 262 с.
20. Бирюков П.Э. Международные транспортные коридоры в условиях формирования нового мироустройства: Дисс... канд. полит. н. М., 2021.
21. Болятко А. Обеспечение национальной безопасности Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 33-45.
22. Бредихина А.В. Политические конфликты и кризисы в условиях глобальных трансформаций современной миросистемы: Монография. М.: АНО ЦЭМИ, 2018. 120 с.
23. Буравлев А.И., Пьянков А.А. Управление техническим обеспечением жизненного цикла вооружения и военной техники. М.: Издательство «Граница», 2015. 304 с.
24. Буянов В.С. Внешнеполитическая деятельность и международная безопасность России: учебное пособие. М.: Дело, 2017. 344 с.
25. Вавилов Н.Н. Китайская власть. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 664 с.
26. Вавилов Н.Н. Некоронованные короли красного Китая. М.: Концептуал, 2019. 200 с.
27. Ведерников Ю.В. Красный дракон: современные военно-морские силы Китайской Народной Республики. М., 2007. 256 с.
28. Веселов В.А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность. М.: ЛЕНАНД, 2018. 104 с.
29. Виноградов А.В. Модель развития и модернизационные проекты Китая // Восходящие страны-гиганты БРИКС: роль в мировой политике,

стратегии модернизации. Сборник научных трудов. М., МГИМО, 2012. С. 309-318.

30. Война и мир в терминах и определениях: Военно-политический словарь / Под общей редакцией Д.О. Рогозина. М.: Вече, 2011.

31. Война и мир в терминах и определениях: Военно-технический словарь. Книга вторая. Нормативно-правовая основа и официальная военно-техническая и военно-экономическая терминология / Под общей редакцией Д.О. Рогозина. М.: Вече, 2017. 274 с.

32. Воскресенский А.Д. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Аналитико-консультативный центр «Стратегические изыскания», 2019. 736 с.

33. Галенович Ю.М. Войны нового Китая и его дипломатическая служба. М.: Восточная книга, 2012. 640 с.

34. Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая: Монография. М.: НП ИД «Русская панорама», 2016. 1176 с.

35. Галенович Ю.М. Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М.: Муравей, 2003. 351 с.

36. Ганиев Т.А., Задонский С.М. Военная мощь Турецкой Республики. Том 2. М.: ИБВ, 2018. 360 с.

37. Ганиев Т.А., Карякин В.В. Космическая политика мировых и региональных держав: Монография. М.: Архонт, 2020. 175 с.

38. Гареев М.А. Национальные интересы и военная безопасность России. М., 1994. 320 с.

39. Карякин В.В. Геополитическая регионалистика: Монография. М.: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2018. 223 с.

40. Гордиенко Д.В. Геополитический компонент политики Китайской Народной Республики в «стратегическом треугольнике» Россия-Китай-США // Экономика и управление: проблемы и решения. 2019. № 1. Том 8 (85). С. 21-37.

41. Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. Оценка уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии: монография. М., 2013. 88 с.

42. Гордиенко Д.В., Гордиенко Ю.Д. Оценка защищенности экономики Японии при реализации глобальных интеграционных проектов: концептуальные подходы к оценке при реализации Транстихоокеанского партнерства // Экономика и управление: проблемы и решения. 2019. № 3. Том 6 (87). С. 4-13.

43. Гриняев С.Н. Мараев П.Л., Медведев Д.А. Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат / Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина. М.: АНО ЦСОиП, 2021. 172 с.

44. Гулина Е.В. Российско-китайские отношения по обеспечению безопасности в Центральной Азии: динамическая модель сопричастности: Дисс... канд. полит. н. М., 2019.
45. Дворкин В.З. О балансе и сценариях ядерного сдерживания: анализ и прогноз // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 2. С. 55-62.
46. Девятков А.П. Практическое китаеведение: Базовый учебник. М.: Восточная книга, 2007. 544 с.
47. Дегтярев Д.А. Количественные методы в прикладном анализе международных отношений: Дисс... докт. полит. н. М.: РУДН, 2019. 644 с.
48. Евдотьева М.Г., Крамник И.А., Стефанович Д.В. Военно-техническое сотрудничество стран Юго-Восточной Азии / Отв. ред. М.Г. Евдотьева. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 147 с.
49. Евтюшин К.А. Внешнеполитические приоритеты КНР в конце XX века // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 6 (149). С. 146-164.
50. Евтюшин К.А. Внешняя политика КНР на современном этапе: основные факторы и направления // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 12 (90). С. 126-133.
51. Ежегодник СИПРИ 2019: вооружения, разоружение и международная безопасность / Пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 893 с.
52. Епахина О.В. Математические методы обработки и анализа социологических данных: учебное пособие / Ярославский университет. Ярославль: ЯрГУ, 2007. 132 с.
53. Епихина Р.А. Роль электроэнергетики во внешнеэкономической экспансии КНР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12 (6). С. 188-202.
54. Корабельное знание: журнал. Пекин: Изд-во Китайской кораблестроительной промышленной корпорации. 2017. № 8. 98 с.
55. Наука и техника оборонно-промышленного комплекса: журнал. Сычуань: Изд-во Научно-технического комитета провинции Шэньси, 2020. 112 с.
56. Современное вооружение: журнал. Пекин. Изд-во Китайской оружейной корпорации. 2020. 98 с.
57. Задонский С.М. Военная мощь Турецкой Республики. Том I. М.: ИБВ, 2018. 366 с.
58. Заморин В.А. Русско-китайский словарь-справочник в области торгово-экономического и военно-технического сотрудничества. 俄汉经贸和军技合作分类词典. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство ВКН, 2016.
59. Исаев А.С. Китай в мировом киберпространстве // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 6-23.
60. Казанин М.В. Военное присутствие КНР в Джибути: геополитические причины и перспективы // Ближний Восток и

современность. Сборник статей. Выпуск 52. М., 2018. С. 86-97.

61. Казанин М.В. Вызовы интересам России в контексте реализации концепции национальной безопасности Китайской Народной Республики: Дисс... канд. полит. н. М.: РАНХиГС, 2013. 228 с.

62. Казанин М.В. Национальная безопасность КНР: теоретическая основа и практика обеспечения: Монография. М.: МАКС Пресс, 2014. 168 с.

63. Казанин М.В. Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов. М.: Институт Ближнего Востока, 2017. 276 с.

64. Казанин М.В., Абдрахманова А.Р. Развитие системы противоракетной обороны КНР как элемента обеспечения национальной безопасности / Этносоциум и международная культура. 2021. № 1. С. 75-94.

65. Калимонов И.К. Основы научных исследований (зарубежная история): практикум. Казань: КГУ, 2006. С. 40.

66. Каменнов П.Б. Инновационные и структурные преобразования военно-промышленного комплекса КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 6. С. 116-127.

67. Каменнов П.Б. КНР: военная политика в начале XXI века: монография. М.: ИДВ РАН, 2019. 248 с.

68. Карпиленя Н.В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства: монография. М.: ИД «Архонт», 2020. 426 с.

69. Карякин В.В., Козин В.П. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века: монография. М.: Граница, 2014. 368 с.

70. Кашин В.Б. Китайская картина будущего мира и место России в нем // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 159-165.

71. Кашин В.Б. Китайский экспорт вооружений, военной и специальной техники после 2015 года // Экспорт вооружений. 2020. № 4 (152). С. 19-22.

72. Кашин В.Б., Крашенникова Л.С., Пятачкова А.С. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 7. Том 64. С. 49-59.

73. Кашин В.Б. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР / М.С. Барабанов, В.Б. Кашин, К.В. Макиенко; Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований. М., 2013. 272 с.

74. Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Смирнова В.А., Литвинова А.А., Поташев Н.А. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР // Аналитическая записка К6/03/2021 // М.: ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, 2021. 24 с.

75. Киселев С.Г. Евразийское пространство – арена глобального противостояния // Россия и евразийское пространство: векторы развития: коллективная монография / Под общей ред. С.Г. Киселева; ответственный редактор Т.А. Яшкова. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 5-14.

76. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Науч. изд. центр «Ладомир», «ТОО ВРС», 1997. 847 с.

77. Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2013. 640 с.
78. Китайский гамбит: куда ты идешь, Поднебесная?: Монография / под ред. А.В. Бредихина. М.: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2020. 86 с.
79. Кнорр К. Военный потенциал государств. М.: Воениздат, 1960. 394 с.
80. Ковалев С.И. Силы самообороны Японии: Информационно-справочное издание. М.: Международные отношения, 2016. 336 с.
81. Кожухов А.В. Политическая модель современных российско-афганских отношений: Дисс... канд. полит. н. М., 2019.
82. Козыкина Н.В., К.Г. Муратшина. Особенности дипломатии современного Китая: учеб. пособие / науч. ред. В.И. Михайленко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 148 с.
83. Кокошин А.А. Военная реформа в КНР 2015-2020 гг.: оборонные, внешнеполитические и внутривнутриполитические аспекты. Издание 2-е, расширенное и дополненное. М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2016. 46 с.
84. Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры Китая. М.: РИСИ, 2012. 266 с.
85. Конституция КНР. 中华人民共和国宪法. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2004. 55 с.
86. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. 272 с.
87. Кривопапов А.А. Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики. М.: Научный эксперт, 2016. 112 с.
88. Кривопапов О.О. Противоракетная оборона США: дискуссии и решения (2009-2019). М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 320 с.
89. Круглов В.В., Абдрахимов Л.Г. Армейские международные игры. Танковый биатлон. Китайский язык. М.: Издательский дом ВКН, 2020. 104 с.
90. Круглов В.В., Суптель А.И. Военная футурология. М.: Военная академия им. Петра Великого, 2001. 256 с.
91. Кудашкин В.В. Государственное регулирование торговли продукцией военного назначения с иностранными государствами: Монография. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 346 с.
92. Кузнецов Р.А. Роль Китая в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций // Зарубежное военное обозрение. 2019. № 9. С. 16-20.
93. Курносов Ю.В. Аналитика и разведка. Размышления профессионала. 4-е издание. М.: ООО «РИТМ», 2020. 392 с.
94. Ломанов А.В. Китайская рациональность в современном мире // Философские науки. 2018. № 7. С. 24-37.
95. Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // Сравнительная политика. 2019. № 2. С. 135-151.

96. Макиенко К.В. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992-2002 годах: достижения, тенденции, перспективы. М.: Гендальф, 2002. 66 с.
97. Макиенко К.В. Типы рынков вооружений // Экспорт вооружений. Специальный выпуск 2021 г. С. 45-48.
98. Макиенко К.В. Мировой рынок вооружений: структура, тенденции, вызовы. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018. 312 с.
99. Малинецкий Г.Г. Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ: Исследование исторических, военных, социально-экономических и политических процессов. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.
100. Маначинский А.Я., Дудчак А.В. Военный потенциал Китая. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2015. 180 с.
101. Маслов А.А. Китай 2020: пандемия, экономика и глобальные альтернативы / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: РИПОЛ классик, 2020. 368 с.
102. Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010-2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 4. Т. 14. С. 6-22.
103. Михайленко А.Н., Кожухов А.В. Антинаркотическая безопасность в системе развития: учебное пособие. М.: РГ-Пресс, 2019. 216 с.
104. Модели и методы инновационной экономики / Сборник научных трудов под ред. К.А. Багриновского и Е.Ю. Хрусталева. Выпуск 7. М.: ЦЭМИ РАН, МАОН, 2015. 189 с.
105. Муравых А.И., Никитенко Е.Г. Основы национальной безопасности и устойчивого развития: учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2017. 216 с.
106. Национальная оборона КНР в новую эпоху. 新时代的中国国防. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2019. 62 с.
107. Небренчин А.С., Небренчин С.М. КНР – сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2017. 116 с.
108. Огарков Н.В. История учит бдительности. М.: Воениздат, 1985. 310 с.
109. Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. 496 с.
110. Панкова Л.В., Гусарова О.В. Военно-экономические сдвиги на рубеже третьего десятилетия XXI века. Анализ и прогноз // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 2.
111. Паньков В.С. Глобализация экономики: сущность, проявления, вызовы и возможности для России. ООО Издательский дом «Верхняя Волга», 2009. 368 с.

112. Пахомова М.А. Политика Китая в странах Арабского Востока (1978-2012 гг.): Дисс... канд. истор. наук. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2013.
113. Перцев А.Б. Российско-китайские отношения и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации: Автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2011. 24 с.
114. Печуров С.Л. Англо-саксонская модель военной реформы: история и современность. М.: Издательство Московского университета, 2015. 192 с.
115. Печуров С.Л. Англо-саксонская модель коалиционной войны. История и современность. М.: РОО «Информационная цивилизация – XXI век», 2008. 228 с.
116. Плэтт В. Информационная работа стратегической разведки. Основные принципы / Пер. с английского Е.Б. Пескова. Под ред. А.Ф. Федорова. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 320 с.
117. Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. М.: МГИМО–Университет, 2015. 464 с.
118. Показеев А.П. Военный потенциал штатов США: от шт. Айдахо до шт. Юта (основные элементы военного потенциала на территории США). М.: Перо, 2016. 507 с.
119. Покатилов В.В. Военно-доктринальные взгляды государственного и военного руководства США и их факторный анализ: учебное пособие / под науч. ред. А.Е. Саканцева. М.: Проспект, 2020. 416 с.
120. Полончук Р.А. Роль и место военно-морских сил НОАК в обеспечении национальной безопасности Китая: Монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2019. 106 с.
121. Полончук Р.А. Тайвань на рынке вооружений // Экспорт вооружений. 2020. № 4 (152). С. 47-52.
122. Полончук Р.А., Шашок Л.А. Ближневосточная политика Китайской Народной Республики. М.: АНО ЦСОиП, 2021. 168 с.
123. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. 832 с.
124. Правила выполнения миротворческих миссий НОАК. 解放军维持和平规定. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2012. 46 с.
125. Прохожев А.А. Национальная идеология и национальная безопасность России: монография. М.: ОАО МПК, 2013. 168 с.
126. Прохоренко И.Л., Алешин А.А. К вопросу оценки внешнеполитического потенциала государств в прогнозных исследованиях. Анализ и прогноз // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 3. С. 12-22.
127. Рабочие материалы по научному проекту «Развитие национального человеческого капитала на предприятиях оборонно-

промышленного комплекса как фактор повышения обороноспособности России» / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др.; ответственный редактор А.И. Подберезкин; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Центр военно-политических исследований. Москва, 2020. 425 с.

128. Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад № 58/2020 / С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020. 254 с.

129. Россия-Китай: Вехи военно-технического сотрудничества // Книга-альбом. М.: АО «Рособоронэкспорт», 2019. 324 с.

130. Россия и евразийское пространство: векторы развития: коллективная монография / Под общей ред. С.Г. Киселева; ответственный редактор Т.А. Яшкова. М.: МАКС Пресс, 2017. 358 с.

131. Свечин А.А. Стратегия. М.: Госвоениздат, 1926. 265 с.

132. Свешников А.А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников. М.: ИДВ РАН, 1999. 180 с.

133. Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Ломоносовъ, 2013. 283 с.

134. Советов Б.Я., Яковлев С.А. Моделирование систем: Учебник для вузов. М: Высшая школа, 2001. 343 с.

135. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Принята Президентом России Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 21 марта 2006 года в г. Пекин. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3710/print> (Дата обращения 03.12.2020).

136. Сыроежкин К.Л. Китай: военная безопасность. Монография. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2008. 268 с.

137. Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли. 2008. 624 с.

138. Трактаты о военном искусстве / Сунь-цзы, У-цзы; пер. с кит., предисловие и коммент. Н.И. Конрада. М.: АСТ: АСТРЕЛЬ, СПб.: Terra Fantastica, 2011. 606 с.

139. Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России: Монография / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019.

140. Тренин Д.В. Китайская проблема России / Моск. Центр Карнеги. М., 1998. 57 с.

141. Тренин Д.В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. – М.: Альпина Паблишер, 2021. 471 с.

142. Тутнова Т.А. Ракетно-космическая деятельность КНР: возрастающая роль в международных отношениях / Отв. ред. Н.П. Ромашкина; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. 220 с.
143. Умеров Д.А. Модель гармонизации стратегии и тактики современных российско-таджикских отношений: Дисс... канд. полит. н. М., 2021.
144. Ладыгин Ф.И. Из истории контроля над вооружениями. Последует ли продолжение? М.: РМПИ, 2020. 310 с.
145. Фрунзе М.В. Сочинения. М.: Госиздат, 1927. 136 с.
146. Харитонов Е.М. Роль прогнозных исследований в деятельности по достижению целей в области устойчивого развития ООН. Анализ и прогноз // Мировая экономика и международные отношения, 2019. № 2. С. 12-22.
147. Хилсмэн Р. Стратегическая разведка и политические решения. М.: Издательство иностранной литературы, 1957 / Перевод с английского К.П. Сониной и О.Е. Зильберберг (Roger Hilsman, *Strategic Intelligence and National Decisions*, Glencoe, 1956). 192 с.
148. Храмчихин А.А. Готов ли Восточный округ стоять насмерть? // Независимое военное обозрение. 17.12.2020 г. С. 5.
149. Храмчихин А.А. Дракон проснулся?: внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. М.: Ключ-С, 2015. 192 с.
150. Хрусталева Е.Ю. Когнитивные модели стратегического управления оборонно-промышленным комплексом // Вооружение и экономика. 2011. № 1. С. 105-120.
151. Ци Хуайгао, Ли Кайшэн. Меняющаяся властная иерархия Северо-Восточной Азии и стратегические интересы Китая в 2020-е годы // Международная аналитика. 2020. Том 11.
152. Цыгичко В.Н. Модели в системе принятия военно-стратегических решений в СССР. М.: Империя Пресс, 2005. 96 с.
153. Чуприн К.В. Военная мощь Поднебесной: Вооруженные силы КНР: Справочник / Под общей ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 2006. 840 с.
154. Фрунзе М.В. Сочинения. М.: Госиздат, 1927. 136 с.
155. Шапошников Б.М. Военно-научные труды. 2-е издание. М.: Воениздат, 1982. 289 с.
156. Шафинская Н.В. Адаптивная модель реализации гуманитарной политики Российской Федерации в Социалистической Республике Вьетнам: Дисс... канд. полит. н. М., 2021.
157. Шевченко А.В. Место и роль государственности в системе ценностей российского офицера / А.В. Шевченко, Е.В. Смирнов // Известия. Балашиха: ВА РВСН им. Петра Великого, 2017. С. 178-183.
158. Шлыков В.В. НАТО и совместное производство вооружений: Дисс... канд. эконом. н. М.: ИМЭМО АН СССР, 1970. 235 с.
159. Шлындов А.В. Военно-морские силы Китая на пути модернизации и развития. М., 2013. 12 с.

160. Шлындов А.В. Вооруженные силы Китайской Народной Республики: монография. М.: ИДВ РАН, 2019. 184 с.

161. Явчуновская Р.А., Яшкова Т.А. Политика модернизации в региональном измерении современного мира: монография. М.: МАКС Пресс, 2012. 182 с.

Интернет-источники

162. Веб-страница [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_170c38ad60102yz7o.html (19.09.2020).

163. Веб-страница [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1210830.shtml> (дата обращения 22.05.2021).

164. Голубая книга по внешней политике 2018 [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.Republic of Korea Ministry of National Defense \(English\).com.htm](http://www.Republic of Korea Ministry of National Defense (English).com.htm) (дата обращения 09.12.2020).

165. ИПО УНО НОАК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdsndu.org/> (дата обращения 19.09.2020).

166. Путин рассказал о помощи КНР в создании системы предупреждения о ракетном нападении // Интерфакс. 03.10.2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/679050> (дата обращения 22.05.2021).

167. Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы: выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН (28 сентября 2015 г., Нью-Йорк) [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.chinaembassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm> (дата обращения 26.01.2019).

168. Стратегия национальной безопасности [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.Republic of Korea Ministry of National Defense \(English\).htm](http://www.Republic of Korea Ministry of National Defense (English).htm) (дата обращения 21.10.2020).

169. Экстренное сближение. Как пандемия усилит зависимость России от Китая [Электронный ресурс]. URL: https://carnegie.ru/commentary/81633?mkt_tok=eyJpIjoiT1ROaVpEWTFPV013WkdR (дата обращения 25.05.2021).

170. Beijing security forum shows how Chinese military takes belt and road route to Africa [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3018414/beijing-security-forum-shows-how-chinese-military-takes-belt> (дата обращения 20.05.2021).

171. China and Russia Sign Military Cooperation Roadmap [Электронный ресурс]. URL: [https:// thediplomat.com/2017/06/china-and-russia-sign-military-cooperation-roadmap/?utm_content=buffera10d0&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer](https://thediplomat.com/2017/06/china-and-russia-sign-military-cooperation-roadmap/?utm_content=buffera10d0&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer) (дата обращения 09.03.2021).

172. China escalates coercion against Vietnam's longstanding oil and gas activity in the South China Sea [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/china-escalates-coercion-against-vietnams-longstanding-oil-and-gas-activity-in-the-south-china-sea/> (дата обращения 20.05.2021).

173. China just finished a month of unannounced drills in the South China Sea to test its wartime command system [Электронный ресурс]. URL: <https://www.businessinsider.com/china-drills-in-the-south-china-sea-to-test-wartime-command-system-2019-2> (дата обращения 20.05.2021).

174. China, Russia to Hold First Joint Anti-Missile Drill [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2016-05/05/content_25067674.htm (дата обращения 09.03.2021).

175. China's doghouse is smaller than it looks [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-04-05/china-s-economic-bullying-isn-t-as-fearsome-as-people-think> (дата обращения 20.05.2021).

176. Hypersonics by 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/news/2019/09/mil-190904-dvids01.htm> (дата обращения 09.03.2021).

177. Putin and Xi herald the virtues of globalism, critiquing the U.S. on trade [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/07/business/economy/russia-china-us-trade.html?searchResultPosition=6>. (дата обращения 20.05.2021).

178. Quantum Hegemony? China's Ambitions and the Challenge to U.S. Innovation Leadership [Электронный ресурс]. URL: https://s3.amazonaws.com/les.cnas.org/documents/CNASReport-Quantum-Tech_FINAL.pdf?mtime=20180912133406 (дата обращения 21.03.2020).

179. Russia and China's Enduring Alliance: A Reverse 'Nixon Strategy' Won't Work for Trump [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-02-22/russia-and-china-s-enduring-alliance?cid=int-lea&pgtype=hpg> (дата обращения 09.03.2021).

180. Russia completes deliveries of Su-35 fighter aircraft to China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.janes.com/article/87934/russia-completes-deliveries-of-su-35-fighter-aircraft-to-china> (дата обращения 21.05.2021).

181. Russia completes deliveries of Su-35 fighterair craft to China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.janes.com/article/87934/russia-completes-deliveries-of-su-35-fighter-aircraft-to-china> (дата обращения 21.05.2021).

182. Russia Now Looking to SellIts Prized Rocket Engines to China [Электронный ресурс]. URL: <https://arstechnica.com/science/2018/01/russia-now-looking-to-sell-its-prized-rocket-engines-to-china> (дата обращения 21.05.2021).

183. Russia to Help China Develop an Early Warning System [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2019/10/russia-to-help-china-develop-an-early-warning-system> (дата обращения 22.05.2021).

184. Russia to Join China in Naval Exercise in Disputed South China Sea [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/29/world/asia/russia-china-south-china-sea-naval-exercise.html> (дата обращения 21.05.2021).

185. Russia, China, Iran Start Joint Naval Drills in Indian Ocean [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-military-russia-china/russia-china-iran-start-joint-naval-drills-in-indian-ocean-idUSKBN1YV0IB> (дата обращения 21.05.2021).

186. SCMP [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3116826/chinas-next-gen-j-20-stealth-fighter-jettisons-russian-engine> (дата обращения 25.05.2021).

187. Taiwan will forcefully expel PLA warplanes next time: Tsai Ing-wen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3004119/chinese-jets-incursion-across-taiwan-strait-beijings-way> (дата обращения 21.05.2021).

188. The Panama Canal could become the center of the US-China trade war [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/05/07/the-panama-canal-could-become-the-center-of-the-u-s-china-trade-war/> (дата обращения 20.05.2021).

189. Towards a Sino-Russian Entente? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridl.io/en/towards-a-sino-russian-entente>. (дата обращения 25.05.2021).

190. US-China Military Technological Competition and the Making of Chinese Weapons Development Strategies and Plans [Электронный ресурс]. URL: <https://escholarship.org/uc/item/43m5m3gp> (дата обращения 09.03.2021).

191. What China's newly inducted s-400 means for the balance of power in the Taiwan Strait [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2018/08/what-chinas-newly-inducted-s-400-means-for-the-balance-of-power-in-the-taiwan-strait/> (дата обращения 21.05.2021).

192. What Russian weapons are being bought by China? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/2165182/what-weapons-china-buying-russia> (дата обращения 20.05.2021).

193. World nuclear forces. SIPRI Yearbook, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2019/06> (дата обращения 09.03.2021).

194. Сишо чжунго дуйвай хобань гуаньси: чжаньлюэ сецзо вэй цзуйгао цэнцзи: [Китайское внешнеполитическое партнерство: стратегическое сотрудничество на высшем уровне] URL: <http://finance.sina.com.cn/china/20141124/024420898324.shtml> (дата обращения 29.08.2020).

195. 世界唯一核动力轰炸机，绕地球飞行 80 圈不降落，美国也不敢击落 [Электронный ресурс]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/kL7SUxFLgWNBAYKR5P8pGQ> (дата обращения 22.05.2021).

196. 中俄军事关系进入新时代 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mod.gov.cn/jmsd/2019-12/13/content_4856707.htm (дата обращения 21.05.2021).

197. 俄盘点空天力量建设“成绩单” [Электронный ресурс]. URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2020-12/28/content_279331.htm (дата обращения 22.05.2021).
198. 俄罗斯有能力击落美国的五代战机吗 [Электронный ресурс]. URL: https://k.sina.com.cn/article_2800587327_a6ed923f02700ta2b.html?from=mail&sudaref=away.vk.com&display=0&retcode=0 (дата обращения 22.05.2021).
199. 八一 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.81.cn/> (дата обращения 19.09.2020).
200. 印度向美国租借的两架无人机到货, 印媒: 可用于监视中印边境 [Электронный ресурс]. URL: https://www.guancha.cn/international/2020_11_26_572662.shtml (дата обращения 22.05.2021).
201. 又挑衅! 五角大楼: 美国务院批准向台湾出售 100 套“鱼叉”岸防巡航导弹系统 [Электронный ресурс]. URL: <https://world.huanqiu.com/article/40S0rHinDwF> (дата обращения 22.05.2021).
202. 图表: «十四五»时期经济社会发展主要指标 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/05/content_5590537.htm (дата обращения 25.03.2021)
203. 就中俄关系、能源及军事等领域合作, 张汉晖大使接受俄媒专访 [Электронный ресурс]. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_8527722 (дата обращения 21.05.2021).
204. 我核潜艇研制历程揭秘:90 年最后一艘汉级下水 [Электронный ресурс]. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/p/2018-08-12/0743516051.html> (дата обращения: 09.03.2021).
205. 我驻吉布提保障基地组织火炮实弹射击训练 [Электронный ресурс]. URL: http://www.81.cn/jmtt/2017-11/28/content_7845356.htm. (дата обращения 20.05.2021).
206. 抢先给白宫下马威! 关键时刻俄亮“杀手锏”, 新型轰炸机一飞冲天 [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1682954991209801286&wfr=spider> (дата обращения 21.05.2021).
207. 美俄军备竞赛集中导弹领域 [Электронный ресурс]. URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2020-11/04/content_274882.htm (дата обращения 21.05.2021).
208. 美国的盟友很多, 澳为何反华最甚 [Электронный ресурс]. URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/412> (дата обращения 21.05.2021).
209. 美国突然批准售台一批打击武器: 可跨海峡打击大陆 [Электронный ресурс]. URL: https://www.guancha.cn/military-affairs/2020_10_22_568884.shtml (дата обращения 22.05.2021).

210. 能否治住美国对台军售？当然也必须能 [Электронный ресурс]. URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/40SOGIRxqDe> (дата обращения 22.05.2021).

211. 苏-57 战斗机车间图：落后材料技术，拉低了飞机设计水平！ [Электронный ресурс]. URL: https://k.sina.com.cn/article_6924882280_19cc1516800100tdzk.html?from=mil (дата обращения 25.05.2021).

212. 英国智库：除航空发动机外，中国战机制造水平超越俄罗斯 [Электронный ресурс]. URL: https://www.guancha.cn/military-affairs/2020_11_15_571524.shtml (дата обращения 22.05.2021).

213. 连飞十小时！我国空军某部歼击机创单次飞行时长新纪录 [Электронный ресурс]. URL: https://www.guancha.cn/military-affairs/2020_11_08_570699.shtml?s=zwytt (дата обращения 22.05.2021).

Литература на иностранных языках

214. Alfares H.K., Nazeeruddin M. Electric load forecasting: literature survey and classification of methods // International Journal of Systems Science. 2002, Vol 33. P. 23-34.

215. Annual report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020, 200 p.

216. Anthony H. Cordesman China's New 2019 Defense White Paper // Center For Strategic International Studies / Working Draft 2019, 60 p.

217. Buzan B. Strategic Studies: Military Technology and International Relations. Macmillan International Institute for Strategy Studies, 1987, 437 p.

218. Chen Zhou, «Expert Explains White Paper on Chinese Military Strategy» [专家解读中国的 军事战略白皮书], National Defense [国防], no. 6 (2015). P. 16–20.

219. China Center for Information Industry Development, Blue Book of China's Cyber Security Development 2017-2018, 190 p.

220. China Military Power: Modernizing a Force to Fight and Win (Washington, DC: Defense Intelligence Agency, 2019). P. 63–82.

221. China's Incomplete Military Transformation, Assessing the Weakness of the People's Liberation Army / RAND National Security Research Division, 2017, 312 p.

222. China's Cyber Activities / U.S.-China Economic And Security Review Commission, 2014. P. 243-265.

223. China's Use of Cyber Warfare: Espionage Meets Strategic Deterrence / Journal of Strategic Security, 2014. P. 1-26.

224. Chinese Cruise Missile Developments // Joint Force Quarterly, 2014. P. 100.

225. Chris Buckley and Chris Horton, «Xi Jinping Warns Taiwan That Unification Is the Goal and Force Is an Option», New York Times, January 1, 2019.

226. Christopher H. Sherman, *China Moves Out: Stepping Stones Toward a New Maritime Strategy* / Center for the Study of Chinese Military Affairs Institute for National Strategic Studies China Strategic Perspectives, № 9, 2018, 214 p.
227. Cohen R., Wilson A. *Superpowers in the Economic Decline: U.S. Strategy for the Transcendence Era*. NY: Crane Russak, 1990, 265 p.
228. Collantes-Duarte J., Rivas-Echeverriat F. Time Series Forecasting using ARIMA, Neural Networks and Neo Fuzzy Neurons // WSEAS International Conference on Neural Networks and Applications, Switzerland, 2002. P. 9-12.
229. Dean Cheng, *Cyber Dragon: Inside China's Information Warfare and Cyber Operations* (Santa Barbara: Praeger, 2017). P. 15-16.
230. Dennis J. Blasko *The Chinese Army Today: Tradition and Transformation for the 21st Century* (Asian Security Studies) 2nd Edition. Routledge. 2020, 228 p.
231. Dennis M. Gormley, Andrew S. Erickson, Jingdong Yuan. A Potent Vector. Assessing Chinese Cruise Missile Developments // Joint Force Quarterly. Issue 75. 4th quarter. 2014. P. 100.
232. Eric Heginbotham, "China's Strategy in Southeast Asia," in *China Steps Out: Beijing's Major Power Engagement with the Developing World*, ed. Joshua Eisenman and Eric Heginbotham (New York: Routledge, 2018). P. 48-49.
233. Feng Zhongping and Huang Jing, «China's Strategic Partnership Diplomacy: Engaging with a Changing World», European Strategic Partnership Observatory, working paper 8 (2014).
234. Georg Strüver, «China's Partnership Diplomacy: International Alignment Based on Interests or Ideology», *Chinese Journal of International Politics* 10, 1 (2017). P. 32-37.
235. Gheys I.A., Smith L.S. A Neural Network Approach to Time Series Forecasting // *Proceedings of the World Congress on Engineering*, London, 2009, Vol. 2. P. 64-66.
236. Glen Snyder, «The Security Dilemma in Alliance Politics», *World Politics* 36, 4 (2015). P. 121-125.
237. Hinman J., Hickey E. Modeling and forecasting short term electricity load using regression analysis // *Journal of Institute for Regulatory Policy Studies*. P. 123-124.
238. Howard Wang, "China vs. Japan: Is the East China Sea Showdown Back on?" *National Interest*, June 7, 2019.
239. James C. Mulvenon. *People's Liberation Army as Organization*. RAND. Arlington. 2002. P. 274-270.
240. Jeffrey Engstrom, *Systems Confrontation and System Destruction Warfare* (RAND Corporation, 2018). P. 10-11.
241. Joel Wuthnow *System Overload: Can China's Military Be Distracted in a War over Taiwan?* // National Defense University Press Washington, D.C. June 2020, 66 p.

242. John Costello and Joe McReynolds, *China's Strategic Support Force: A Force for a New Era* (Washington D.C.: National Defense University Press, 2018. P. 1-68.
243. John M. «Sino- Russian Cooperation Against Liberal Hegemony», *International Politics*, January 2020.
244. Jonathan Fulton, «Friends with Benefits: China's Partnership Diplomacy in the Gulf», *Project on Middle East Political Science Studies* 32, 2019. P. 75-81.
245. Kevin L. Pollpeter et al., *The Creation of the PLA Strategic Support Force and Its Implications for Chinese Military Space Operations* (RAND Corporation, 2017). P. 21-22.
246. Kevin McCauley. *Modernization of PLA Logistics: Joint Logistics Support Force*. Jamestown Foundation. Washington. 2020, 19 p.
247. KSA, China Agree on Strategic Partnership, *Arab News*, January 21, 2016.
248. Laura Zhou, "Beijing starts military exercise in disputed South China Sea as tensions with Vietnam rise," *SCMP*, August 15, 2019.
249. Lawrence Chung and Liu Zhen, "Taiwan will forcefully expel PLA warplanes next time: Tsai Ing-wen," *SCMP*, April 1, 2019.
250. Lewis J.W., Di H. *China's Ballistic Missile Programs: Technologies, Strategies, Goals*. *International Security*, 2010, vol. 17, no. 2. P. 5-40.
251. Liu Zhen, "Beijing's upgraded Su-35 fighter jets put through paces over South China Sea as 'Sword of the South' air brigade takes flight", *SCMP*, July 22, 2019.
252. Mark A. Stokes et al., *The Chinese People's Liberation Army Signals Intelligence and Cyber Reconnaissance Infrastructure*, Project 2049, 2019. P. 15-16.
253. Michael S. Chase, Jeffrey Engstrom, *China's Incomplete Military Transformation Assessing the Weaknesses of the People's Liberation Army (PLA) / National Security Research Division*, 2015, 250 p.
254. Mikhail Baranov. *Shooting Star: China's military machine in the 21st century: f report by the Centre for Analyses of Strategies and Technologies (CAST)*, Moscow, 2012, 170 p.
255. *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017* // Office of the Secretary of Defense, 106 p.
256. *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015* // Office of the Secretary of Defense, 98 p.
257. *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2016* // Office of the Secretary of Defense, 156 p.
258. *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2018* // Office of the Secretary of Defense, 145 p.
259. *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2019* // Office of the Secretary of Defense, 150 p.

260. Military Balance 2018 (London: International Institute of Strategic Studies, 2018).
261. Morgentay H. Politics Among Nations: The Struggles for Power and Peace. NY: Knopt, 1948, 325 p.
262. NIDS China Security Report 2016 / The Expanding Scope of PLA Activities and The PLA Strategy. The National Institute for Defence Studies, 2016.
263. NIDS China Security Report 2020. The Expanding Scope of PLA Activities and The PLA Strategy / The National Institute for Defence Studies, 2020, 300 p.
264. Nye J. Power and Interdependence. Boston: Little, Brown and Co, 1977, 270 p.
265. Office of Naval Intelligence. The PLA Navy. New Capabilities and Missions for the 21th Century. 2020. P. 15-16.
266. Pang Xun, Liu Lida, Ma Stephanie. China's Networking Strategy for Seeking Great Power Status. The Chinese Journal of International Politics, 2017, vol. 10, no. 1. P. 1-29.
267. Paul Schwartz «The Military Dimension in Sino-Russian Relations», in Jo IngeBekkevold and Bobo Lo, eds. Sino-Russian Relations in the 21st Century, (London: Palgrave Macmillan, 2019).
268. Pickrell R. A dangerous game: responding to Chinese cyber activities / Pickrell R. // The Diplomat, 25 September 2015.
269. PLA Academy of Military Science // The Science of Military Strategy. P. 190-191.
270. Qiao Liang, Unrestricted Warfare and Anti-Unrestricted Warfare, Wuhan: Changjiang Publishing & Media, 2016.
271. Qiao Liang, Wang Xiansu Unrestricted warfare // Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, 1999, 228 p.
272. Quick Guide to China's Diplomatic Levels, South China Morning Post, January 20, 2016.
273. Republic of Korea Defense White Paper, 2018. Seoul, 2018, 144 p.
274. Richard J. Heuer, Jr. Psychology of Intelligence Analysis // Center for the Study of Intelligence, 1999, 214 p.
275. Robert S. Ross «Sino- Russian Relations: The False Promise of Russian Balancing», International Politics, September 2019.
276. SIPRI fact sheet April 2019: trends in the world military expenditure, 2018, SIPRI, April 29, 2019.
277. Taiwan blasts China for 'reckless and provocative' fighter jet incursion", SCMP, April 1, 2019.
278. The Chinese Peoples Liberation Army in 2025 / Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, 2015, 267 p.
279. The Military Balance 2020 / International Institute for Strategic Studies. Abingdon: Taylor & Francis, 2020, 504 p.

280. Yang Yi, Ren Huiqi, Conception of National Defense Engineering Construction under the Condition of Intelligentized Warfare, Defense Engineering, Vol. 40, No. 6 (2018).

281. Ye Zheng, Information Operations / (Beijing: Military Science Publishing House, 2013). P. 132-135.

282. Би Яньтао и Ван Цзиньлинь, «Основы стратегической коммуникации». [战略传播纲要]. Пекин: Издательство политической литературы, 2011. 345 с.

283. Дай Вэйлай. Стратегия китайской «дипломатии создания партнерств»: особенности, причины и пути. 中国的泽办外交战略: 特征, 原因与路径 // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2015. № 10. С. 30.

284. Китайско-российское совместное антитеррористическое учение «Мирная миссия – 2009». 中俄联合反恐军事演习 «和平使命 – 2009». Пекин.: Канцелярия по иностранным делам МО КНР, 2009. 200 с.

285. Ли Дапэн. Вэйлай чжи чжань: Цюань вэйцин цюечжань [«Будущая война: применение высокоточного оружия на всех театрах военных действий»] Бэйцзин: Шиши чубаньшэ, 2015. 303 с.

286. Лю Мохуа «Мэйго ванло кунцзяньчжань сысян яньцзю» [«Концепции деятельности США в космическом и кибернетическом пространстве»]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014. 282 с.

287. Наука о военной стратегии. 战略学]. Пекин: Издательство Академии военных наук, 2013, 296 с.

288. Современные военно-морские силы Китая. 现代解放军海军. Пекин, 2018. 312 с.

289. Сю Куй «Гофан дунюань чжаньлюэ гуйхуа лунь» [«Теория стратегического планирования мобилизации в интересах национальной обороны»]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014. 276 с.

290. Тан Лин «Сяндай цзюньши чжаньлюэ цзюэцэ яньцзю» [«Принятие стратегических решений в современной военной стратегии»]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014. 282 с.

291. Чжан Юлян. «Наука об операциях». 战役学/张玉良. Пекин: Изд-во Университета обороны, 2006. 654 с.

292. Чэн Юнхун «Мэйго чжаньлюэ кунцзянь куочжань яньцзю» [«Расширение присутствия США в космической сфере»]. Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, Бэйдзин, 2014. 310 с.